

САЙМОН СКЭРРОУ

ДОБЫЧА ЗОЛОТОГО ОРЛА

◆
ПРОРОЧЕСТВО ОРЛА

РОМАНЫ СКЭРРОУ В ЧИСЛЕ ЛУЧШИХ.

INDEPENDENT

The Big Book. Исторический роман

Саймон Скэрроу

**Добыча золотого орла.
Пророчество орла**

«Азбука-Аттикус»

2004, 2005

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Скэрроу С.

Добыча золотого орла. Пророчество орла / С. Скэрроу —
«Азбука-Аттикус», 2004, 2005 — (The Big Book. Исторический
роман)

ISBN 978-5-389-21196-4

К концу лета 44 г. н. э. долгое противостояние с непокорными местными племенами в Британии истощило не только силы воинов командующего Плавта, но и терпение Императора, требующего скорейшей победы. Задача центурионов Макрона и Катона в составе Второго легиона – удержать брод через реку Тамезис. Но из-за ошибки командования герои оказываются в роли беглецов, преследуемых собственными товарищами, и теперь у них есть лишь один слабый шанс искупить вину. Весной 45 г. центурионы Макрон и Катон, уволенные из Второго легиона в Британии, ожидают расследования своей причастности к смерти товарища-офицера. И хотя им известно коварство секретаря Нарцисса, не в их положении выбирать: выполнив его просьбу отбить у пиратов ценнейшие свитки, они окажут услугу Империи и спасут свою репутацию. Но Нарцисс оказывается в сговоре с Вителлием, их давним врагом, и теперь центурионам вновь приходится думать не только о судьбах Рима, но и о собственных судьбах. Вошедшие в сборник романы Саймона Скэрроу «Добыча золотого орла» и «Пророчество орла» продолжают знаменитый цикл «Орлы Империи», который посвящен римским legionарам и книги которого стали бестселлерами во многих странах мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21196-4

© Скэрроу С., 2004, 2005
© Азбука-Аттикус, 2004, 2005

Содержание

Добыча золотого орла	7
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Саймон Скэрроу

Добыча золотого орла; Пророчество орла (сборник)

Simon Scarrow

THE EAGLE'S PREY

Copyright © 2004 by Simon Scarrow

First published in 2004 by HEADLINE BOOK PUBLISHING

THE EAGLE'S PROPHECY

Copyright © 2005 by Simon Scarrow

First published in 2005 by HEADLINE BOOK PUBLISHING

The right of Simon Scarrow to be identified as the author of these works has been asserted
by him

in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988

All rights reserved

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Атти-
кус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

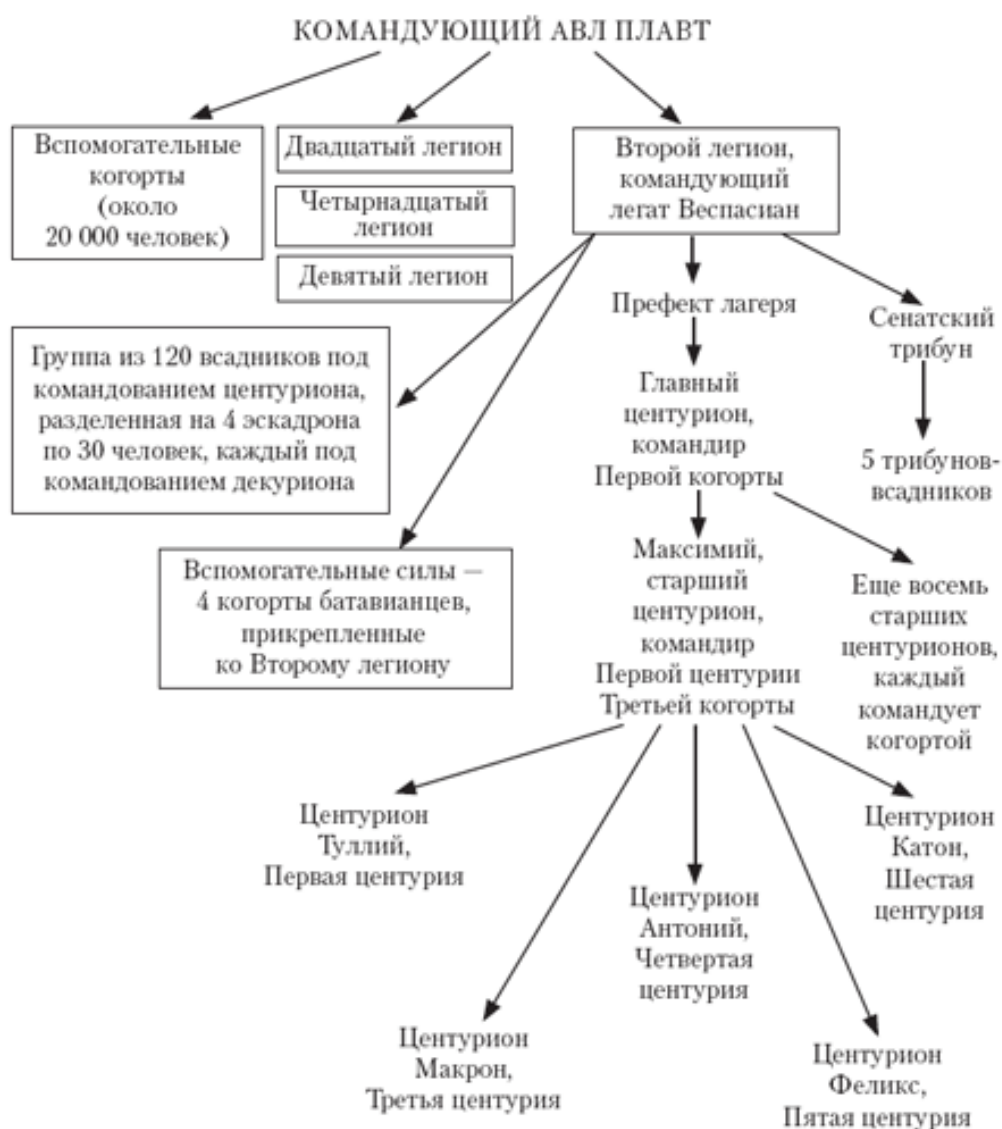
Романы Скэрроу в числе лучших.
Independent

Добыча золотого орла

Моим братьям Скотту и Алексу. С любовью и благодарностью за все то время, которое мы так прекрасно проводим вместе

Система управления римской армией в Британии

44 г. н. э.

Помимо центурионов, в состав каждой центурии входят один оптион (заместитель центуриона) и один знаменосец. Центурия состоит из десяти отделений по восемь легионеров в каждом.

Организация римского легиона

Поскольку главными действующими лицами «Добычи золотого орла» являются римские центурионы Макрон и Катон и не все читатели, возможно, знакомы с особенностями военного устройства Древнего Рима, считаю необходимым пояснить, как был устроен римский легион.

Второй легион, «родной дом» Макрона и Катона, как и все легионы, состоял примерно из пяти с половиной тысяч солдат. Основным его структурным подразделением была центурия из восьмидесяти человек под командованием ЦЕНТУРИОНА, чей помощник или заместитель именовался ОПТИОНОМ. Центурия состояла из десяти отделений по восемь человек, которые квартировали вместе в казармах или в палатке, если находились в походе. Шесть центурий составляли когорт, а десять когорт – легион, причем в первую когорт входило вдвое большее число солдат. Кроме того, к легиону прикреплялось кавалерийское подразделение из ста двадцати человек, разделенное на четыре эскадрона. Конные воины в основном исполняли обязанности разведчиков и гонцов. В личный состав легиона входили следующие чины, в порядке понижения.

На пост ЛЕГАТА назначали знатных римлян, обычно лет тридцати пяти. Легат командовал легионом до пяти лет и зачастую рассматривал службу как ступеньку в дальнейшей политической карьере и возможность создать себе имя.

Должность ПРЕФЕКТА ЛАГЕРЯ занимал опытный, поседевший в походах ветеран, который ранее, как правило, исполнял в легионе обязанности первого центуриона. Для воина незнатного происхождения это была вершина карьеры. Пост префекта требовал от него большого опыта и несомненной честности, ведь, если легат отсутствовал или не мог исполнять свои обязанности, к префекту лагеря переходило командование легионом.

Шестеро ТРИБУНОВ были своего рода штабными офицерами. В большинстве случаев должность получали молодые люди двадцати с небольшим лет, которые недавно поступили на военную службу и желали набраться опыта, чтобы впоследствии занять низшие посты в органах гражданского управления.

Особое положение среди них занимал СТАРШИЙ ТРИБУН, как правило представитель сенаторской фамилии, для которого эта должность была подготовкой к командованию легионом или к политической карьере.

Костяк командного состава, отвечавший за дисциплину и боевую подготовку легиона, составляли шестьдесят ЦЕНТУРИОНОВ. Кандидатов на эти должности выбирали, исходя из их умения командовать людьми и выдающихся личных качеств, таких как мужество. Возможно, поэтому потерь среди центурионов было больше, чем в любой другой категории воинов. Главным считался командир первой центурии, самый опытный воин, удостоенный наибольшего числа наград.

Четыре ДЕКУРИОНА командовали прикрепленными к легиону кавалерийскими эскадронами и могли рассчитывать в будущем возглавить более многочисленный вспомогательный кавалерийский отряд.

Каждому центуриону помогал ОПТИОН, его заместитель. Если освобождалась должность командира центурии, что происходило довольно часто, он становился первым кандидатом на нее.

Рядовые ЛЕГИОНЕРЫ служили двадцать пять лет. Первоначально лишь римские граждане имели право поступить на военную службу, однако империя ширилась и численность армии росла, поэтому легионерами все чаще становились представители коренного населения провинций, что открывало им путь к получению римского гражданства.

Воины ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ КОГОРТ по статусу были ниже, чем легионеры. Состав этих подразделений формировали из населения провинций, их задачей было обеспечивать

армию кавалерией и легкой пехотой. Все воины, не имевшие римского гражданства, получали его по истечении двадцатипятилетнего срока службы, однако за выдающиеся подвиги в бою могли получить гражданство в награду.

Глава 1

– Далеко еще до лагеря? – спросил грек, уже в который раз оглядываясь. – Надеюсь, хоть до темноты доберемся?

Декурион, возглавлявший маленький кавалерийский эскорт, выплюнул яблочное зернышко, прожевал сочную, терпкую мякоть и лишь после этого ответил:

– Доберемся. Не стоит переживать, почтеннейший. Если прикинуть, осталось миль пять-шесть, не больше.

– А побыстрее мы двигаться не можем? – не отставал грек.

Он без конца озирался, и в конце концов декурион тоже не смог удержаться и оглянулся на оставшуюся за спиной дорогу. Впрочем, как и следовало ожидать, смотреть там было не на что – на их пути до самой седловины, лежавшей между двумя лесистыми холмами, где воздух мерцал от жары, царил безлюдье. С самого полудня, покинув укрепленный аванпост, они оставались единственными путниками на тракте. Декурион, эскорт из десяти кавалеристов и грек с двумя телохранителями ехали по дороге, направляясь к многолюдному передовому лагерю командующего Плавта. Три легиона и дюжина вспомогательных подразделений сосредоточились там, готовясь нанести последний, решающий удар по Каратаку и его войску, набранному из представителей тех немногих племен бриттов, которые еще продолжали вести открытую войну против Рима.

Декуриона одолевало любопытство: интересно, что за дела могут быть у какого-то грека с самим командующим. Сегодня на заре префект тунгриянской конной когорты вызвал его к себе и приказал отобрать из подразделения десять лучших воинов, чтобы проводить грека к командующему. Декурион взялся выполнять приказ без лишних вопросов, как и подобает воину, но сейчас искоса поглядывал на грека, снedaемый любопытством.

От этого типа прямо-таки веяло богатством и утонченностью, даром что одет он был в обычный легкий дорожный плащ и красную тунику. Однако от придирчивого и неодобрительного взгляда декуриона не укрылись ни тщательно ухоженные, покрытые лаком ногти, ни аромат дорогого лимонного масла, которым грек умастил темные волосы и бородку. Перстней на пальцах не было, но светлые полосы на загорелой коже указывали на то, что не так давно грек носил на руках немало украшений. Декурион слегка скривил губы: видимо, этот человек – один из тех вольноотпущенников-греков, которые хитростью пробрались в самое сердце имперской бюрократии. А тот факт, что чиновник находился в Британии, в зоне военных действий, и всячески старался не привлекать к себе внимания, указывал на некую особую миссию посланника. Возможно, его задача – доставить командующему такие деликатные и важные сведения, что их не решились доверить обычным войсковым курьерам.

Взгляд декуриона упал на двух телохранителей, ехавших за спиной грека. Одеты они так же просто, но у каждого под плащом висел короткий меч на перевязи армейского образца. Это не были отставные гладиаторы, из числа которых, как правило, набирали личную охрану состоятельные римляне. Как ни старались они остаться неузнанными, все же по оружию и манере держаться декурион безошибочно понял, что это преторианцы. Их присутствие неопровержимо доказывало, что грека привели сюда дела государственной важности.

Придворный служитель неведь в который раз оглянулся.

– Кого-нибудь ждешь? – осведомился декурион.

Грек взглянул на него, усилием воли согнал с лица раздраженное выражение и скривил губы в подобии улыбки.

- Да. По крайней мере, надеюсь.
- Кого-то, о ком мне следует беспокоиться?
- Грек помедлил, потом снова улыбнулся:
- Нет.

Декурион ждал пояснений, но грек молчал, устремив взгляд вперед. Декурион пожал плечами и продолжил грызть яблоко, блуждая взглядом по окрестностям. С юга по холмистой долине вилась река Тамесис. Вершины холмов поросли древними деревьями, и между ними то тут, то там были разбросаны деревеньки и усадьбы добунниев: племени, которое одним из первых присягнуло на верность Риму, сразу после высадки легионов в прошлом году.

Прекрасные места, вот где неплохо бы обосноваться – размышлял декурион. Как и любой ветеран, отслуживший под Орлами Рима двадцать пять лет, в дополнение к римскому гражданству и маленькому пособию он может рассчитывать на участок земли в одной из колоний, чтобы обеспечить себе безбедную старость. Можно даже жениться на той симпатичной местной женщине, с которой он сошелся в Камулодунуме, растить ребятишек и попивать вино, благо денег хватит.

Его приятные мечты прервал грек, который вдруг резко осадил коня и из-под хмуро сдвинутых бровей стал вглядываться куда-то назад. Беззвучно выругавшись, декурион поднял руку, останавливая своих бойцов, и повернулся к беспокойному попутчику.

- Что случилось?
- Смотри, – промолвил грек, указывая вдаль. – Вон там.

Декурион устало повернулся в скрипучем кожаном седле и стал смотреть. Сначала ничего было не разглядеть, и лишь посмотрев туда, где дорога исчезала за холмами, он заметил темные силуэты всадников, выросшие из древесной тени. Выехав на свет, конники галопом понеслись в сторону грека и сопровождающих его воинов.

- Это еще кто такие? – пробормотал декурион.
- Понятия не имею, – ответил грек. – Хотя мне, пожалуй, известно, кто их послал.
- Они будут нападать? – спросил декурион, с раздражением посмотрев на него.
- Еще бы.

Декурион опытным взглядом окинул преследователей, которых отделяло от него немногим более мили. Восемь человек мчались, припадая к гривам коней, за их спинами развевались темно-коричневые и черные плащи. Восемь против тринадцати... не считая грека. Хорошее соотношение сил.

– Кажется, мы увидели достаточно, – промолвил грек, отвернувшись от скачущих вдалеке всадников. – Поехали!

– Вперед! – скомандовал декурион, и эскорт галопом припустил вслед за греком и его телохранителями.

Декурион был зол: нет нужды удирать таким постыдным манером. Имея численное превосходство, они вполне могли дождаться преследователей, оставаясь на месте, и, таким образом, имели бы дополнительное преимущество – свежих лошадей. Все кончилось бы довольно быстро. Правда, нельзя сбрасывать со счетов и то, что в ходе схватки враги могли добраться до грека, а на сей счет приказ префекта был однозначен: ни в коем случае не подвергать его опасности, сберечь ему жизнь, чего бы это ни стоило. Декурион был вынужден признать, что в таких обстоятельствах разумнее всего избегать малейшей угрозы, как бы это ни было досадно. Они опережают погоню на целую милю и, несомненно, доберутся до лагеря командующего задолго до того, как вражеские всадники смогут их догнать.

Однако, оглянувшись снова, декурион был поражен тем, насколько сократилась дистанция: видимо, скакуны у преследователей великолепные. И он сам, и его люди имели неплохих лошадей, но вражеские явно их превосходили. Кроме того, всадники тоже должны быть достаточно опытны, чтобы выдержать такую долгую погоню. Декурион впервые ощутил укол

сомнения и тревоги: их явно преследуют не простые разбойники. Судя по темным волосам, смуглой коже, струящимся плащам и туникам, это не местные жители. Те решались атаковать римлян лишь при основательном численном превосходстве, а грек, похоже, знал, откуда взялась погоня, и сам был в ужасе, хотя его сородичи вообще храбростью не отличались. Он во весь опор мчался перед декурионом, болтаясь в седле, словно куль с овсом, а телохранители, демонстрируя куда большее самообладание и искусство верховой езды, скакали по обе стороны от хозяина. Декурион, стиснув зубы, усмехнулся: во дворце этот грек наверняка чувствует себя как рыба в воде, но вот в седле, да еще на полном скаку – плачевное зрелище.

Вскоре случилось неизбежное: горе-наездника, мотавшегося из стороны в сторону, занесло. Он отчаянно рванул поводья, конь резко остановился, и грека выбросило из седла. Декурион выругался и едва успел свернуть вбок, чтобы не растоптать упавшего.

– Стой!

Под звуки брани и конского ржания маленький отряд остановился, окружив распростертого навзничь грека.

– Не хватало только, чтобы этот ублюдок зашибся насмерть, – проворчал декурион, соскочив с седла. Оба телохранителя уже спешили и склонились над хозяином, чья жизнь была доверена их попечению.

– Жив? – спросил один из них.

– Да. Дышит.

Грек открыл глаза, заморгал и снова зажмурился, ослепленный солнцем.

– Что... что случилось? – выдохнул он и обмяк, потеряв сознание.

– Поднять его! – рявкнул декурион. – Уложить на лошадь.

Преторианцы подняли своего подопечного и забросили обратно в седло, после чего сами вскочили на лошадей. Один взял за повод коня, на которого усадили грека, другой крепко держал за плечо самого неудачливого всадника.

– Вперед! – скомандовал декурион, указывая преторианцам на дорогу. – Увозите его отсюда. Живо!

Преторианцы изо всех сил рванули к лагерю командующего, в безопасность, а декурион, вскочив в седло, повернул коня навстречу преследователям.

Теперь всадники были гораздо ближе, не более чем в пятиста шагах, и на скаку выстраивались в широкий клин для атаки. Они уже выхватили дротики из колчанов и занесли для броска.

– В атакующую цепь... стройся! – рявкнул декурион, и кавалеристы перегородили дорогу, сформировав конную шеренгу. Щиты прикрывали тела, острия копий были выставлены вперед, навстречу стремительно приближавшимся врагам. Сейчас декурион жалел, что не приказал своим людям вооружиться еще и метательными дротиками, но ведь его отправили не в бой, а всего лишь сопроводить гражданское лицо в лагерь командующего по мирной территории. И вот результат – прежде чем они успеют схватиться с неприятелем врукопашную, на них обрушатся дротики, и противостоять они не смогут.

– Готовься... – взревел декурион, призывая воинов сосредоточиться. – По моему приказу... вперед!

Всадники вспомогательной когорты рванули с места и, стремительно набирая скорость, с яростными криками понеслись навстречу вражескому отряду.

Группы всадников неуклонно приближались друг к другу, никто не сбавлял хода, и декурион внутренне подобрался, готовясь врезаться в противника на всем скаку. А вот некоторые бойцы, видя вражескую решимость, стали замедляться. Командир встрепенулся, мигом оценив угрозу.

– Не отставать! – выкрикнул он сначала в одну, потом в другую сторону. – Держать строй!

Враги приближались молча, теперь на их лицах можно было разглядеть свирепую, беспощадную решимость. Судя по тому, что плащи и туники струились свободными складками, доспехов под ними не было, и декурион даже посочувствовал этим смельчакам, ибо, несмотря на превосходство скакунов, трудно надеяться одолеть в рукопашной бойцов вспомогательной кавалерии, защищенных куда лучше.

Однако в последний момент перед столкновением, которое казалось неминуемым, вражеские всадники без всякого приказа развернули коней и ушли с линии атаки, разом отведя назад руки, сжимавшие дротики.

– Берегись! – крикнул кто-то из бойцов декуриона, когда им навстречу полетели низко брошенные метательные копья.

Это не была суматошная, беспорядочная атака – каждый всадник тщательно выбрал себе цель, и стальные острия вонзились в незащищенные конские бока и груди. Лишь один дротик попал в бойца, угодив в живот, как раз над передней лукой седла. Декурион сразу понял, что враги намеренно выбрали мишенью лошадей: атака эскорта захлебнулась. Всадники пытались удержать испуганных раненых животных, но двоих бойцов выбросило из седел, и они тяжело упали на сухую, утопанную дорогу.

Вновь засвистели дротики. Конь декуриона конвульсивно дернулся: справа торчало темное древко. Всадник крепче сжал бедрами кожаное седло и выругался: его конь стоял и яростно мотал мордой, разбрызгивая сверкающую на солнце слюну. Вокруг царил хаос: ржали и бились раненые животные, оказавшиеся на земле бойцы думали лишь о том, как не угодить под копыта охваченных паникой лошадей.

Враги растратили дротики и теперь обнажили спаты – длинные мечи, штатное оружие римской кавалерии.

В считанные мгновения соотношение сил изменилось в пользу нападавших.

– Они атакуют! – раздался испуганный голос поблизости от декуриона. – Спасайся кто может!

– Отставить! Сомкнуть строй! – взревел декурион, соскользнув с раненого коня. – Пуститесь наутек, и вас перебьют поодиночке. Держитесь вместе! Ко мне!

Приказ был толковым, но сейчас совершенно бесполезным. Половина отряда осталась без лошадей, кто-то едва держался на ногах после падения, а остальные все еще пытались удержать смертельно испуганных животных, так что организовать оборону было невозможно. Оставалось надеяться лишь на себя. Декурион отступил на шаг в сторону, освободив себе место, чтобы орудовать копьем, и смотрел, как враги, обнажив мечи, приближаются к ним.

– Отставить атаку! Не задерживаться! – прозвучал вдруг приказ на латыни.

Неприятели тут же вложили мечи в ножны, натянули поводья и попросту объехали сбившихся в кучку кавалеристов, потом ускорились и галопом помчались по дороге в сторону лагеря командующего.

– Ну ни хрена ж себе... – выдохнул кто-то с нескрываемым облегчением. – Это ж надо, а? Они ж могли всех нас перебить.

В первые секунды декурион вполне разделял чувства своего подчиненного, но потом похолодел, сообразив, в чем тут дело.

– Грек... они погнались за греком.

И ведь догонят, как пить дать догонят. Несмотря на солидную фору, плачевное состояние хозяина не позволит преторианцам гнать во весь опор, так что враги перехватят беглецов и расправятся с ними задолго до того, как те доберутся до спасительного лагеря Плавта. Проклиная и несчастного грека, и собственный злой рок, возложивший на него это задание, декурион схватил за поводья коня, принадлежавшего раненому бойцу, который все еще пытался вытащить из живота дротик.

– Отдай!

Лицо солдата было искажено болью, он, похоже, даже не слышал приказа, поэтому декурион просто выдернул его из седла и вскочил на коня сам. Воин, тяжело ударившись оземь, завопил от боли, древко дротика сломалось.

– Все, кто верхом, за мной! – выкрикнул декурион, разворачивая коня и направляя его вдогонку за вражеским отрядом. – За мной!

Он пригнулся, припав к гриве скакуна, а тот стремглав рванул с места, повинуясь новому всаднику. Оглянувшись, декурион увидел, что за ним, отделившись от остальных, скачут четверо воинов. Пятеро против восьми – не лучшее соотношение сил. Зато, по крайней мере, дротиков у противника больше нет, а копье и щит дают преимущество перед любым, кто вооружен лишь мечом.

Декурион гнался за неприятелями, полный решимости посчитаться с ними, но разум подсказывал ему, что в первую очередь надо думать не о мести, а о спасении проклятого грека, из-за которого на него обрушились все эти несчастья. Дорога плавно пошла под уклон, и сверху он увидел, как враг галопом мчит в трех сотнях шагов впереди. Еще дальше, опережая погоню примерно на треть мили, скачут преторианцы с греком, все еще поддерживая того в седле.

– Вперед! – бросил через плечо декурион. – На перехват!

Не сбавляя хода, группы всадников спустились в долину, пересекли ее и начали подъем по пологому склону. Лошади противника, стремглав скакавшие долгое время, начали уставать, и расстояние между ними и декурионом стало неуклонно сокращаться. Охваченный радостным возбуждением, он лупил пятками в бока лошади и кричал ей в ухо:

– Вперед! Скорее! Еще чуть-чуть!

Дистанция сократилась вдвое. Сейчас отряд противника перевалил через гребень холма и пропал из виду, но декурион понимал, что он и его люди перехватят врагов прежде, чем они настигнут преторианцев и грека. Оглянувшись, он еще больше воодушевился, увидев, что солдаты не отстают и поэтому не придется биться с противником в одиночку.

Дорога снова пошла под уклон, и впереди, всего в трех с небольшим милях, уже показался гигантский правильный квадрат лагеря командующего: обширное пространство, обнесенное земляным валом и частоколом и заполненное огромным числом палаток, образовавших сложный узор. Три легиона и несколько вспомогательных когорт, всего около двадцати пяти тысяч вооруженных людей, собрались там, чтобы выступить в поход, найти и уничтожить армию Каратака и его союзников-бриттов.

Впечатляющее зрелище, но декуриону было не до того, ведь всадники впереди вдруг развернули коней и поскакали назад, ему навстречу. Останавливаться и ждать, пока его нагонят собственные бойцы, не было времени: он прикрылся овальным щитом и, выставив вперед копье, нацелил острие в грудь ближайшего противника. Миг – и он уже в гуще врага. Удар толкнул его назад, отдавшись болью в плече, пальцы не удержали древко копья, но сдавленный крик врага сообщил ему, что острие нашло цель. Вокруг него закружились вражеские плащи, конские гривы и хвосты. Удар меча обрушился на щит, клинок со звоном отскочил от выпуклой бронзовой накладки. Декурион пронесся сквозь гущу противников и, натянув поводья, тут же развернул коня, одновременно выхватив меч. Раздались крики и лязг клинков – подоспели остальные кавалеристы.

Высоко подняв меч, декурион устремился в центр схватки. Его люди дрались отчаянно, но врагов было вдвое больше. Отбивая удар одного противника, боец оказывался открыт для другого, и пока подоспел командир, двое уже истекали кровью, лежа на земле рядом с вражеским воином, выбитым из седла копьем декуриона. Ощувив движение слева, декурион едва успел нырнуть вниз и уйти от клинка, который разрубил металлический обод его щита и застрял в нем. Он резко рванул щит, силясь вырвать меч из руки противника, и одновременно широко взмахнул собственным клинком, разворачиваясь врагу навстречу. Сверкнула сталь,

распахнулись глаза неприятеля, осознавшего грозящую опасность, и он мгновенно отпрянул, так что острое меча лишь рассекло ему тунику и слегка оцарапало грудь.

– Дерьмо! – выругался декурион, сжав бедрами лошадиные бока, и стал сближаться с врагом, готовя новый удар.

Желание покончить с противником заставило его забыть об осторожности, и он не заметил, как спешившийся воин подбежал сбоку и нанес ему колющий удар в пах. Ощувив скорее толчок, чем боль, декурион оглянулся и увидел, как враг отскочил в сторону, держа в руке окровавленный меч. Декурион понял, что ранен, но думать об этом времени не было: все его люди уже лежали на земле, им удалось повергнуть лишь двоих всадников из этого странного молчаливого отряда. Враги сражались так, словно лишь в этом было их предназначение.

Чьи-то руки вцепились в его щит, последовал рывок, и декурион, вылетев из седла, повалился на дорогу с такой силой, что из легких вышибло весь воздух. Пока он лежал на земле, пытаясь вдохнуть и видя перед собой лишь синеву неба, над ним вдруг возник темный силуэт. Это конец, но воин не захотел закрывать глаза. Губы его скривились в усмешке.

– Ну давай, ублюдок, кончай меня.

Однако смертельного удара не последовало: незнакомец повернулся и пропал из виду. Только что были слышны суматошные крики, фыркание коней, топот копыт – и вдруг все сменилось торжественной тишиной летнего дня, которую нарушали лишь равномерное жужжание насекомых да стоны валявшихся на траве раненых. Декурион был поражен тем, что остался в живых, что неведомый враг вдруг пощадил его, беспомощно лежащего на земле.

С трудом вздохнув, декурион приподнялся и сел. Шестеро уцелевших всадников вновь преследовали грека, и декуриона захлестнула волна горькой ярости. Он проиграл. Несмотря на все усилия, неизвестные захватят свою добычу, и страшно представить, какую выволочку устроит ему за это командование, когда он с остатками своего подразделения притащится в укрепленный лагерь когорты.

Неожиданный приступ тошноты и головокружения заставил декуриона опереться рукой о землю. Ощувив влагу под ладонью, он опустил взгляд и увидел, что сидит посреди лужи крови. Смутно осознав, что это его собственная кровь, он вспомнил о ране в паху. Вражеский клинок рассек артерию, и яркая кровь, пульсируя, выплескивалась на траву между раскинутыми ногами декуриона. Он непроизвольно прикрыл рану ладонью, но кровь продолжала вытекать, просачиваясь сквозь пальцы. Стало холодно, и декурион печально улыбнулся, осознав, что выволочка от префекта ему уже не грозит. Во всяком случае, в этой жизни. Декурион поднял глаза и сосредоточил взгляд на фигурах грека и его телохранителей, которые скакали во весь опор, спасая свои жизни.

Тяжесть их положения его больше не трогала. Они превратились в смутные тени, маячившие где-то на грани угасающего сознания. Декурион упал навзничь, уставившись в ясное синее небо. Все отголоски недавней стычки стихли, слышалось лишь усыпляющее жужжание насекомых. Он закрыл глаза, отдаваясь теплу летнего дня и постепенно погружаясь в небытие.

Глава 2

– Эй, очнись! – Преторианец тряс грека за плечо. – Нарцисс, приди в себя. Нас догоняют!
– Зря время теряешь! – бросил ему товарищ, скакавший с другой стороны. – На него нечего рассчитывать.

Оба одновременно оглянулись назад, туда, где на склоне кипела схватка.

– Или этот ублюдок очухается, или мы все покойники. Не думаю, что те, на холме, продержатся долго.

– Да с ними, считай, уже покончено. Надо поднажать. Гони!

Грек издал протяжный стон и поднял голову, скривившись от боли.

– Что... происходит?

– Дело плохо, почтеннейший. Погоня. Нужно поспешить.

Нарцисс затряс головой, проясняя затуманенное сознание.

– А где остальные?

– Убиты. Болтать некогда, уважаемый, надо удирать.

Нарцисс кивнул, взялся за поводья, и конь стремительно рванул вперед – один из преторианцев добавил ему прыти, плашмя огрев по крупу мечом.

– Эй, полегче! – воскликнул Нарцисс.

– Прошу прощения. Но нельзя терять времени.

– Нет, ты меня послушай!

Нарцисс сердито повернулся, желая напомнить преторианцу, с кем тот разговаривает, но увидел вдалеке окончание схватки: преследователи как раз добились эскорта и возобновили погоню.

– Понятно, – буркнул грек. – Вперед!

И они со всей мочи погнали коней. Глядя на лагерь, что виднелся впереди, Нарцисс молил о том, чтобы стражники на валу заметили всадников и подняли тревогу. Он понимал, что, если из лагеря не вышлют подмогу, ему не добраться до цели. Солнечные лучи отражались от бесчисленного множества полированных легионерских доспехов и шлемов, но блеск этот казался далеким и недостижимым, словно свет звезд.

Позади, всего в четверти мили, грохотали копыта вражеских коней, и Нарцисс прекрасно понимал, что пощады от них ждать не приходится. Пленники им не требовались, это безжалостные убийцы, подрядившиеся расправиться с личным секретарем императора прежде, чем тот доберется до ставки командующего Авла Плавта. Другое дело, что Нарциссу очень хотелось узнать, кто именно их нанял. Если ему все же улыбнется удача и он сможет не только спастись, но и захватить в плен кого-нибудь из этой шайки, в лагере командующего найдутся мастера, способные развязать язык даже самому стойкому человеку. Правда, он подозревал, что практической пользы от сведений, полученных таким путем, будет немного. Враги Нарцисса и его господина, императора Клавдия, не так глупы, чтобы нанимать убийц открыто, под своим именем. Скорее всего, они скрылись за длинной цепочкой посредников, которые и сами не знают, кто именно их заказчики.

Другое дело, что миссия, доверенная ему, была тайной, и о том, что император послал приближенного советника в Британию, на встречу с командующим Плавтом, было известно лишь самому Клавдию и узкому кругу доверенных высших чиновников. Командующий уже встречался с греком в прошлом году: тогда Нарцисс состоял в свите императора, прибывшего в Британию. Тот оставался с армией достаточно долго и стал свидетелем разгрома местных племен при Камулодунуме, приписав эту победу своему военному гению. В тот раз императора сопровождала большая свита, и Нарцисс, правая рука владыки империи, мог в полной мере наслаждаться комфортом, не опасаясь за свою жизнь. Император и Нарцисс...

Сейчас путешествие выглядело совсем иначе: Нарцисс совершал поездку тайно, о приличных дорожных условиях не приходилось и мечтать, и единственным знаком его привилегированного положения были двое телохранителей, которых выбрал для него префект Преторианской гвардии из числа лучших воинов своего элитного подразделения. Его окружала полная секретность: он покинул дворец через заднюю потайную дверь, сопровождаемый лишь Марцеллом и Руфом.

Но надо же, каким-то образом недоброжелатели прознали о его миссии. Едва покинув Рим, Нарцисс заподозрил, что за ним следят. Дорога практически никогда не оставалась пустой – позади почти незаметно маячили неясные фигуры. Конечно, само по себе это не значило ничего: по дороге могли следовать обычные путники, ни сном ни духом не ведавшие о греке и его задании, но Нарцисс был человеком опытным, осторожным и имел все основания опасаться

влиятельных врагов. Только благодаря великолепному чутью и тщательным мерам предосторожности ему удавалось выживать среди опасностей императорского двора так долго, как никому другому. Участвуя в игре, где ставки так высоки, – а Нарцисс вел именно такую игру, – требовалось иметь глаза на затылке и ничего не упускать из виду, замечать все, что происходит вокруг: поступки, слова, намеки, шепотки и даже то, как переглядываются между собой аристократы на дворцовых пирах.

Все это вызывало в памяти образ Януса, двуликого бога, способного разглядеть угрозу одновременно и сзади, и спереди. Служить при дворе – значит быть двуличным. Под внешностью покорного слуги, думающего лишь о том, как угодить своему господину и не вызвать неудовольствия высших сановников, скрывались целеустремленность и безжалостность. Он настолько привык утаивать свои истинные чувства, что открывался только приговоренным к смерти врагам, да и то перед самой казнью. Только тогда он позволял себе излить всю желчь и презрение, получая от этого величайшее удовлетворение. Ему довелось сжить со света немало недругов, но похоже, что подобная участь ожидает сейчас его самого. Нарцисс, конечно, боялся смерти, но сильнее страха было желание узнать, кто же из целого легиона его врагов все это спланировал и организовал.

На пути Нарцисс благополучно пережил два покушения. Первое произошло в трактире города Норикум, где вроде бы пустяшная ссора из-за пролитого вина быстро переросла в драку, за которой он с телохранителями наблюдал из закутка, отгороженного от общего зала. Из зала в грека и метнули нож, но зоркий Марцелл отреагировал мгновенно и не теряя времени пригнул голову императорского секретаря к столу, так что тот угодил лицом в блюдо с тушеным мясом, а клинок вонзился в доску прямо за его спиной. Затем по дороге к порту Гесориакум они заметили всадников, пустившихся за ними в погоню, и поскакали что есть мочи, сумев оторваться от погони. Они прибыли в порт, чуть ли не до смерти загнав лошадей.

У причалов было не протолкнуться: суда готовили к отплытию в Британию, грузили припасы и снаряжение для легионов Плавта, а с кораблей, только что прибывших с острова, сходили вереницы пленников – товар, которым предстояло торговать на невольничьих рынках империи. Они нашли корабль, отплывавший в Британию первым, и, когда судно уже отдалилось от шумного, многолюдного причала, Марцелл коснулся руки грека и кивком указал на группу из восьми человек, молчаливо наблюдавших за отплытием. Несомненно, именно они гнались за ними сейчас.

Оглянувшись, Нарцисс пришел в ужас. Он увидел, что преследователи уже совсем близко. А вот расстояние до лагеря, напротив, казалось, почти не сократилось.

– Они нас догоняют, – крикнул он своим телохранителям. – Сделайте что-нибудь!

Марцелл переглянулся с товарищем, и оба преторианца закатили глаза.

– Что предлагаешь? – крикнул Руф. – Спасаться самим?

– Почему бы и нет? Я не собираюсь подохнуть из-за проклятого грека.

Они припали к шеям своих коней, яростными криками побуждая их скакать еще быстрее.

– Не бросайте меня! – закричал охваченный паникой Нарцисс, как только спутники вырвались вперед. – Не бросайте меня!

Впрочем, он и сам лупил коня пятками в бока со всей силы, почти не отставая от телохранителей. Ноздри наполнил едкий запах конского пота. Стиснув зубы от ужаса, грек трясся в седле, и его сердце екало при каждом толчке, угрожавшем сбросить неумелого всадника на землю. Нарцисс в жизни не испытывал подобного страха и клялся себе, что, если спасется, никогда больше не сядет на лошадь. Только носилки, удобный паланкин – и ничего более быстрого, а стало быть, и опасного.

Когда грек наконец поравнялся с преторианцами, Марцелл подмигнул ему:

– Так-то оно лучше, почтеннейший. Осталось совсем чуть-чуть.

Троица поскакала дальше. Ветер свистел в ушах, но всякий раз, оглянувшись, Нарцисс видел, что преследователи сокращают расстояние между ними. Когда до лагеря осталось совсем немного, взмыленные, загнанные кони беглецов и их преследователей начали задыхаться и спотыкаться. Бешеный галоп замедлился, и всадникам приходилось прилагать все усилия, чтобы заставить измученных животных скакать дальше.

Когда дорога вывела беглецов на последнюю возвышенность, откуда до убежища оставалось меньше двух миль, Нарцисс увидел, что в открытом поле перед лагерными валами полно солдат – тут и учебные команды, и фуражные отряды. Не может быть, чтобы никто не заметил скачущих к лагерю всадников. Там должны поднять тревогу и выслать вперед разведчиков. Но нет, трое отчаявшихся беглецов, подгоняя своих измученных скакунов, не видели впереди ни признака объявленной тревоги. Никто не спешил к ним на помощь, а между тем преследователи догоняли их – не так быстро, но неуклонно.

– Да что вы там, ослепли, что ли? – вскричал Руф, отчаянно махая руками. – Эй вы, ублюдки проклятые! Откройте глаза! Смотрите сюда!

Теперь дорога снова шла под уклон, к ручью, что вился вдоль рощи вековых дубов. Нарцисс и его телохранители ворвались в воду на полном скаку, взметнув фонтан сверкающих брызг. Дальше дорога петляла между дубами, и теперь беглецы опережали погоню всего на какую-то сотню шагов. Вдобавок путь то и дело преграждали колдобины, глубокие колеи от тяжелых подвод с провиантом, и, чтобы кони не поломали ноги, всадникам пришлось съехать с дороги и скакать прямо по густому цепкому подлеску, пригибаясь, чтобы не задеть головой за низкие ветки. Позади послышался плеск воды – преследователи тоже пересекали брод.

– Мы уже у цели! – крикнул Марцелл. – Вперед!

Они неслись под сенью деревьев, сквозь кроны которых яркими пятнами пробивался солнечный свет. Вскоре дубы расступились, и беглецы увидели впереди укрепленные ворота лагеря. Это зрелище повергло Нарцисса в неописуемый восторг: похоже, они все-таки спасены. Мокрые от воды и пота лошади вынесли беглецов на поляну.

– Эй вы! – послышался чей-то голос. – Стой! Стой!

Голос принадлежал кому-то из группы людей, что отдыхали в тени деревьев на самом краю рощи. Рядом пощипывали травку выучные мулы, поджидая, когда их нагрузят собранным в лесу хворостом. Мирная картина, но только на первый взгляд: у каждого из отдыхающих под рукой метательные копья, да и щиты расставлены так, чтобы их можно было мгновенно схватить.

Марцелл, рванув поводья, направил валившегося с ног коня прямо к отряду, посланному на заготовку топлива, и, с трудом набрав в легкие воздуха, заорал:

– К оружию! К оружию!

Реакция была мгновенной: воины, вскочив, схватились за копья и щиты, командовавший отрядом опцион повернулся к приближавшимся всадникам и выставил перед собой обнаженный меч.

– Эй, вы что это раскомандовались? Кем себя вообразили?

Остановив измученных лошадей, трое беглецов оказались в плотном кольце легионеров. Марцелл соскользнул с седла и указал назад, на дорогу.

– За нами погоня, – выдохнул он. – Остановите их.

– Какая погоня? – раздраженно переспросил опцион. – Ты о чем толкуешь?

– Всадники. Они гонятся за нами. Хотят убить.

– Слушай, кончай нести околесицу, приятель. Отдышись, успокойся и сначала представься. Вы кто такие?

Большим пальцем Марцелл указал на Нарцисса, который поник в седле, пытаясь отдышаться.

– Это личный посланник императора. На нас напали. Эскорт погиб в бою. Они нас преследуют.

– Да кто «они»? – ворчливо уточнил оптион.

– Я не знаю, – сказал Марцелл. – Зато знаю, что в любой момент они могут нагрянуть сюда. Пусть твои бойцы готовятся к схватке.

Оптион недоверчиво скривился, однако приказал солдатам строиться, и те, по большей части уже успевшие вооружиться, сформировали сплошную линию щитов. В правой руке каждый держал метательное копье.

Все взоры устремились туда, где дорога, пересекая травянистую равнину перед лагерными воротами, уходила под сень деревьев. Повисла напряженная тишина: все ждали появления всадников. Но напрасно – никто не появился. Не было слышно ни криков, ни топота копыт, ни конского храпа. Дубовая роща дышала покоем, никого не было под нависающими кронами. Наконец настороженную тишину нарушила гортанная трель птицы, сидевшей на ветке ближайшего дерева.

Выждав несколько мгновений, оптион повернулся к троим незнакомцам, которые бесцеремонно прервали отдых его бойцов, уставших на заготовках.

– Ну?

Нарцисс, оторвав наконец взгляд от дороги, пожал плечами:

– Должно быть, они поняли, что нас им уже не взять, и повернули назад.

– Да уж, появившись они здесь, я бы сильно удивился, – промолвил оптион, выразительно подняв брови. – Но раз уж поговорить с ними не получится, может, кто-то из вас растолкует, что тут вообще происходит?

Глава 3

– По-моему, борода тебе не идет.

Нарцисс пожал плечами:

– Она сослужила мне службу.

– Как добрался? – вежливо осведомился командующий Плавт.

– В общем нормально, если не считать того, что ночевать приходилось на грязных, полных вшей постоянных дворах, есть какую-то кошмарную бурду, которой только бродячих собак кормить, ну и, наконец, шайка наемных убийц чудом не расправилась со мной у самых твоих ворот.

– Вот-вот, – улыбнулся командующий. – Если не считать всего этого, как добрался?

– Быстро.

Нарцисс пожал плечами и отпил глоток лимонной воды. Доверенный секретарь императора и командующий сидели под навесом, установленным на небольшом холме, по одну сторону от которого теснились штабные шатры. Между стульями стоял столик с мраморной столешницей. Чтобы собеседники могли освежиться, раб бесшумно поставил сюда изукрашенный кувшин с водой и две чаши. Нарцисс уже сменил пропотевшую насквозь дорожную одежду на тонкую льняную тунику. Но пот и сейчас выступал на коже обоих мужчин, воздух был тяжел и неподвижен, слепополуденное солнце нещадно палило в безоблачном небе.

Вокруг, куда ни глянь, раскинулся лагерь, и надо сказать, что Нарцисса такой размах сильно впечатлил. Он привык, что в Риме преторианские лагеря куда меньше по размеру. Даже притом что в прошлом году при разгроме Каратака ему довелось видеть армию из четырех легионов и множества вспомогательных когорт, зрелище стройных рядов солдатских палаток согревало и успокаивало. Каждая палатка была рассчитана на восьмерых легионеров. Сейчас все занимались повседневными делами: одни упражнялись на лагерном плацу, другие точили клинки и приводили в порядок снаряжение, команды фуражиров прибывали в лагерь, гоня

перед собой скот и сопровождая подводы с припасами, собранными в окрестных поселениях, – и от всего этого буквально веяло порядком и несокрушимым могуществом Рима. Видя эту дисциплину и слаженную работу обученных воинов, трудно было поверить, что кто-то дерзнет воспрепятствовать императору и попыбует помешать его планам включить в состав империи эти земли и племена, населяющие их.

Однако эта мысль не покидала Нарцисса. Именно поэтому он, тайно отправившись из императорского дворца в трудное и опасное путешествие, находился сейчас на северном берегу реки Тамесис, в передовом лагере римской армии.

– Долго ли ты пробудешь с нами? – осведомился командующий.

– Долго ли? – Нарцисс удивился. – Но ты ведь еще не спросил, зачем я прибыл.

– Полагаю, это связано с желанием императора получить более полное представление о ходе кампании.

– Отчасти так оно и есть, – признал грек. – Ну и как успехи, командующий?

– Тебе ли не знать. Ты ведь наверняка читал все донесения, которые я посылал во дворец.

– А, донесения... Конечно. Прекрасные отчеты, содержательные, со множеством подробностей. Не говоря уже о том, что у тебя превосходный стиль письма, чем-то напоминает записки Цезаря. И какую надо иметь голову, чтобы управляться с такой огромной армией. Это ведь невероятно трудно...

Плавт знал Нарцисса достаточно долго, чтобы не принимать за чистую монету лесть, которой грек всегда стремился приукрасить свои речи. Командующему не внове была принятая у придворных манера изъясняться, и в последних словах императорского посланца он почуял скрытую угрозу.

– Я, разумеется, весьма польщен тем, что ты сравнил меня с божественным Юлием, но замечу, что мне ни в малейшей степени не присуща его жажда власти.

Нарцисс улыбнулся:

– Право же, командующий, любой человек в вашем положении, в чьем полном распоряжении находится такая сильная армия, должен иметь определенные амбиции. Это вполне ожидаемо и, замечу, отнюдь не предосудительно. Рим ценит честолюбие в своих полководцах.

– Рим – возможно. Но сомневаюсь, чтобы это ценил император.

– Рим и император неразделимы, – мягко поправил Нарцисс. – Хотя находятся люди, чей мятежный дух позволяет предположить нечто иное.

– Мятежный дух? – Плавт поднял бровь. – Не может быть, чтобы ты говорил серьезно. Неужто в Риме дела так плохи?

Нарцисс сделал еще один долгий глоток и внимательно посмотрел на собеседника поверх ободка чаши, прежде чем поставить ее на стол.

– По правде говоря, Плавт, ситуация хуже, чем ты можешь себе представить. Как давно ты последний раз был в Риме?

– Четыре года назад. И не скажу, что так уж сильно туда стремлюсь. В ту пору у кормила власти был Гай Калигула. Правда, я слышал, что положение Клавдия гораздо прочнее и дела при нем пошли куда лучше.

Нарцисс кивнул:

– В основном – да, лучше, с этим не поспоришь. Беда, однако, в том, что в последнее время император склонен чересчур полагаться на людей... не того склада.

– Полагаю, мы говорим не о присутствующих здесь людях?

– Само собой. – Нарцисс нахмурился. – И замечу, это совсем не смешно. Я верно служил императору. Можно сказать, жизнь свою положил на то, чтобы обеспечить его успех.

– Друзья в Риме извещали меня о том, что в последние годы ты добился финансового процветания.

– Правда? А что плохого в том, чтобы получить награду за верную службу? В любом случае я здесь не для того, чтобы обсуждать с тобой мои личные финансы.

– Несомненно.

– А твоим друзьям я бы настоятельно посоветовал впредь хорошенько думать, прежде чем позволять себе высказываться на этот счет. Такого рода толки порождают брожение умов, а это может повлечь за собой неприятные последствия... если ты меня понимаешь.

– Надеюсь, что да. Я доведу твои соображения до их сведения.

– Очень хорошо. Так вот, как я уже говорил, в последние месяцы император попал под дурное влияние. Он не всегда способен к здравым суждениям, особенно когда взгляд его... и не только взгляд скользит по маленькой шлюхе Мессалине.

– Я о ней слышал.

– Тебе стоило бы ее увидеть, – ухмыльнулся Нарцисс. – Нет, правда стоило бы. Признаться, я и сам в жизни не встречал ей подобных. Как только эта женщина появляется, все мужские взгляды тут же устремляются к ней. Государственные мужи трутся у ее ног, словно щенята. Тошнит меня от всего этого. Ну а Клавдий... что ж, он еще не так стар, чтобы оставаться равнодушным к молодости и красоте. А ведь Мессалина к тому же сметлива. Одному Юпитеру ведомо, со сколькими любовниками она делила ложе прямо в императорском дворце, сумев при этом внушить Клавдию, что влюблена в него и просто неспособна на дурной поступок.

– А она делает нечто дурное?

– Ну, не уверен. Во всяком случае, не намеренно. Разумеется, скандальный образ жизни, который она ведет, наносит ущерб репутации императора, выставяя его, надо признаться, полным дураком. Что же насчет того, не таит ли она какой-нибудь злой умысел... Врать не стану, доказательств у меня пока нет, одни подозрения. Но тут ведь еще и эти ублюдки-освободители.

– Я думал, ты разобрался с ними еще в прошлом году.

– Ну да, большую их часть мы перебили во время мятежа в Гесориакуме. Но их все равно осталось достаточно, и прошлым летом они переправили в Британию несколько партий оружия. Мои агенты разузнали, что эти злодеи затевают что-то значительное. Впрочем, пока преторианская гвардия и легионы держатся вместе, все их потуги обречены на провал.

– Итак, ты хочешь удостовериться в моей лояльности? – Плавт пристально уставился на Нарцисса.

– Ну а зачем еще я, по-твоему, сюда явился? Причем тайно?

– А ты уверен, что тебя не раскрыли?

– Ну, тут сомневаться не приходится, кое-кто явно прознал, что к чему, и мне остается лишь надеяться, что эта новость не слишком широко распространится. Я распустил во дворце слухи, будто отправляюсь на Капри отдохнуть и восстановить силы после болезни, и надеюсь вернуться в Рим до того, как вражеские шпионы из твоего окружения известят своих хозяев о моем появлении.

– Вражеские шпионы из моего окружения? – Плавт изобразил на лице возмущение. – Ты что, так называешь осведомителей императора?

– Я ценю твою иронию, Плавт. Но не стоит негодовать на моих людей. Они здесь ради твоей же безопасности, ну и, конечно, чтобы выявить угрозу для императора.

– Ради моей безопасности? От кого, хотелось бы знать, они могут меня защитить?

Нарцисс улыбнулся:

– От тебя самого, мой дорогой Плавт, от кого же еще. Их присутствие, о котором ты прекрасно знаешь, служит постоянным напоминанием о том, что император повсюду имеет глаза и уши, а это волей-неволей заставляет командиров поменьше распускать языки и поумерить политические амбиции.

– Ты думаешь, я в их числе?

– Да я и сам не знаю, – признался Нарцисс, почесывая бороду. – А что ты думаешь? Командующий Плавт опустил глаза и посмотрел на чашу, которую вертел в пальцах. Нарцисс непринужденно рассмеялся:

– Мне кажется, нет. И это заключение подводит меня к следующему вопросу. Если ты верен императору, то почему так усердно подкапываешься под него?

Командующий со стуком поставил пустую чашу на стол и сложил руки на груди.

– Не понимаю, о чем речь.

– Хорошо, попробую выразиться иначе, возможно, я был слишком резок. Почему ты так мало усилий прилагаешь ради успеха его кампании? Насколько я вижу, после удачных наступлений прошлого года армия не сделала почти ничего: силами легата Веспасиана и его Второго легиона вы лишь немного продвинулись на юго-запад. Ты до сих пор не смог вынудить Каратака сражаться, хотя половина племен, населяющих этот дикий край, уже перешла на нашу сторону. Трудно представить себе более благоприятные обстоятельства для того, чтобы выступить в поход, окончательно разгромить врага и завершить наконец эту весьма дорогостоящую кампанию.

– Хм, так ты переживаешь из-за денег? – усмехнулся командующий Плавт. – Должен тебе сказать, что не все на свете имеет цену.

– Ты не прав! – резко возразил грек, не дав патрицию возможности пуститься в долгие высокопарные разглагольствования о высоком предназначении Рима и об обязанности каждого поколения расширять границы империи во имя чести и славы родины. – Все в этом мире имеет свою цену, и нет ничего, за что не приходилось бы платить. Ничего! Чаше всего платить приходится золотом, иногда кровью, но все равно без платы не обойтись. Победа в Британии нужна императору, чтобы упрочить положение в Риме. Риму это будет стоить многих тысяч жизней его лучших воинов. Очень жаль, но это поправимо. Людские потери всегда можно возместить. Чего нельзя допустить, так это появления еще одного императора. Убийство Калигулы едва не повергло империю на колени: не поддержи Преторианская гвардия притязаний Клавдия, мы получили бы еще одну гражданскую войну – обезумевшие от сознания собственного могущества полководцы разорвали бы державу в клочья, погубив легионы в погоне за славой. Не так уж много усилий и времени нужно для того, чтобы включить Римскую империю в длинный перечень царств, стертых с лица земли. Разве здравомыслящий человек может желать ей такой судьбы?

– Очень мило. Весьма изысканная риторика, – промолвил Плавт. – Но какое отношение все это имеет ко мне?

Нарцисс устало вздохнул:

– Твоя медлительность очень дорого нам обходится. Это ущерб репутации императора. Сам посуди, лишь год назад Рим лицезрел его триумф в связи с блистательной победой в Британии, и что мы имеем теперь? Продолжительную войну и нескончаемые просьбы прислать еще людей, еще оружия, еще припасов.

– Мы закрепляем успех.

– Нет. Успех закрепляют после окончательного разгрома врага. То, что происходит сейчас, – это не закрепление успеха, а выкачивание ресурсов. Этот остров, словно губка, впитывает и людей, и деньги, и политический капитал. Сколько еще это будет продолжаться, дорогой командующий?

– Как я отмечал в своих донесениях, мы развиваем достигнутый успех. Да, может быть, не так скоро, как хотелось бы, зато неуклонно. Мы тесним Каратака вглубь острова миля за милей. Очень скоро у него не останется другого выхода, кроме как перестать убегать от нас и принять бой.

– Как скоро, командующий? Через месяц? Через год? Или еще дольше придется ждать?

– В настоящий момент речь идет уже не о месяцах, а, скорее всего, о днях.

– О днях? – На лице Нарцисса отразилось сомнение. – Будь любезен, объясни.

– С удовольствием. Каратак и его войско стоят лагерем не более чем в десяти милях отсюда, вон там... – Плавт указал рукой на запад. – Он прекрасно знает, что мы здесь, и считает, что мы ждем, пока он снова начнет отступать, и только тогда продолжим наступление. Он готов к арьергардным стычкам, налетам и прочему. Однако нам известен его план: одновременно перейти Тамесис по нескольким находящимся неподалеку отсюда бродам, выйти нам в тыл и к югу от Тамесиса опустошить владения всех племен, признавших нашу власть. Возможно, в ходе этого рейда он даже предпримет попытку штурма Лондиниума, нашей главной базы снабжения. Звучит впечатляюще.

– Да уж, что есть, то есть. А как ты об этом прознал?

– Один из верховных вождей в его окружении – мой человек.

– Правда? Впервые слышу.

– Это слишком секретная информация, чтобы делиться ей в письменных донесениях, – самодовольно заявил Плавт. – Никогда не знаешь, в чьи руки они попадут. Я могу продолжить?

– Прошу.

– Так вот, Каратак думает, что все предусмотрел, но понятия не имеет, что Второй легион уже выступил из Каллевы, чтобы перекрыть переправы. Войско Каратака окажется в тисках между моей армией и рекой. Деться ему будет некуда, придется принять бой. Его ждет полный разгром, а вы с императором получите возможность объявить, что в Британии одержана окончательная победа. Останется лишь несколько непокорных племен, засевших в западных горах, да эти дикари в Каледонии. Вряд ли имеет смысл тратить время, усилия и деньги, чтобы усмирить кучку дикарей, обитающих в горах и болотах: лучше всего отгородиться от них, чтобы они не могли тревожить покой провинции.

– Отгородиться? Каким образом?

– Обыкновенным – ров, вал. Может быть, канал.

– Звучит пугающе – в смысле дороговизны.

– Подавлять восстания обойдется куда дороже. Но в любом случае это дело будущего. Сейчас все усилия нужно направить на то, чтобы разгромить Каратака и сломить волю мятежных племен к сопротивлению. Уверен, ты захочешь остаться здесь и стать свидетелем сражения.

– Да уж, конечно. Жду не дожусь этого события, как, разумеется, и возможности доложить о нем императору. Это будет выдающееся достижение, Плавт. И для тебя, и для всех нас.

– Ну а коли так, могу я предложить тост? – Плавт наполнил обе чаши и поднял свою. – За посрамление врагов императора и... сокрушительную победу над варварами!

– За победу! – с улыбкой подхватил Нарцисс и осушил чашу.

Глава 4

Центурионы Второго легиона сидели в штабном шатре на расставленных в несколько рядов табуретах, дожидаясь, когда легат начнет совещание. Весь день прошел в неустанных хлопотах: на следующее утро легион готовился выступить форсированным маршем. При этом для всех, кроме легата Веспасиана, до сих пор оставалось неизвестным, куда именно направится войско, а тот не считал возможным доверить эту информацию даже собственным командирам.

Только что зашло солнце, в воздухе было полно мошкары. Тучи насекомых вились вокруг зажженных масляных ламп, и то и дело одна из мошек, угодив по глупости в огонь, с треском вспыхивала. В глубине шатра стояла деревянная рама, на которую была натянута бычья шкура с изображением территорий, прилегающих к ближнему отрезку реки Тамесис.

Третий ряд занимали шестеро центурионов Третьей когорты. У самого края, ссутулившись, сидел долговязый молодой человек. Странно было видеть совсем юное лицо рядом с суровыми обветренными лицами зрелых воинов. Густая щетка темных волос и ясные карие глаза на худощавом лице, казалось, делали его слишком молодым и для рядового легионера. Кольчуга и надетая поверх нее просторная туника с кожаными перевязями не скрывали стройного телосложения, а обнаженные руки и ноги, пусть крепкие и жилистые, не бугрились могучими мускулами. Даже в доспехах и военной форме с прикрепленными к ремням знаками отличия он походил на мальчишку, да и чувствовал себя не в своей тарелке, судя по тому, как нервно осматривал шатер и остальных собравшихся.

– Катон, да кончай ты, на хрен, дергаться, – проворчал центурион, сидевший рядом с юношей. – Ты прямо как блоха на жаровне.

– Да жарко здесь, вот я и ерзаю. Забавная погодка, ничего не скажешь.

– Ну, по-моему, ты единственный, кого это забавляет. По мне, в таком климате, как на этом проклятом острове, и спятить недолго. Сыро, промозгло, если день пройдет без дождя, считай за чудо. На хрена нам вообще было лезть в это поганое болото? Зачем мы, скажи на милость, здесь торчим?

– Макрон, мы здесь торчим, потому что мы здесь торчим, – с улыбкой промолвил юноша. – И вот что, помнится, ты вроде бы говорил мне, что такой ответ годится на все случаи жизни.

Макрон сплюнул на землю между носками сапог:

– Ну вот, стараешься ему помочь, а в ответ нарываешься на дерзость. И кто меня за язык тянул?

Катон вновь не удержался от улыбки. Всего несколько месяцев назад он состоял при Макроне опционом – заместителем командира центурии – и в основном именно своему командиру был обязан тем, что ему удалось усвоить за два года службы по части армейской жизни и воинского умения. Но вот и его самого произвели в центурионы, а когда десять дней назад он впервые стал командиром подразделения, на него вдруг навалился чудовищный груз ответственности. Это ведь не шутка – стоять перед строем из восьмидесяти легионеров, выдерживая суровый, невозмутимый вид, и стараться изо всех сил, чтобы они даже не заподозрили, что командир нервничает, переживает и вовсе не уверен в себе. Катон прекрасно понимал, что в таком случае в глазах подчиненных он мигом лишится авторитета, и это лишь усугубляло его страх. Тем паче у него не было времени завоевать уважение и преданность солдат, подвигом можно было считать уже то, что за столь короткий срок он ухитрился запомнить их имена. Пока даже речи не шло о том, чтобы в сложившихся обстоятельствах вникнуть в особенности характера каждого воина. Он муштровал солдат, пожалуй, с большим рвением, чем другие центурионы, но отдавал себе отчет в том, что легионеры смогут по-настоящему принять его в качестве своего командира лишь после того, как увидят в бою.

«Уж конечно, – не без горечи подумал юноша, – у Макрона-то все совсем по-другому. Макрон стал центурионом после десяти лет службы и чувствует себя в роли командира как рыба в воде. Уж ему-то не пришлось никому ничего доказывать: одни боевые шрамы, покрывающие тело, служат достаточным свидетельством его отваги в бою».

Вдобавок внешне Макрон являл собой полную противоположность юному другу: низкорослый, но крепкий, поперек себя шире. Лишь раз взглянув на него, любой легионер мигом понимал: если дорожишь зубами, этого центуриона лучше не сердить.

– Ну и когда наконец начнется этот проклятый инструктаж? – ворчливо произнес Макрон, прихлопнув между делом комара, пристроившегося на его колене.

– Встать! Смирно! – раздался громовой голос префекта лагеря. – Прибыл легат!

Центурионы повскакивали с мест и вытянулись, когда в шатер, откинув боковой полог, вошел командир Второго легиона. Веспасиан был могучего телосложения, с бородатым, резко

очерченным лицом. Никак не красавец, хотя нечто в его облике располагало. Во всяком случае, никто не видел на его лице холодной, высокомерной отстраненности, обычной для сенаторского сословия. Впрочем, поскольку командир сам лишь недавно выдвинулся из сословия всадников, а дед его и вовсе служил центурионом под началом Помпея Великого, то, несмотря на высокий ранг, между ним и его подчиненными не лежала такая же глубокая пропасть, как между простолюдинами и знатью. Это сказывалось на отношении подчиненных: бойцы любили умелого и удачливого командира. На долю Второго легиона, сражавшегося под его началом, выпало больше славы и успеха, чем на долю любого другого подразделения армии Плавта.

– Вольно! Прошу садиться.

Веспасиан выждал, пока в шатре воцарится тишина, которую нарушал лишь доносившийся извне гул лагеря, затем стал рядом с картой и откашлялся.

– Итак, от завершения кампании нас отделяет лишь день. Сейчас войско Каратака в полном составе движется в западню, где их всех ждет полное уничтожение. Как только войско будет разгромлено, а Каратак убит или пленен, нам не составит труда подавить сопротивление непокоренных племен.

– Ага, один день, как же, – шепнул Макрон. – Знакомая песня, сколько раз я ее уже слышал.

– Тсс! – шикнул Катон.

Убедившись, что все взоры обращены к нему, легат командирским жезлом указал на карту:

– Сейчас мы находимся вот здесь, недалеко от реки. Наши разведчики из племени атребатанов сообщают, что эту территорию местные называют «три брода» – по очевидным причинам. – Он поднял жезл и указал на участок к северу от бродов. – Каратак отходит под натиском командующего Плавта, и его войско неминуемо прибудет вот сюда, к бродам. До сих пор он не позволял втянуть себя в сражение: когда легионы под командованием Плавта приближались, Каратак попросту отводил силы вглубь острова. Все к этому привыкли, и Каратак считает, что мы и на сей раз будем ждать от него того же маневра. Однако на самом деле он задумал нечто совершенно иное. Он собирается переправиться по трем бродам через реку и таким образом зайти в тыл нашей армии и отрезать ее от Лондиниума, основной базы снабжения. Конечно, даже в случае успеха этой затеи она не обеспечит ему победу, но положение легионов основательно осложнится, и на то, чтобы вернуть все хотя бы к нынешнему раскладу сил, потребуется не меньше нескольких месяцев.

Однако, как уже догадались самые наблюдательные из вас, глядя на карту, этот тактический ход врага связан с огромным риском. Три брода расположены на широкой петле Тамесиса. Если их перекрыть, когда к горловине петли подойдут легионы командующего, Каратак окажется прижатым к реке, в ловушке. Отступать будет невозможно: ему придется либо сдаться, либо принять бой.

Завтра на рассвете Второй легион выступит к бродам и станет у переправы. Мы установим на дне реки заграждения, вобьем в дно острые колья и займем оборонительные позиции на берегу. Основные силы Каратака попытаются переправиться по этим двум направлениям, здесь и здесь. Броды широки, чтобы их надежно перекрыть, потребуется выделить значительные силы. Итак, Первая, Вторая, Четвертая и Пятая когорты выступят к броду ниже по течению. Поведу их я сам. Шестая, Седьмая, Восьмая, Девятая и Десятая когорты под командованием префекта лагеря Секста будут оборонять брод выше по течению.

Веспасиан переместился вдоль карты и легонько постучал жезлом по нужной точке.

– Третьим бродом Каратак, скорее всего, не воспользуется вовсе: он самый узкий, а течение на этом участке гораздо сильнее. Однако нельзя исключить, что для ускорения переправы он направит часть своих сил сюда, а мы ни в коем случае не должны позволить ему перепра-

виться. За этот участок отвечает Третья когорта. Что скажешь, Максимий, твои ребята справятся?

Все головы повернулись к тому ряду, где сидел Катон. С противоположного края находился центурион когорты, в которой служили Макрон с Катоном, – воин с длинным, выступающим на худощавом лице носом. Поджав губы, он кивнул:

– Ты всегда можешь положиться на Третью, командир. Мы тебя не подведем.

– На это я и рассчитываю, – улыбнулся Веспасиан. – Потому и поручаю вам дело, с которым вряд ли справились бы преторианцы. Помни, никто из врагов не должен переправиться на наш берег. Чтобы быстро завершить кампанию, мы должны полностью их уничтожить. У меня всё. Вопросы будут?

Катон обвел взглядом ряды в надежде, что кто-нибудь поднимет руку, но, увидев, что все центурионы сидят неподвижно, нервно сглотнул и вызвался сам.

– Командир?

– Да, центурион Катон?

– Но что, если на каком-то из бродов врагу все же удастся прорваться? Как сообщить об этом другим подразделениям?

– Два кавалерийских отряда будут со мной у первого брода, по одному – с Секстом и Максимием. Если что-то пойдет не так, любое подразделение сможет оповестить остальных, и при необходимости под покровом темноты легион отступит сюда, к укрепленным позициям. Но следует сделать все, чтобы такой необходимости не возникло. Нужно занять хорошие позиции, организовать оборону, добиться того, чтобы каждый легионер проявил себя наилучшим образом. Преимущество на нашей стороне. Во-первых, наше появление будет для них неожиданностью; во-вторых, мы подготовимся к встрече, и даже пресловутая скорость передвижения врага сыграет нам на руку: они торопятся и начнут форсировать реку прямо с марша. Все зависит от нас: встретим их как следует, и тогда новую провинцию можно считать завоеванной. Если кое-где и останутся мелкие очаги сопротивления, подавить их будет не трудно. Мы сможем сосредоточиться на разделе добычи.

Последние слова были встречены одобрительными возгласами, и Катон заметил, как в предвкушении трофеев засверкали глаза его товарищей по оружию. Всем центурионам полагалась доля выручки от продажи в рабство пленников, захваченных в ходе прошлогодней кампании. Однако завоеванная страна попадала в руки императорских чиновников и откупщиков, извлекавших огромные прибыли от работоторговли. Несправедливость распределения добычи была предметом постоянных сетований, особенно за выпивкой, и касалась в основном разницы между тем, что доставалось рядовым легионерам и командирам различных рангов. Истинных размеров барышей, которые извлекали для себя всякого рода посредники, большинство воинов себе даже не представляло.

– Еще вопросы будут? – осведомился Веспасиан.

Все молчали, и легат, выдержав паузу, обратился к префекту лагеря:

– Хорошо. Секст, можешь всех отпустить.

Командиры поднялись с мест и вытянулись в струнку. Как только легат покинул шатер, префект лагеря разрешил им удалиться, напомнив, чтобы никто не забыл получить в штабном шатре письменные приказы. Но когда центурионы Третьей когорты уже собрались разойтись, Максимий поднял руку:

– Не спешите, ребята. Сразу после вечерней стражи прошу всех собраться в моей палатке, надо поговорить.

Макрон с Катоном переглянулись, и это немедленно заметил Максимий.

– Двух новых центурионов нашей когорты я спешу заверить, что надолго никого не задержу и тратить попусту ваше драгоценное время не стану.

Катон покраснел.

Некоторое время Максимий молча в упор смотрел на юношу, а потом, расплывшись в улыбке, добавил:

– Просто хочу быть уверен в том, что, прежде чем прозвучит сигнал к первой смене караула, вы оба будете у меня в палатке. Понятно?

– Так точно, командир, – отчеканили оба.

Максимий резко кивнул, повернулся и зашагал к выходу. Макрон с Катонem проводили командира взглядами.

– Что бы все это значило?

Ближайший к ним центурион обернулся, бросил настороженный взгляд в сторону покидавшего шатер Максимия и, лишь когда тот пропал из виду, тихонько сказал:

– На вашем месте я бы держался настороже.

– Настороже? – Макрон нахмурился. – Ты о чем толкуешь, Туллий?

Гай Туллий был старшим центурионом Третьей когорты, главным после Максимия: он служил уже двадцать лет и участвовал во многих кампаниях. Сдержанный и не особо компанейский по натуре, он, однако, первым горячо приветствовал Макрона и Катона после назначения в Третью когорту. Двое других центурионов, Гай Поллий Феликс и Тиберий Антоний, ограничились скупыми словами одобрения, во всяком случае в адрес Катона, и юноша нутром чуял их недоброжелательный настрой. С Макроном дело обстояло иначе: они помнили его еще по тем временам, когда были рядовыми, и относились к нему с уважением, тем паче что командиром он стал раньше их обоих.

– Туллий! – поторопил сослуживца Макрон.

Туллий замешкался и уже открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но передумал и покачал головой.

– Да так, ничего особенного. Просто постарайтесь не ссориться с Максимием. Особенно это относится к тебе, юноша.

Катон поджал губы, и Макрон, заметив это, не удержался от смеха.

– Да не будь ты таким обидчивым, Катон. Ты, конечно, центурион, кто бы спорил, но нужно с пониманием относиться к людям, которые по ошибке принимают тебя за мальчишку.

– Мальчишки такого не носят, – буркнул в ответ Катон, постучав пальцем по наградным медальонам, и тут же пожалел об этом, действительно мальчишеском, порыве.

Макрон поднял обе руки, словно сдаваясь:

– Все, все. Прошу прощения. Но оглянись по сторонам, Катон, ты видел хоть одного командира, который был бы не то что твоим ровесником, но даже лет на пять старше тебя? Боюсь, ты редчайшее исключение.

– Исключение-то он исключение, – спокойно добавил Туллий, – но высовываться ему с этим не стоит, если хочет себе добра.

Проговорив это, ветеран отвернулся и последовал за Феликсом и Антонием к выходу из шатра. Макрон задумчиво поскреб подбородок:

– Что он имеет в виду?

– А ты не догадываешься? – горестно промолвил Катон. – Похоже, командир нашей когорты считает, что я не дорос до своей должности.

– Чушь все это! – Макрон ободряюще хлопнул младшего товарища по плечу. – О твоих заслугах известно всему легиону. Ты не должен никому ничего доказывать.

– Скажи это Максимию.

– Понадобится, скажу. Если он раньше сам этого не поймет.

Катон покачал головой:

– Максимий в нашем легионе всего несколько месяцев, он прибыл с пополнением, пока мы находились на лечении в Каллеве. Скорее всего, он обо мне почти ничего не знает.

Макрон потыкал пальцем в один из Катоновых медальонов:

– Все, что ему требуется о тебе знать, и так видно. А сейчас давай поспешим, а то, не ровен час, опоздаем к Максимию на инструктаж. Ведь мы этого совсем не хотим, верно?

Глава 5

Проверив, как оптион организовал несение караула, и вполне удовлетворившись увиденным, Катон прошел вдоль ряда палаток Макроновой центурии и просунул голову во входное отверстие самой большой из них, в самом конце линии. Макрон сидел за небольшим раскладным столом и при тусклом свете масляной лампы рассматривал какие-то навощенные дощечки.

– Готов?

Макрон поднял голову, отодвинул стопку дощечек в сторону, встал со стула и шагнул навстречу Катону.

– Конечно. В любом случае с меня хватит. Тут проклятые платежные ведомости – у меня от них голова кругом идет. Поневоле случается, что нет-нет да и пожалею о том времени, когда моим опционом был ты. Тогда, по крайней мере, со всеми этими счетами-отчетами был полный порядок, а я мог, не забивая себе голову цифрами, сосредоточиться на настоящем деле.

Катон понимающе кивнул: по правде говоря, для них обоих жизнь еще в недавнем прошлом была легче и проще. В ту пору, когда Макрон был его командиром, Катон учился у старшего товарища правилам армейской жизни и всему, что должен уметь центурион, и при этом юношу не тяготило бремя реальной ответственности. Конечно, оптион тоже командир, и бывало, обстоятельства вынуждали Катона принимать самостоятельные решения. Он вполне успешно с этим справлялся, однако знал, что в конечном счете за все, касающееся центурии, отвечает центурион. Теперь он сам стал центурионом, а значит, был в ответе не только за себя, но и за всех подчиненных. И ведь нельзя сказать, чтобы он не справлялся с новыми обязанностями: претензий к нему пока никто не предъявлял, но и сам он был достаточно требователен к себе. Уж во всяком случае, отдавал себе отчет, что его долговязая мальчишеская фигура не лучшим образом сочетается с доспехами и должностными регалиями центуриона.

– Как справляется Фигул? – поинтересовался Макрон по пути к большому квадратному шатру в центре расположения Третьей когорты. – До сих пор не пойму, с чего это ты выбрал его в оптионы. Спору нет, парень он храбрый, в драке не пасует, но в остальном, по-моему, несносный зануда.

– Да нормально он справляется, – буркнул Катон.

– Правда? – недоверчиво пробормотал Макрон. – Неужто и со счетами сам справляется? И с прочей хреновой писаниной?

– Ну я... это... порой даю ему наставления.

– Наставления даешь, вот как? Скажи уж сразу, что буковки показываешь – тоже мне, нашел грамотея.

Катон опустил голову, пряча хмурое лицо. По существу, Макрон был абсолютно прав – Фигул плохо подходил на должность заместителя командира. Он и собственное имя мог написать с большим трудом, а уж когда речь заходила о цифрах, то вряд ли мог пойти дальше подсчета своих скромных сбережений за первый год службы в легионе. Но при всем этом Катон не колеблясь выдвинул его на командную должность. Они были почти ровесниками, к тому же Катону очень хотелось видеть перед собой в строю знакомое лицо. Большинство товарищей по оружию, с которыми он начинал службу в центурии Макрона, сложили головы или вышли в отставку, получив увечья. Уцелевших распределили по разным подразделениям, смешав с пополнением, составившим основу обновленной когорты. Так и вышло, что выбор Катона пал на Фигула.

«И ведь не сказать, чтобы малый был лишен достоинств», – порой мысленно оправдывал себя молодой центурион. В Фигуле угадывалась галльская порода: высокий, широкоплечий, он мог помериться силами с кем угодно, хоть в легионе, хоть среди местных. И, что еще важнее, был добродушен, имел простой нрав и прекрасно ладил с личным составом, что делало его неплохим посредником между молодым центурионом и рядовыми бойцами. К тому же Фигул, как и сам Катон, был полон рвения и решимости доказать, что достоин нового назначения. Все бы ничего, да только попытки привить Фигулу хотя бы элементарные навыки ведения счетов и реестров превратились для Катона в сущее мучение. Причем он отчетливо понимал: если ему не удастся исправить положение, значит он по собственной глупости неминуемо возложит на себя еще и часть обязанностей оптиона.

– Ты мог бы его заменить, – сказал Макрон.

– Нет, он справится, – упрямо заявил Катон.

– Ну смотри. Это твое решение, парень.

– Вот именно. Это мое решение. И прошу тебя, Макрон, кончай вести себя так, будто ты мне заботливый папочка.

– Ой, да пожалуйста! Пожалуйста! – Макрон поднял руки, словно сдаваясь. – Слова больше не скажу.

– Вот и хорошо.

– Давай о другом: что ты думаешь о нашем командире Максими?

– Да я слишком мало его знаю, чтобы судить. Вроде бы свое дело он знает. Суров по части муштры и придирчив, ну да что тут поделаешь.

Макрон кивнул:

– Да, это командир старой школы. Ему важно, чтобы ни один ремень не болтался, все пряжки были застегнуты, оружие и доспехи надраены до блеска, он нигде ни пятнышка, ни пылинки не потерпит. Такие ребята – хребет армии.

– А откуда он, где раньше служил? – поинтересовался Катон, глядя на собеседника. – Ты о нем с кем-нибудь говорил?

– Да так, перемолвился парой словечек с Антонием. Он прибыл с тем же пополнением и знает Максими еще по службе в Гесориакуме.

– Ну и что он говорит?

– Да почти ничего. В центурионах Максими уже почти десять лет, служил по всей империи, а до того вроде бы состоял в преторианцах. Несколько лет прослужил там и перевелся в легионы. – Макрон покачал головой. – Вот этого я, хоть убей, не понимаю: какой дурак по доброй воле уходит из гвардии! Там и жалованье выше, и снабжение поприличнее, и лучшие таверны и бордели Рима всегда под рукой. Красота!

– Слишком много хорошего – это уже плохо, а?

– Чего? – удивился Макрон. – Это ж надо такую чушь сказануть. Небось ты не сам это придумал, а, бьюсь об заклад, кто-то из этих твоих хреновых философов. Нет уж, приятель, что хорошо, то хорошо. Хорошего много не бывает, и чем его больше, тем лучше. Поверь мне.

– Да ты, Макрон, прямо эпикурец.

– Это еще что за?..

Они подошли к палатке Максими. Изнутри пробивался тусклый свет, и, когда центурионы приблизились, часовые сдвинули полог и расступились, давая им пройти. Макрон шагнул первым, Катон за ним. Внутри было жарко, душно. Максими сидел за походным столом, перед которым были расставлены пять табуретов. На трех уже сидели центурионы Третьей когорты.

– Спасибо, что почтили нас своим присутствием, – резко бросил Максими.

Катон прикинул, что до сигнала смены караула оставалось еще чуть ли не полчаса, но, прежде, чем он успел возразить, Макрон выступил вперед со словами:

– Просим прощения, командир.

– Ну что ж, садитесь. Мы наконец начнем.

Как только они уселись, Макрон бросил взгляд на Катона и предостерегающе поднял бровь. Молодой центурион сообразил, что это, видимо, не ошибка, а особенность командного стиля Максимия, который ожидал, а вернее, требовал от подчиненных не просто точного, а максимально ревностного исполнения приказов, что предполагало способность улавливать даже то, что не озвучивалось напрямую, а лишь подразумевалось. Эта особенность командира держала подчиненных в постоянном напряжении, и Катон, зная, что некоторые действительно предпочитают так обращаться со своими солдатами, категорически этого не одобрял. По его разумению, при таком подходе командир вообще не может быть уверен в том, что его приказы будут точно исполнять, ведь, вместо того чтобы следовать указаниям, подчиненные будут из всех сил пытаться угадать истинные намерения начальника.

Максимий откашлялся, выпрямился и обратился к центурионам:

– Ну, теперь, когда все наконец в сборе... Итак, карту легата вы видели, и общая задача, полагаю, всем ясна. Мы удерживаем броды, и для Каратака это обернется поражением. Теперь о задаче, стоящей перед нашей когортой: нам поручена охрана самого дальнего от лагеря брода, а потому и выступаем мы завтра первыми, раньше других, еще до рассвета. К броду ведет укатанная подводами дорога, по ней и двинемся. К полудню дойдем до наблюдательного поста, устроим привал, отдохнем и пополним припасы. Оттуда двинемся к северу, до брода останется миля или около того, так что нам вполне хватит времени добраться до места, укрепить его и занять позиции. Но для того чтобы двигаться быстро, приказываю не брать с собой ничего лишнего. Все пожитки оставить в лагере, с собой захватить лишь самое необходимое: нам предстоит сражение. И чтобы не было отстающих, симулянтов... Не говоря уже о том, чтобы кто-то дрогнул при встрече с врагом. Вот враг – другое дело, пусть он трепещет, и, ежели у кого из варваров возникнет разумное желание сдаться, мы, конечно, – тут Максимий осклабился, – против не будем. Потому как, если повезет, можно не только одержать победу, но и малость на этом заработать. Все меня поняли?

Все центурионы, кроме одного, кивнули. Максимий обернулся к Макрону:

– Что не ясно?

– Командир, нам правда разрешено брать пленных?

– Хм, а как это можно запретить? – рассмеялся Максимий. – Или ты имеешь что-нибудь против возможности поднакопить денег, чтобы не пришлось бедствовать после отставки?

– Никак нет, командир, деньги я люблю ничуть не меньше прочих. Вопрос в другом: наша когорта будет одна на дальнем фланге легиона. Если брать пленных, потребуется отряжать людей для охраны, а это ослабит наши боевые возможности. И потом, меня как-то не радует мысль о том, что какое-то количество воинов-бриттов будет находиться не только перед нами, но и в тылу, пусть даже и без оружия. Это чревато неприятностями, командир.

– Ну что ж, Макрон, твое мнение понятно. По-моему, ты преувеличиваешь опасность. А что скажешь ты, молодой Катон? Что ты думаешь?

Катон растерялся от неожиданности, но постарался не подать виду.

– Трудно ответить однозначно, командир. Все зависит от того, каковы будут вражеские силы. Если сдержать противника нетрудно, то почему бы и не брать пленных? Но если на нас станут напирать значительные силы, то, как и говорит Макрон, нам потребуется каждый воин, способный держать оружие. В таких обстоятельствах наличие пленных станет источником угрозы... командир.

– Понятно. – Максимий задумчиво кивнул. – По-твоему выходит, что на первом плане у нас должна быть осторожность. А ты уверен, что именно это качество сделало нас, римлян, владыками мира?

– Насчет этого, командир, ничего сказать не могу. Думаю только, что наш долг – исполнять приказ, избегая излишнего риска.

– Я того же мнения. – Максимий громко расхохотался.

Феликс с Антонием тоже рассмеялись, Туллий улыбнулся. Успокоившись, командир когорты подался вперед и похлопал Катона по плечу.

– Не тревожься, я не собираюсь испытывать судьбу. Уж ты мне поверь. С другой стороны, упускать возможность подзаработать я тоже не собираюсь. Но насчет осторожности ты прав, спору нет, поэтому не будем забегать вперед. Завтра посмотрим, как сложатся обстоятельства, и исходя из этого будем действовать. Ну как, парень, тебе стало спокойнее?

Катон кивнул.

– Вот и хорошо. Будем считать, вопрос улажен.

Максимий отступил на шаг и заговорил более официальным тоном:

– Мы получили четкий приказ, и все вы должны знать: я хочу, чтобы Третья когорта доказала, что заслуживает высокого доверия. Мы должны безукоризненно справиться с поставленной задачей. Поэтому завтра я жду, что и вы, и ваши люди приложите все силы, на которые способны, меньшего я не потерплю. Да, мои требования высоки, но, лишь следуя им, можно стать лучшим боевым подразделением. Не только в этом легионе, но и в любом другом.

Максимий сделал паузу и оглядел лица центурионов, словно высматривая, кто с ним не согласен. Катон приложил все усилия, чтобы не выдать своих чувств.

– И вот еще что. Да, эта когорта находится под моим командованием чуть больше месяца, но я видел центурии на марше и на учениях, так что с уверенностью могу сказать, что никогда не служил с лучшим контингентом... я имею в виду, за пределами Рима. Мне представилась возможность оценить потенциал Антония, Феликса и Туллия, и увиденное меня полностью удовлетворило. Вы отличные командиры. Что же касается недавних назначений... – Максимий всем корпусом развернулся к Макрону с Катonom, и на его суровом лице промелькнула улыбка. – Я ознакомился с вашими послужными списками и рад, что вы служите под моим началом. Ты, Макрон, имеешь двухлетний опыт командования центурией, множество наград и самые хвалебные отзывы, причем не только от легата, но и от командующего. Уверен, в рядах моей когорты ты используешь все возможности, чтобы приумножить свои заслуги.

На какой-то миг Макрон испытал горькое негодование. Как-никак он прослужил под Орлами пятнадцать лет. Пятнадцать лет труднейших испытаний, опаснейших сражений. Он сильно сомневался, что кто-нибудь из земляков, оставшихся в маленькой рыбацкой деревушке на побережье Остии, смог бы узнать в нем того коренастого парнишку, который, бросив все, удрал в Рим, чтобы поступить на военную службу. Впрочем, это и для него уже давно стало лишь туманным воспоминанием, а привычка к дисциплине мигом помогла ему подавить раздражение, вызванное покровительственным тоном начальника.

– Спасибо за доверие, командир, – промолвил он, напряженно кивнув.

Максимий улыбнулся и перевел взгляд на Катона.

– Должен сказать, центурион Катон, что не у всех послужные списки одинаково длинные, однако бывает, что и в коротких есть что прочесть. Для воина столь юных лет у тебя имеются весьма примечательные достижения: например, я прочел, что ты ухитрился освоить одно из этих невразумительных местных наречий. Это может оказаться полезным. Посмотрим, как ты проявишь себя завтра.

– Надеюсь не разочаровать тебя, командир, – спокойно отчеканил Катон, хотя и ощутил укол уязвленного самолюбия.

– Да уж постарайся. – Улыбка исчезла с лица Максимия. – Нас всех, от командующего до рядового, ждут в строю суровые испытания. Но мы выдержим их с честью и стяжем всю славу, какую только возможно. Потому что народ Рима никогда не простит нам неудачи. Я ясно выразился?

– Так точно, командир, – ответили в один голос Антоний и Феликс.

– Прекрасно. А теперь предлагаю тост. – Он полез под стол и извлек оттуда кувшинчик с вином. – Не скажу, что это выдающийся напиток, но думаю, мое вино на вкус лучше здешнего. Итак, я возглашаю хвалу императору, Риму, его непобедимым легионам, Юпитеру и Марсу и предрекаю кровавую погибель Каратаку и его варварам.

Максимий откупорил кувшин, взял его за ручку и, положив горлышком на согнутую руку, поднес к губам. Командир когорты отпил два больших глотка, и Катон приметил, как из уголка его рта потекла вниз по щеке тонкая красная струйка. Максимий опустил кувшин и передал Туллию. Один за другим центурионы повторили тост и скрепили обет, отпив по глотку вина. Когда подошла очередь Макрона, тот приложился к сосуду основательнее, чем требовалось, а передав кувшин Катону, утер рот тыльной стороной ладони.

Подняв в свой черед кувшин и повторив тост, Катон почувствовал, что все взоры обращены к нему. Он поднес горлышко к губам, а когда содержимое полилось ему в рот, чуть не поперхнулся и с трудом сдержал порыв выплюнуть эту едкую кислоту. Не вино, а словно жгучий уксус! Такого поила ему не наливали даже в самых дешевых забегаловках Камулудума. Однако ему удалось даже не поморщиться: он опустил кувшин, сделав большой глоток.

– Прекрасно! – Максимий забрал у него кувшин, закупорил и вернул под стол. – Теперь до завтра. Мы покажем всей армии, на что способна наша когорта.

Глава 6

Было еще темно, а когорта уже готовилась выступить в поход. Две большие жаровни, установленные по сторонам ворот, освещали голову колонны. Однако их колеблющийся свет выхватывал из мрака только передовые шеренги Первой центурии, а всех остальных скрывал влажный предрассветный сумрак. Катон, стоявший у ворот вместе с другими центурионами, слышал доносившиеся из темноты приглушенные голоса да порой постукивание и звяканье оружия и снаряжения – почти пятьсот бойцов отправлялись сейчас на битву. На площадке перед воротами выстроился прикрепленный к когорте конный отряд под началом декуриона: легковооруженные всадники должны были не столько сражаться, сколько проводить разведку и развозить донесения. Спешившиеся кавалеристы держали в поводу лошадей, которые порой всхрапывали, подергивали ушами и переступали копытами. Со стороны лагеря доносились приглушенные звуки пробуждения: легионеры чертыхались, откашливались, постанывали, разминая затекшие во сне тела.

– Ну, ребята, осталось недолго, – сказал центурион Максимий.

Он стоял, подставив спину теплу одной из жаровен, отчего гигантская тень тянулась к ближайшей линии палаток.

– Смотри, какой он бодрый, – тихонько заметил Макрон.

Катон зевнул:

– Мне бы так.

– Не выспался?

– Пришлось повозиться со счетами, вот и не выспался.

– Со счетами? Накануне битвы? – вмешался удивленный центурион Феликс. – Ты что, с ума сошел?

Катон пожал плечами, и Феликс повернулся к Макрону:

– Ты вроде служил с ним некоторое время, так ведь?

– Точно. Он у меня опционом был.

– И что, он всегда был таким?

– Ну а как же. Катон у нас аккуратист – никогда не пойдет в бой, не приведя в полный порядок всю писанину. И то подумать – до битвы ли, когда у тебя башка цифрами забита? Нет ничего хуже, чем погибнуть, не закончив писанину: в это верят дворцовые чиновники, ну и он

от них научился. Душа неприкаянно мается, пока все не будет описано, обсчитано, подытожено и скреплено печатью. Лишь после этого она обретает покой.

– Неужели? – Глаза центуриона Антония расширились.

– Конечно. А почему ты спрашиваешь? – Макрон изобразил на лице ужас. – Неужели бросил свою писанину незаконченной? Беда!

Катон вздохнул:

– Да не слушай ты его, Антоний, это он дразнится. Чем славен центурион Макрон, так это своими подначками.

Антоний смотрел на Макрона сузившимися от ярости глазами.

– Идиот долбаный...

– Правда? А не ты ли в эту ахинею поверил, а? Так кто из нас, спрашивается, идиот?

– А что, ты бывал во дворце? – спросил Феликс, повернувшись к Катону. – В императорском дворце?

Катон кивнул.

– Слушай, про это ты никогда не рассказывал.

– Да рассказывать-то особо нечего. Я там родился и вырос, во дворце этом. Мой отец, вольноотпущенник, служил при дворе: это он организовал большую часть знаменитых увеселений Тиберия и Калигулы. Матери я не помню: она умерла вскоре после родов. А после смерти отца меня направили на службу в легионы, с тех пор я здесь.

– Должно быть, несладко тебе пришлось, после дворца-то?

– Не без того, – признал Катон. – С непривычки было тяжело. Но я вот что скажу: жизнь во дворце ничуть не безопаснее, чем здесь, в легионах.

– Забавно, – промолвил Феликс и кивнул в сторону Максимия. – Он говорит то же самое.

– Правда? – пробормотал Катон. – Как раз преторианцы всегда были в выигрышном положении. Не припомню, чтобы на них когда-нибудь обрушивались гонения, если не считать Сеяна с приспешниками.

– А ты что, был там тогда? – Глаза Феликса вспыхнули. – Это и правда было так страшно, как говорят?

– Хуже. О таком не знаешь, как и рассказать. – При воспоминании о событиях, связанных с падением Сеяна, лицо Катона помрачнело. – Людей убивали сотнями. Сотнями... Даже малых детей... А некоторые из них играли со мной, когда бывали во дворце. Преторианцы хватали малышей и закалывали, они привыкли именно так сражаться...

Мрачный тон друга заставил Макрона нахмуриться.

– Давай судить по справедливости, – промолвил он, указывая кивком в сторону командира когорты. – Его ведь тогда там не было, верно?

– Не было. Во всяком случае, я не видел.

– Под Камулодунумом преторианцы сражались бок о бок с нами и неплохо себя показали. А бой был кровавый.

– Да, ты прав. Я погорячился, нельзя так обобщать.

– Слушай, – тихо произнес Туллий, – а ведь Максимий вполне мог знать твоего отца. Спроси у него как-нибудь, улучив минутку. Между вами может быть что-то общее.

Катон пожал плечами. Он сильно сомневался, что может иметь хоть что-то общее с Максимием. Пренебрежительное отношение командира когорты к молодому центуриону стало очевидным уже после нескольких дней службы. Но еще обиднее было думать, что и остальные центурионы когорты, кроме Макрона, конечно, разделяют это отношение.

Из редющей тьмы раздалась команда «Смирно!», и Катон узнал голос Фигула. Послышался похожий на отдаленный гром топот сапог, подбитых железными гвоздями. Максимий отошел от жаровни и присоединился к своим командирам.

– Это, должно быть, легат. Становись!

Он выступил на два шага вперед и вытянулся в струнку. Остальные центурионы растянулись в шеренгу позади него, подравнялись и выпрямились. Воины стояли, расправив плечи, подняв подбородки, держа руки по швам. Все замерло, только лошади продолжали фыркать и переступать копытами. Топот стал громче, и спустя несколько мгновений в багровом свете жаровен у ворот появился сам легат Веспасиан, сопровождаемый группой приближенных. Остановившись, он ответил на приветствие центурионов.

- Судя по виду твоих ребят, Максимий, они так и рвутся в бой.
- Так точно, командир. Ждут не дождутся, когда можно будет начать сражение.
- Рад это слышать.

Веспасиан подступил ближе к командиру когорты и понизил голос:

- Приказ ты получил и понимаешь, какая важная роль отведена тебе в нынешнем деле.
- Так точно, командир.
- Вопросы есть?
- Никак нет, командир.
- Молодец!

Веспасиан протянул руку, и они сжали друг другу запястья.

– Последнее сражение. К концу дня все должно закончиться. Да пребудут с тобой боги, центурион.

- И с тобой, командир.

Веспасиан улыбнулся и повернулся лицом к востоку, где над горизонтом уже начинала заниматься заря.

– Ну, время выступать. А вечером я непременно разопью с тобой и твоими ребятами кувшинчик вина.

Легат отступил назад и в сопровождении свиты направился к деревянной лестнице, что вела на надвратную площадку.

Максимий повернулся к центурионам:

- По подразделениям разойдись! Быть готовыми к маршу.

Отсалютовав командиру, Катон и Макрон рысцой припустили вдоль молчаливой колонны легионеров к своим центуриям. Катон отметил, как сверкали полированные накладки на щитах: чехлы для защиты от влаги Максимий приказал оставить в палатках, чтобы не нести на марше лишнего веса. «Лишь бы дождя не было», – подумал Катон, вспомнив, каким тяжелым становится промокший насквозь щит.

Добежав до строя Третьей центурии, Макрон остановился, кивнув младшему другу, и тот направился в хвост колонны, где под штандартом Шестой центурии его дожидался оптион Фигул. Длинное древко украшал лишь один знак отличия, не считая квадратной подвески с номером подразделения, – диск с профилем императора Клавдия, наградной знак, пожалованный всем центуриям армии Плавта после прошлогоднего разгрома Каратака под Камулодунумом.

Катон незаметно улыбнулся. Прошлогодний разгром, надо же. И вот по прошествии года они вновь собираются разгромить Каратака. Конечно же, окончательно. Катону казалось, что, даже если сегодняшнее сражение увенчается победой, римские легионы еще услышат о своем заклятом недруге Каратаке. Год, проведенный на этом варварском острове, научил его в первую очередь одному: бритты слишком глупы, чтобы осознать свое поражение. Каждое войско, которое они высылали против римлян, терпело неудачу, но они не извлекали из кровавой бойни никакого урока и упрямо продолжали сопротивляться, несмотря на понесенные потери. Катону очень хотелось, чтобы нынешний разгром и вправду сломил их упорство ради спасения их самих и их детей.

- Шестая центурия, готовься к маршу.

Из темноты донеслись негромкие звуки: солдаты подняли стоявшие на земле щиты, вскинули на плечи метательные копья. Несколько мгновений, и все снова стихло.

До слуха Катона донесся приказ открыть ворота, прозвучавший где-то в голове колонны. Протестующе заскрипели запорные брусья, выдвигаясь из скоб, тяжелые бревенчатые створы распахнулись вовнутрь, и в чреве надвратной башни открылся черный зев.

Максимий проревел приказ, и когорта пришла в движение: четко, центурия за центурией, неуклонно соблюдая установленную дистанцию между подразделениями. Наконец прозвучал приказ Антония, обращенный к Пятой центурии. Катон дождался, пока ее последняя шеренга шагнет вперед, мысленно сосчитал до пяти и наконец воскликнул:

– Шестая центурия, шагом марш!

Во главе подразделения шел он сам, Фигул – рядом, поотстав на шаг. За ними знаменосец нес штандарт, а следом маршировала колонна из восьмидесяти бойцов – первый в жизни отряд, которым он самостоятельно командовал. Все здоровы, ни одного хворого или недужного. Катон оглянулся и преисполнился гордостью: это ведь его воины, его центурия!

Взгляд скользил по лицам бойцов первой шеренги, выступающим из сумрака, и Катон чувствовал, что не может быть в жизни ничего лучше, чем служить центурионом Шестой центурии Третьей когорты Второго легиона Августа.

Когда когорта вступила под надвратную башню, легат выхватил из ножен меч и, воздев к небу, возгласил:

– За победу! За победу! С нами Марс!

– Мечи наголо! – проревел Максимий, маршировавший во главе колонны.

Лязгнула сталь, сверкнули смертоносные клинки, и войска подхватили клич легата, восхваляя бога войны.

Славословия звучали до тех пор, пока лагерные валы, оставшиеся далеко позади, не превратились в туманные контуры в занимающемся утреннем свете.

Оглянувшись в последний раз, Катон устремил взгляд на дорогу, по которой Максимий вел своих бойцов в бой. Им предстояло решить судьбу Каратака и его войска раз и навсегда.

Глава 7

Уже на рассвете стало очевидно, что день выдастся исключительно жарким. На ясном небосводе не было и намека на облачко. Когорта размеренно маршировала по разбитой дороге, и подбитые гвоздями сапоги легионеров вздымали пыль, покрывавшую проложенные подводами колеи. Поскрипывали ремни, ритмично звякала хорошо подогнанная амуниция, мерно покачивались щиты и метательные копья.

Чуть справа от пехотной колонны, параллельно ей, двигалось кавалерийское подразделение. Центурионы, собранные Максимием, маршировали во главе когорты.

– Главное – не сбиваться с шага, маршировать размеренно и ровно, – наставлял командир. – Спешить нам некуда, а стало быть, не стоит выматывать людей без всякой на то надобности.

Макрон помалкивал, на этот счет у него было совсем другое мнение. Он считал, что стоит занять позицию как можно скорее. Легат достаточно ясно дал понять, что нужно быть готовыми перехватить Каратака, когда бы тот ни начал переправу. Да, спору нет, Третья когорта точно доберется до брода вскоре после полудня, но все же, будь это его, Макронова когорта, он бы привел бойцов на позицию заранее форсированным маршем, укрепился, установил все необходимые заграждения, распределил людей и дожидался появления неприятеля.

Лучше сто раз перестраховаться, чем допустить лишний риск – годы, проведенные под Орлами, буквально вбили этот принцип в голову Макрона. Однако, каковы бы ни были его соображения, не он тут командует. Не дело, чтобы подчиненный обсуждал приказы командира.

Поэтому центурион Макрон держал язык за зубами и в ответ на последнее указание Максимия лишь кивнул.

– Когда доберемся до аванпоста дополнительного подразделения, устроим привал и заодно разживемся шанцевым инструментом для устройства заградительных сооружений.

– А кому из вспомогательных подразделений поручен аванпост, командир? – позволил себе поинтересоваться Катон.

– Это Первый батавский отряд – германцы и по рождению, и по воспитанию, – с улыбкой ответил Максимий. – Но ребята славные, к тому же попали в хорошие руки. Фортom сейчас командует центурион Порцин. Мы с ним приятели: он, как и я, из бывших преторианцев.

– Первый батавский? – Макрон нахмурился, припоминая. – Уж не эти ли ребята получили отменную взбучку при Тамесисе прошлым летом?

– Они самые.

– Так я и думал. – Макрон кивнул и ткнул большим пальцем в бок Катону. – Мы там были. Помнится, неразбериха вышла полнейшая. Они погнались за местными варварами, угодили в болото, потом друг друга по кочкам выискивали. Так, что ли, было, Катон?

– Что-то в этом роде, – буркнул Катон, наблюдавший за Максимием и заметивший, что командир когорты нахмурился. – Но дрались они неплохо.

Макрон с удивлением повернулся к другу, и Катон торопливо покачал головой.

– Они сражались храбро и оказались достойны своего командира, – проревел Максимий. – Потеряли половину личного состава, и сейчас Порцин возглавляет оставшуюся в живых часть подразделения. Говорю вам, они в хороших руках.

– Ну, – фыркнул Макрон, – если он такой хороший командир, тогда почему?..

Катон бросил на старшего друга многозначительный взгляд, и тот наконец сообразил, что сболтнул лишнего, и осекся. Он мельком глянул на Максимия и сделал вид, что закашлялся.

– Что «почему»? – ворчливо осведомился Максимий.

– Ну... э-э-э... почему тогда командующий его не наградил?

– Уж тебе ли не знать, Макрон? Наградит тебя центурион или нет, зависит не только от заслуг, но и от удачи. Как доложат командующему или легату, как ему возомнится. Одни остаются ни с чем, тогда как другим... – Максимий многозначительно взглянул на Катона, – награды, похоже, преподносят на блюдечке. Что поделаешь, так устроен мир. Ты согласен, центурион Катон?

– Так точно, командир, – отчеканил Катон, заставив себя улыбнуться. – В мире много несправедливости.

– Несправедливости? – повторил, словно передразнивая его, Максимий. – Да, это правильное, верное слово. Ты ведь, небось, и много других таких знаешь?

– Командир?

– Ну у тебя на уме полно всяких хитрых словечек, чтобы меня подначивать?

– Командир, да у меня и в мыслях ничего такого...

– Ладно, расслабься.

Максимий ухмыльнулся, пожалуй слишком широко, и поднял руку.

– Все в порядке, парень, никаких обид. Ты провел большую часть жизни не в строю, обучаясь ратному делу, а засунув нос в пыльные свитки, а с этим ведь ничего не поделаешь, верно?

– Так точно, командир, – буркнул Катон, глядя под ноги, чтобы скрыть одолевавший его гнев. – Но я стараюсь это исправить.

– Конечно, парень, а как же иначе, – прогромыхал Максимий, подмигивая Антонию и Феликсу. – Все ребятки чему-то научаются рано или поздно.

– «Рано или поздно» – это когда, командир?

На сей раз Катон взглянул командиру прямо в лицо, и Максимий, приметив в глазах юного центуриона искорки гнева, слегка улыбнулся и похлопал Катона по плечу.

– Это всего лишь фигура речи, сынок. Ничего больше. Уразумел?

– Так точно, командир, – отчеканил Катон с легким кивком. – Я могу вернуться к своим бойцам?

– Да не дуйся ты, Катон.

Это, конечно, тоже подначка, и Катону непросто было справляться с накатившим гневом. Он прекрасно понимал, что Максимий намеренно пытается вывести его из себя, чтобы выставить посмешищем в глазах остальных центурионов. Его так и подмывало ответить тем же, высказаться в свою защиту, указать на свои заслуги, на украшающие португую награды. Но это бессмысленно и глупо. У того же Максимия, да и у других заслуженных центурионов, наград куда больше, и вряд ли Катону удастся упрочить авторитет с помощью неуместного хвастовства.

Тех, кто уступал ему по части наград, похвальба может только задеть, что тоже не добавит ему популярности. А уж любая попытка открыто возмутиться поведением Максимия – прямое нарушение субординации, что лишь усугубит ситуацию. Как ни крути, а остается, скрепя сердце, терпеть сложившееся положение, постоянно ожидая со стороны командира еще каких-нибудь колкостей. В конце концов, тот просто использовал преимущество своего статуса, и Катон понимал, что тут уж ничего не попишешь. Хуже всего, что и некоторые центурионы открыто поддерживают командира. «Остается одно: не поддаваться унынию, не позволить себе сорваться или сломаться. Нужно ждать, пока все переменится к лучшему», – мысленно убеждал себя Катон, горестно улыбаясь.

А ведь в глубине души он считал, что готовить настоящих солдат армия может и другому. Тяготы военной службы – не только физические, но и моральные. Это неизбежно, но нет ни малейшего смысла их усугублять. Максимий, видимо, смотрел на дело иначе, и было очевидно, что при таком подходе он доведет Катона до срыва с той же неизбежностью, с какой ночь сменяет день. Единственное разумное решение, которое пришло Катону в голову, – просто держаться от Максимия подальше и постараться как можно реже попадаться ему на глаза.

Оглянувшись назад, где в хвосте колонны маршировала его центурия, Катон нахмурился.

– Командир, – обратился он к Максимию, – мне кажется, мои люди начинают отставать. Прошу разрешения вернуться к подразделению и навести порядок.

Максимий окинул юношу долгим взглядом прищуренных глаз, и Катон уже начал опасаться, что просьба будет отклонена. Но командир когорты кивнул:

– Отправляйся. Выровняй строй и не допускай сбоя.

– Есть, командир!

Катон отсалютовал, повернулся и, сопровождаемый взглядом Максимия, размашистым шагом направился в хвост колонны, где маршировали запыленные, потные легионеры.

– Макрон?

– Да, командир?

– Насколько хорошо ты знаешь этого мальчишку?

– Надеюсь, командир, достаточно хорошо, – осторожно ответил Макрон. – Мы знакомы с тех пор, как он поступил во Второй легион новобранцем.

– Даже так? – Брови Максимия изогнулись дугой. – Это что же получается, сейчас сообщу... два года. Да, солидный срок.

Даже Макрон уловил в словах командира плохо скрытый сарказм и для себя решил, что Катона следует защитить, чтобы у Максимия не сложилось неверное суждение о юном центурионе. Первое впечатление особенно важно и, как правило, держится долго, а Макрону вовсе не хотелось, чтобы ветераны неверно судили о его юном друге, тем паче что тот впервые в жизни командует собственным подразделением, а это само по себе нелегкое испытание. Мак-

рон знал, что некоторые легионеры в Шестой центурии ропщут по поводу назначения нового командира, который моложе некоторых рядовых. Не слишком удачным казался ему и выбор Фигула на должность оптиона. Фигул всего на несколько месяцев старше своего центуриона, хорошо еще, что его внешний облик достаточно внушителен, чтобы и у самых дерзких рядовых даже мысли не возникло нарушить субординацию.

«Да и вообще, – решил Макрон, – с Фигулом все в порядке. Катон его назначил, с Катона и спрос. А вот самому Катону придется приложить немало стараний, чтобы оправдать в глазах товарищей, и солдат, и командиров, столь быстрое продвижение по службе». При этом Макрон осознавал, что, хотя повышение досталось юному другу вполне по заслугам, ему остро недостает уверенности в себе. Зато мальчишеского честолюбия у него в избытке. Макрон не раз становился свидетелем отчаянной храбрости Катона и понимал: при первой возможности тот сделает все, чтобы в глазах Максимию показать себя настоящим воином, и, вполне возможно, сложит голову в бою. А если Максимий с его манерой поддразнивать неосознанно будет требовать от молодого подчиненного доказывать его командирскую состоятельность, Катон сам станет искать опасности. Макрон помедлил, поразмыслил и встревожился еще больше: «А не случится ли так, что Максимий, осознав все слабости и достоинства молодого центуриона, решит сознательно ими воспользоваться?»

Макрон прочистил горло и заговорил, как ему хотелось верить, с беззаботной уверенностью:

– Конечно, командир, по сути, он еще мальчишка. Но военному делу учиться быстро, я сам тому свидетель. И он не трус.

– Мальчишка, – фыркнул Максимий. – Я бы дальше и не продолжал.

Остальные центурионы рассмеялись, и Макрону пришлось улыбнуться за компанию с ними. Если он хочет расположить Максимию к самому молодому центуриону когорты, вряд ли стоит раздражать командира.

– Он, пожалуй, чересчур чувствителен, командир, – с улыбкой добавил Макрон. – Сам понимаешь, в этом возрасте все такие.

– Прекрасно понимаю. Именно поэтому, как мне кажется, в щенячьем возрасте даже умников и храбрецов не стоит назначать на командные должности. Им недостает характера, ты не находишь?

– По большей части это так, командир.

– А в данном случае?

Макрон помедлил, подумал, потом кивнул:

– Думаю, это общее правило. Я и помыслить не мог о том, чтобы стать центурионом в возрасте Катона.

– Вот и я тоже, – промолвил Максимий, прищелкнув языком. – И по этой причине я сомневаюсь, что из такого молодого командира может выйти толк.

– Но Катон – особый случай.

Максимий пожал плечами, отвернулся и устремил взгляд вдоль дороги.

– Скоро увидим.

Пыль, клубившаяся в конце колонны, густо висела в воздухе, забивая носы и рты, мешая дышать. Всех мучила жажда, и не удивительно, что постепенно центурия начала отставать – разрыв между головой и хвостом войска заметно увеличился. Вернувшись к своему подразделению, Катон незамедлительно дал приказ подтянуться, ускорить шаг и догнать колонну. Естественно, приказ никого не обрадовал и был встречен глухим ворчанием.

– Молчать! – рявкнул Катон. – Никаких разговоров в строю! Оптион, доложишь мне имя каждого, кто откроет рот на марше.

– Есть, командир! – откликнулся Фигул.

Остановившись у обочины, Катон внимательно наблюдал за тем, как проходили мимо бойцы его центурии. Он уже достаточно поднаторел в армейской жизни, чтобы отличить хорошего legionера от плохого, ветерана от новобранца, крепкого и здорового воина от слабого, а то и хворого. Вне всякого сомнения, его центурия годилась для похода: нескончаемая безжалостная муштра и суровая походная жизнь быстро отбраковывали непригодных. Ничуть не менее внимательно Катон отслеживал состояние воинского снаряжения, беря на заметку каждого, кто старается поддерживать амуницию в наилучшем состоянии. Не оставались без внимания и те, чье оружие и доспехи содержались недостаточно аккуратно: по окончании марша этих legionеров ожидало весьма неприятное общение с Фигулом. Несколько изнурительных нарядов должны были наставить нерадивых солдат на истинный путь. Если же нет, дело могло дойти и до порки.

Колонна промаршировала вперед, а Катон задержался, желая удостовериться, что строй выровнялся. Лишь после этого он ускорил шаг, догоняя подразделение. Увиденное его в принципе устроило. Нет, конечно, как и в любом подразделении, в центурии имелось несколько оболтусов, но большинство солдат производили хорошее впечатление, были дисциплинированы и старательны.

В сложившейся ситуации Катона больше всего волновало, что он так и не постиг дух своей центурии, не чувствует коллективного умонстроения бойцов. Лица, которые он видел, стоя на обочине, решительно ничего не выражали, обрывки слов не указывали на то, что они на самом деле думают, – ведь командир только что сам строго-настрого запретил разговоры в строю. Приказ соблюдался неукоснительно, хотя, кажется, воины затаили на него молчаливую обиду. Катон задумался было о том, не отменить ли приказ: разговоры на марше всегда позволяют больше узнать о людях. Но с другой стороны, что он за командир, если то и дело отменяет свои приказы: это свидетельствует о нерешительности и неуверенности в себе. Нет уж, пусть лучше они некоторое время молча негодуют. Во всяком случае, это закрепит за ним образ требовательного и решительного командира, ревнителя суровой дисциплины. В его подразделении дисциплина должна быть идеальной, без малейших послаблений. Он еще покажет этому самодуру Максимию...

В глубине души Катон понимал, в чем причина этой непреклонной строгости к солдатам: он невольно переносил на них свой бессильный гнев против командира когорты. Это неизбежно вызывало в нем чувство вины и презрения к самому себе. Ведь если вдуматься, велика ли разница между Максимием, всячески изводящим Катона, и самим Катоном, точно так же срывающим раздражение на собственных подчиненных?

Как ни больно это признать, получалось, что Максимий по большому счету прав. Он, Катон, надулся, а восемь десятков ни в чем не повинных людей должны мучиться из-за его мальчишеской обиды, и пока он не преодолеет в себе эту юношескую чувствительность, она будет постоянно сказываться на его бойцах. А ведь для того чтобы противостоять свирепой ярости диких орд Каратака, эти люди должны доверять ему безоговорочно.

Вскоре после полудня дорога свернула к холму, на вершине которого темнела свежая земля недавно возведенного вала с вбитым поверх частоколом. Над воротами цитадели и по углам укрепления высились прочно сколоченные бревенчатые башни. В дрожавшем от жары воздухе сооружение будто мерцало, а сразу за холмом была отчетливо видна источающая прохладу и свежесть лента реки Тамесис, маня истомившихся жаждой, пропотевших и запыленных legionеров. Катону казалось, что он давно уже не видел более умиротворяющего и безмятежного пейзажа, но все же он помнил, что именно здесь, на берегу реки, скоро разразится жестокая битва. Приветливые воды окрасятся человеческой кровью, а на берегу под палящим солнцем будут громоздиться мертвые тела.

Когорта приближалась, а на валах и башнях не было видно никакого движения: создавалось впечатление, будто часовые, утомившись нести караул, решили поискать убежище от жары где-то во внутренних помещениях. А потом внимание Катона привлекли медленно кружившие над фортом птицы – очевидно, какая-то местная разновидность стервятников. Кроме них да нескольких стремительно метавшихся вверх и вниз стрижей, других птиц видно не было.

Когорта была на расстоянии полета стрелы от форта, а крепость не подавала признаков жизни. Центурион Максимий остановил колонну и выслал вперед, к аванпосту, конных разведчиков. Застучали копыта, отряд устремился к воротам.

– Командиры, ко мне!

Катон, позвякивая оружием, бегом устремился к голове колонны, минуя ряды притихших легионеров. Запыхавшись и утирая пот со лба, он присоединился к остальным центурионам, которые уже сгруппировались вокруг Максимия.

– Что-то тут не так, – пробормотал вполголоса Феликс.

Максимий медленно повернулся к нему:

– Правда? Ты действительно так думаешь?

– Ну... – замялся Феликс, – похоже на то, командир. Или там что-то случилось, или у них самый никчемный караул, какой только можно представить. Если так, то этих бездельников живьем зажарить мало.

Максимий кивнул:

– Хм, спасибо за интересную и исчерпывающую оценку ситуации. Весьма поучительно... По мне, так и последнему идиоту ясно – там что-то случилось.

Феликс попытался было пролепетать что-то в свое оправдание, но замолк, уставился под ноги и принялся рассеянно скрести землю носком сапога.

Остальные центурионы обратили взоры к холму и следили за приближением разведчиков к воротам. Тут одна из створ начала медленно приоткрываться.

– Командир!

– Вижу, Антоний.

Из тени ворот на солнце выбежал крупный пес из тех охотничьих собак, с которыми батавы не расставались даже на войне. Увидев всадников, он замер, а потом резко повернул и стремглав помчался вниз по склону в противоположном направлении. Несколько мгновений центурионы непроизвольно следили за ним, пока черный зверь не пропал из виду.

– Командир, что это там? – спросил Катон, указывая в сторону ворот.

Створы, которые сначала приоткрылись на дюйм, сейчас распахивались, выступая из тени. Что-то прицепилось к ним с внутренней стороны.

– Ох, дерьмо! – выдохнул центурион Феликс.

Ответа на вопрос не последовало. Все было слишком очевидно, и на несколько мгновений воины буквально онемели. Гвоздями, вбитыми в ладони, к створке ворот было приколено тело. Человек был раздет догола, а живот вспорот, так что наружу вывалились красно-серые поблескивавшие внутренности.

Глава 8

– Когорта! – воскликнул, резко повернувшись, центурион Максимий. – Боевое построение! Сомкнуть ряды!

Легионеры принялись формировать сплошную стену поднятых щитов, а центурионов Максимий отослал к подразделениям. Тем временем разведчики поднялись по склону, декурсион в сопровождении троих всадников осторожно подъехал к воротам. Немного помедлив возле трупа, они исчезли внутри как раз к тому времени, когда Катон подбежал к стоявшему во главе Шестой центурии Фигулу.

– Что там такое, командир?

– У тебя, опцион, что, глаз нет? – буркнул Катон. – Смотри сам.

Фигул ладонью прикрыл глаза от солнца и стал вглядываться в сторону ворот. Услышав позади приглушенный встревоженный ропот, Катон гневно обернулся и рывкнул:

– Молчать!

Однако от него не укрылось, что один солдат, не удержавшись, сказал что-то соседу. Резко повернувшись, центурион шагнул вперед и, указывая на него, требовательно произнес:

– Ты! Да, да, ты, нарушитель приказа. Как тебя зовут?

– Тит Велий, командир.

– Так какого же долбаного хрена ты, Тит Велий, позволяешь себе распускать язык в строю, если был приказ молчать?

Катон смотрел прямо в глаза легионеру, который был лишь чуточку ниже центуриона ростом, но зато на несколько лет старше и гораздо более крепкого телосложения. На своего центуриона он смотрел без всякого выражения.

– Не слышу ответа!

– Мне просто показалось, что у нас неприятности, командир. Вот и все.

Он на миг встретился с Катоном взглядом и тут же снова с отрешенным видом уставился прямо перед собой.

– Опцион! – выкрикнул Катон. Его ноздри раздувались от гнева.

– Я здесь, командир! – доложил торопливо подбежавший Фигул.

– Проследи, чтобы Велий понес наказание. Десять дней чистки нужников.

– Будет исполнено, командир.

Катон отступил на шаг и оглядел строй.

– Это для начала. Следующий любитель поболтать в строю будет разгребать дерьмо двадцать дней.

С этими словами Катон отвернулся от солдат и снова устремил взгляд в сторону форта. Ворота так и оставались открытыми, пригвожденный к ним человек был неподвижен. Крепость не подавала ни малейших признаков жизни: пугающий покой нарушали лишь медленно кружившие над валами вороны. Молодой центурион внимательно оглядел окрестности, но вокруг было пусто. Ни батавов, ни врагов, ни единого местного дикаря.

Наконец после показавшегося бесконечным ожидания из тени надвратной башни выехал декурион с разведчиками. Не теряя времени, всадники припустили рысью к Максимию, который в нетерпении сделал несколько шагов им навстречу. Это понятно – его не могла не волновать судьба гарнизона.

– Ну?

Декурион выглядел потрясенным.

– Они все мертвы, командир.

– Все? Весь гарнизон?

– Полагаю, да, командир. Точного подсчета я, конечно, не производил, но там более сотни мертвых тел. И похоже, мало кому из них посчастливилось умереть быстрой смертью.

Некоторое время Максимий хмуро молчал, но потом встряхнулся и отдал приказ:

– Декурион, собери своих разведчиков. Отыщи следы тех, кто это сделал. Когда выяснишь, куда они удалились, доложишь мне.

Отдав честь, декурион развернул коня, поскакал к своим солдатам и, построив их, довел до сведения приказ командира когорты. Тем временем Максимий направился напрямик к мертвой цитадели и первым вошел в ворота.

Кавалеристы галопом ускакали на север, на поиски врага, а когорты так и осталась стоять неподвижно под палящим солнцем, с беспокойством дожидаясь возвращения командира.

Времени прошло немало, по прикидкам Катона – около четверти часа, и в конце концов он нетерпеливо хлопнул себя по бедру.

– Думаешь, с ним там что-нибудь случилось, командир? – осторожно поинтересовался Фигул.

– Надеюсь, что нет. Но лучше бы ему вернуться поскорее. Мы не можем позволить себе терять время. Он сам получил приказ на этот счет.

– Может, кто-нибудь сходит проверит, все ли с ним ладно?

Катон смотрел вдоль колонны, ища глазами других центурионов. Макрон встретил его взгляд и потряс рукой в воздухе, выказывая раздражение.

– Пожалуй, ты прав, – сказал Катон. – Нужно, чтобы кто-то его нашел. Оставайся здесь.

Сопровождаемый удивленными взглядами Феликса и Антония, Катон побежал вперед и остановился рядом с Макроном.

– Время, на хрен, уходит! – бушевал Макрон.

– Знаю. Нам следует двигаться, а не торчать здесь столбом.

– Но сначала надо бы взять в крепости шанцевый инструмент.

– Значит, время забрать его и двигать к броду. Должен же кто-то занять там...

Пока Макрон скреб подбородок, обдумывая сложившуюся ситуацию, к ним подошел центурион Туллий. Обветренное лицо выдавшего виды воина было тревожно.

– Что, по-твоему, нам следует делать?

Макрон посмотрел на Туллия с удивлением. Как старший по положению после Максимию, Туллий должен был сам принимать решения, а не спрашивать совета или интересоваться чьим-то мнением. Однако заслуженный ветеран смотрел на более молодых командиров с надеждой и ждал, что они скажут.

– Кому-то нужно пойти туда, – помолчав, промолвил Катон.

– Но он приказал нам оставаться с центуриями.

– Послушай, – встрял Макрон, – мы не можем позволить себе проторчать тут до конца этого хренова дня. Нам приказано занять брод. Кто-то должен пойти к Максимию. И не теряя времени, его и так уже потеряно больше, чем можно.

– Может, ты и прав. Но кто?

– Да какая разница? – фыркнул Макрон. – Вот ты возьми да сходи.

– Я?

Туллия эта идея явно не воодушевила. Он покачал головой:

– Нет, я лучше останусь с когортой. Вдруг это ловушка – нельзя допустить, чтобы когорта лишилась командира, и старшего из центурионов. Вот что, Катон, отправляйся ты. Тебе всяко сподручней.

Не вступая в пререкания и не позволив себе выказать ни малейших признаков недовольства, молодой центурион повернулся в сторону укрепления и припустил вверх по склону. Почти в то же самое мгновение в воротах показалась фигура Максимию, который зашагал вниз. Завидев собравшихся вместе центурионов, он побагровел от гнева. Командиры вытянулись в струнку.

– Это еще что такое? Кто разрешил вам покинуть подразделения?

– Но, командир, мы беспокоились о твоей безопасности, – попытался оправдаться Катон.

– Кроме того, – резонно указал Макрон, – мы выбиваемся из графика, командир. К настоящему времени нам следовало уже занять позиции у брода.

Резко повернувшись, Максимию ткнул его пальцем в грудь и злобно отчеканил:

– Не смей указывать мне, как исполнять мои обязанности, центурион.

– Но, командир, я только хотел напомнить...

– Молчать! – выпалил Максимию прямо в лицо Макрону.

Некоторое время двое командиров мерили друг друга взглядами, а окружающие смотрели на них с беспокойным удивлением.

Разрядил обстановку Катон.

– Хм... командир? – промолвил он, откашлявшись.

– Что?

– Там кто-нибудь выжил?

– Никто.

– И никаких следов центуриона Порцина?

Услышав имя своего друга, Максимий вздрогнул.

– О, с ним все в порядке. Собственно, я и задержался, потому что его искал.

– Не понимаю.

– Он не понимает! Может, прикажешь мне письменно изложить? Одно скажу: попадись мне в руки ублюдки, которые это устроили, то клянусь моей фамильной честью, что смерть их будет долгой и мучительной.

Издалека донесся топот копыт, и все взоры обратились к склону, где скакали разведчики. Один из них осадил коня возле группы центурионов, основательно обдав их пылью из-под копыт, соскочил на землю и, тяжело дыша, отсалютовал Максимию.

– Докладывай!

– Командир, мы их нашли.

Кавалерист указал большим пальцем на север, в направлении Тамесиса:

– Они там, в паре миль отсюда. Пешие. Двигутся на запад, вдоль берега.

– Сколько их? – спросил Катон.

– Три, может быть, четыре сотни, командир.

Максимий одарил Катона убийственным взглядом, после чего указал разведчику:

– Ты докладываешь мне, парень.

– Так точно, командир, – растерялся кавалерист. – Есть, командир. Виноват.

Командир когорты сурово кивнул:

– Ладно. Мы их перехватим. Возвращайся к своему декуриону. Продолжайте следить за ними. О любом изменении маршрута докладывать мне. Приказ ясен?

– Так точно, командир.

– Тогда исполняй.

Махнув рукой разведчику, Максимий снова повернулся к центурионам. Усталый всадник, взобравшись в седло, еще не успел отъехать, а командир когорты уже высказал свои соображения.

– Скорее всего, эта группа послана специально, чтобы проводить диверсии в нашем тылу.

– Рейдовый отряд? – удивился Катон.

– А что же еще?

Катон пребывал в растерянности.

– Ну это же очевидно...

Макрон только головой покачал, поражаясь непонятливости юного друга.

– Очевидно? Прекрасно, центурион, раз так, не сочти за труд поделиться своими тактическими озарениями с простыми смертными.

– Это разведывательный авангард армии Каратака. Он послал их проверить обстановку у бродов.

– Но с чего тогда они напали на укрепление?

– Скорее всего, потому, что гарнизон аванпоста заметил этих разведчиков. Каратак не хотел оставлять в живых тех, кто может сообщить противнику о передвижении его сил.

– Но зачем была нужна такая жестокость? Эти зверские пытки?

– Это же варвары, – пожал плечами Катон. – Жестокость для них в порядке вещей. Они даже не осознают, что в этом есть что-то дурное.

– Чушь. Всё они прекрасно осознают... проклятые мучители. А еще лучше осознают, когда им придется за все это заплатить.

– Командир, а как быть с приказом командующего? – попытался вмешаться Макрон. Но Максимий, оставив его слова без внимания, повернулся к колонне.

– Когорта! – проревел он во всю мощь своих легких. – Приготовиться к маршу!

– Но если броды останутся без прикрытия, Каратак сможет...

Максимий повернулся и с жестокой улыбкой на лице процедил:

– Макрон, нам вполне хватит времени разобраться с варварами и прикрыть брод. Положись на меня.

– Но, командир, весь шанцевый инструмент в крепости.

– Мы еще успеем сюда вернуться.

– Если нам придется еще и возвращаться...

– Чтоб тебе провалиться, Макрон! – проревел Максимий, сжав кулаки. – Бери свою центурию и отправляйся с нею за этими проклятыми кирками да лопатами. Встретимся у брода.

– Есть, командир.

– Когорта! – Максимий поднял правую руку и указал вперед. – Шагом марш!

– Третья центурия, разойдись! – скомандовал Макрон.

Его бойцы сошли с дороги, а остальная когорта во главе с центурионом Максимием форсированным маршем двинулась по склону, направляясь к Тамесису. Пропустив большую часть колонны вперед и убедившись, что Максимий не оглядывается, Макрон ухватил за руку проходившего мимо Катона и торопливо заговорил:

– Послушай меня, дело оборачивается дерьмом. Максимия явно не туда занесло. Если он захочет посчитаться за своих приятелей из форта, это может обернуться для тебя и остальных ребят большой бедой.

Катон медленно кивнул:

– Сам вижу. Постараюсь сделать, что смогу, хотя тут от меня мало что зависит. Увидимся у брода.

– Надеюсь. Будь осторожен, парень.

– Я всегда осторожен, будто ты не знаешь.

Катон улыбнулся другу и вновь повернулся к своим солдатам.

Макрон проследил за тем, как его друг занял место впереди Шестой центурии рядом с Фигулом, проводил колонну взглядом и, только когда ее хвост скрылся за холмом, приказал бойцам подняться по склону. Шли молча – к скрипу амуниции и звяканью оружия примешивалось лишь хриплое карканье воронья, для которого в крепости нынче был настоящий пир.

Глава 9

Прошел примерно час, и когорта настигла бриттов. Плотная толпа пехотинцев быстро двигалась вдоль берега вверх по течению реки, направляясь как раз к тому броду, который когорте было приказано защищать. С самого начала было очевидно, что первыми они до брода не доберутся, но их вождь был явно человеком рискованным и продолжал гнать людей со всей мочи, в то время как римляне неуклонно приближались к ним по касательной. Но затем бритты внезапно резко изменили направление движения и устремились прочь от брода, словно движимые единственным желанием – уйти от преследователей. Максимий же приказал декуриону беспрерывно тревожить врага кавалерийскими наскоками, чтобы максимально замедлить его движение.

Конные разведчики на всем скаку неслись на плотную массу бриттов, забрасывали передние ряды дротиками и тут же, не вступая в рукопашную, уносились прочь, на безопасное расстояние. Впрочем, тактика оказалась не слишком действенной, и тогда декурион предпринял несколько ложных атак: всякий раз бриттам приходилось останавливаться, готовясь отразить возможный кавалерийский наскок. Пару раз это сработало, но вождь варваров быстро сообразил, что конница не собирается ввязываться в схватку, и третью ложную атаку просто проигнорировал. Однако в совокупности все эти маневры позволили несколько замедлить продвижение варваров и выиграть время для Максимия и его бойцов. Прошло чуть более часа после того, как когорта выступила от разоренного форта, и стало ясно, что бриттам не уйти – им пришлось остановиться, чтобы принять бой.

– Когорта, стой! – проревел Максимий. – Развернуться в боевой строй!

Пока пять центурий перестраивались из походной колонны в боевую позицию, бритты, которых отделяло от римлян не более пары сотен шагов, сформировали плотный клин, стоя спиной к широкому руслу реки. При этом они с силой ударяли оружием о щиты, издавали воинственные кличи и громко на все лады поносили противника, приводя себя в боевое неистовство. Это могло произвести впечатление на неподготовленного противника, но большинству легионеров за последний год уже не раз довелось столкнуться с подобной тактикой, и, хотя шум сильно действовал на нервы, опытные римляне привыкли к этому обычаю и называли его не иначе как «кельтской шумихой». Однако новичков «шумиха» равнодушными не оставляла.

Катон медленно прохаживался перед строем своих бойцов. Шестая центурия располагалась на левом фланге римского строя. Заметив на лицах у некоторых бойцов, особенно молодых, признаки неуверенности, а может, и страха, он решил, что их необходимо отвлечь. Молодой центурион остановился и повернулся спиной к неприятелю.

– Я бы не стал беспокоиться из-за этой шайки, – сказал он, точнее, выкрикнул, иначе не удалось бы перекрыть боевые кличи варваров. – Когда они бросятся, от нас только и потребуются, что держать строй, сомкнув щиты, и разить их из-за щитов мечами – укол в шесть дюймов. Это их быстро отрезвит. Большинству из вас уже доводилось сталкиваться с варварами, и вы знаете, что хоть они и храбры, правильного строя им не прорвать. Ну а остальные вскоре сами убедятся, что бояться нечего. – Катон ухмыльнулся. – Уж вы мне поверьте, я ведь центурион и знаю, что говорю.

Некоторые легионеры рассмеялись, и Катон с удовлетворением ощутил, что ему в какой-то мере удалось разрядить нервное напряжение.

– Ты это им скажи, парень, – послышался голос из задних рядов.

– Кто это сказал? – взревел, резко повернувшись, Фигул. – У кого тут, на хрен, язык без костей?

Фигул двинулся сквозь строй, изрыгая угрозы.

– Оптион! – окликнул его Катон. – Вернись на место.

– Есть, командир! – отчеканил Фигул, но, прежде чем занять свое место в плотном, составленном из щитов строю рядом со знаменосцем центурии, суровым взглядом обвел рядовых бойцов.

Катон мимолетно встретился с ним взглядом и слегка кивнул в знак одобрения: резкое вмешательство оптиона в корне пресекло попытку нарушить дисциплину. Ну что ж, если кому-то не по нраву ободряющие слова центуриона, пусть дожидается атаки молча. Это нервирует куда больше.

К счастью, терпение и выдержка не относились к числу кельтских воинских доблестей, так что ждать пришлось не так уж долго – раздался оглушительный рев, и толпа варваров устремилась навстречу сплошной, застывшей в неподвижности стене красных римских щитов, над кромками которых сверкали на солнце полированные шлемы. Катон медленно повернулся лицом к противнику и острым взглядом отметил выбеленные известью волосы, татуировки на

лицах, спиральные узоры на обнаженных торсах, блестящие мечи и шлемы. Варвары потрясали копьями, истошно вопили, и лица их были искажены безумной яростью и жадой убийства. То было воистину кошмарное зрелище.

Признаться, в первое мгновение Катона охватил ужас, и ему пришлось подавить внезапно возникший порыв бросить все и пуститься наутек. Однако страх опозориться перед лицом своих солдат оказался куда сильнее. Он помог юноше совладать с собой, и паника схлынула, уступив место холодной, напряженной пульсации, затронувшей каждый мускул и нерв. Это готовность к неизбежному, к необходимости убивать, чтобы остаться в живых. Испытывая себя, молодой центурион задержался перед строем чуть дольше, чем требовалось, и лишь когда ревушая орда подкатила совсем близко к линии римлян, отступил и занял место в строю своей центурии.

– Знамя в тыл!

Катону показалось, что его голос дрогнул, и он сосредоточился на том, чтобы следующий приказ прозвучал твердо.

– Сомкнуть щиты!

Катон занял позицию в центре первой шеренги своей центурии, крепко взялся за держатель поданного Фигулом щита и обнажил меч. На противоположном фланге когорты Максимий сложил руки воронкой и громовым голосом, перекрывшим даже вой и рев дикарей, отдал приказ:

– Первая шеренга, копья к бою!

Первая шеренга качнулась, и, сжимая древки метательных копий, бойцы выступили на два шага вперед.

– Готовьсь!

Легионеры приняли стойку для броска, отклонив корпус и отведя назад правую руку так, что острия копий смотрели под углом в небо. В полной готовности они ожидали приказа. Максимий, однако, не спешил: он следил, как приближается вражеский вал, оценивая расстояние между бриттами и его когортой. И лишь когда варваров отделяла от строя полоска сочной зеленой травы не шире тридцати шагов, он взмахнул рукой, подав знак своим бойцам.

– Бросай!

Одновременно мощно выдохнув, первая шеренга метнула копья вверх по дуге. Небо прочертили темные тонкие полоски: полет копий замедлялся по мере того, как они достигали высшей точки траектории, но оттуда, сверху, они со снова возросшей скоростью обрушились прямо на головы врагов. Расстояние было невелико, бритты валили плотной толпой, и прилетевшие с неба отточенные острия нанесли страшный удар.

– Задние шеренги, к бою готовьсь! – проревел Максимий.

Задние ряды когорты подступили к первой шеренге, которая тем временем смыкала щиты и обнажала мечи, готовясь к рукопашной. В следующий миг бритты яростно обрушились на первую шеренгу римлян, пытаясь прорвать сплошную стену щитов ожесточенными ударами копий и длинных мечей. Самые могучие и смелые бойцы хватались за края щитов и иногда даже раздвигали их – лишь для того, чтобы упасть под разящими ударами мечей легионеров второй шеренги. Катон, высокий, но худощавый, не выдержал наскока здорового варвара, прыгнувшего прямо на его щит. Его отбросило назад, и бритт ворвался в ряды Шестой центурии, но тут же был пронзен мечом воина, который стоял слева от Катона. Центурион кивнул Велию, выражая благодарность, и снова занял место в строю.

Если где-то стена римских щитов и пошатнулась под первым яростным натиском варваров, то мгновенно выровнялась, все бреши закрылись, и бриттам оставалось лишь растрачивать силы и злобу, осыпая ударами красные щиты. Катон отбивал щитом удар за ударом, а как только очередной варвар оказывался в пределах досягаемости, острый клинок, проскользнув в щель между щитами, разил его, словно змеиное жало. При этом Катон по мере возможности

старался следить за ходом схватки по всему фронту центурии. Впрочем, нечего было тревожиться: при всей своей свирепости и отваге бритты уступали им и в численности, и в боевой выучке, так что угрозы для римлян почти не было.

Грохот, лязг металла, крики и проклятия не помешали Катону услышать переданную по цепочке вдоль строя когорты команду, и, глянув направо, он увидел, что Первая центурия двинулась вперед, перейдя в наступление. Затем уже ближе прозвучал адресованный его подразделению приказ центуриона Феликса:

– Вперед!

Как только Пятая перешла в наступление, Катон повторил тот же приказ своим легионерам, и те сомкнутыми рядами двинулись на нестройную массу варваров. По мере того как римляне их теснили, у бриттов оставалось все меньше возможности орудовать своими длинными клинками, а в рукопашной схватке короткие мечи давали римлянам несомненное преимущество. Уклоняться от острых клинков, разивших сквозь узкие щели между щитами, становилось все труднее. Поскольку бриттов было не так уж много, они начали отступать. Глядя поверх металлического обода щита, Катон увидел, как метнулся назад воин, находившийся прямо перед ним, и тут же во вражеских рядах образовались новые бреши. Римляне между тем по-прежнему наступали сомкнутым строем: теперь они пересекали пространство, на которое пришелся удар метательных копий, добивая раненых и двигаясь дальше. Противники больше не пытались сопротивляться. Они были сломлены и бежали.

Однако за спиной у них протекала река, и бритты, быстро осознав, что им грозит опасность оказаться зажатыми между сталью и водой, припустили врассыпную вдоль берега, рассчитывая ускользнуть прежде, чем когорта успеет прижать их к реке. Но римляне предусмотрели и такую возможность: декурион разделил свой конный отряд на две половины, занявшие позиции на обоих флангах когорты, и бриттов, успевших проскочить между рекой и стеной щитов, настигали и безжалостно истребляли кавалеристы. Поняв, что спастись бегством не удастся, бритты вернулись к реке и, встав спинами к спокойной, поблескивающей на солнце воде, приготовились умереть.

По подсчетам Катона, их оставалось не более сотни, причем многие уже потеряли или бросили оружие и теперь лишь сжимали кулаки и скалили зубы, смотря на врага расширенными от злобы и ужаса глазами. Он понимал, что схватка окончена. Этим людям оставалось умереть или сдаться в плен.

Катон набрал воздуха и закричал по-кельтски:

– Бросайте оружие! Сдавайтесь или умрите!

Варвары уставились на него – кто с вызовом, кто с надеждой. Между тем легионеры продолжали теснить их, загоняя в Тамесис, так что некоторые уже стояли по пояс в воде.

– Бросайте оружие! – повторил свой приказ Катон. – Живо!

Один из воинов повернулся и забросил меч подальше в воду. Его примеру последовал другой, третий... и вот уже толпа безоружных людей стояла на мелководье, с тревогой смотря на римлян.

Катон повернулся к строю, сложил ладони воронкой и громко крикнул:

– Стой! Стой!

Центурии замедлили движение и остановились всего в нескольких шагах от линии воды. Катон увидел, что командир когорты покинул свое место на фланге Первой центурии и бежит вдоль строя прямо к нему.

– Что ты тут такое устроил? – заорал Максимий, подбежав к Катону.

– Я приказал им сдаться, командир.

– Сдаться? – Максимий поднял брови в откровенном недоумении. – С чего бы это? Я что, отдал приказ брать пленных?

Катон нахмурился:

- Но, командир, я думал, пленники и тебе не помешают...
- После того, что они устроили в крепости? Проклятье, о чем ты вообще думал?
- Я пытался сберечь побольше жизней. И наших... ну и вражеских тоже.
- Вижу.

Максимий обозрел ряды Шестой центурии и, склонившись поближе к ее командиру, зашептал:

– Ты выбрал не лучшее время проявить благородство, молодой Катон. При нынешних обстоятельствах мы не можем позволить себе дополнительное бремя в виде пленников. Кроме того, ты ведь не был в форте и не видел собственными глазами, что натворили там эти звери. Мой бедный друг Порцин... Они должны умереть!

– Командир, но они безоружны. Они прекратили сопротивление. Это будет не по правилам. Так нельзя.

– Не по правилам, – передразнил его Максимий и рассмеялся. – Это тебе не игра, Катон. Это война. Здесь никаких правил нет.

Глаза командира когорты были безжалостны, но Катон все равно предпринял еще одну отчаянную попытку.

– Командир, но ведь они могут быть источником ценной информации для разведки. Если отослать их в тыл и допросить...

– Отставить! Я не могу позволить себе выделить людей для конвоирования, – заявил Максимий, сжав губы в насмешливой улыбке, и повернулся к людям Катона. – Вытащить их оттуда. Связать руки! Нарезать ремней из их же одежды.

Бойцы Шестой центурии положили щиты и принялись вытаскивать бриттов из воды. Их побросали ничком на землю, крепко связав руки за спиной. Когда был связан последний из пленных, Максимий посмотрел на них с угрюмым удовлетворением. Катон, стоявший рядом, с облегчением решил, что их, видимо, все-таки пощадят.

– Ну пусть так и лежат, командир. Сегодня они больше не доставят нам беспокойства.

– Это точно.

– А потом мы сможем за ними вернуться.

– Ага.

– Полагаю, некоторые могут попытаться бежать, да ведь далеко им не уйти.

– Вне всякого сомнения. После того как мы с ними разберемся, они и шагу не сделают.

– Командир?

Катон похолодел и почувствовал, как зашевелились волоски у него на шее.

Не обращая на Катона внимания, Максимий обернулся к бойцам Шестой центурии:

– Ослепить их!

Фигул нахмурился, не будучи уверен, что расслышал приказ правильно.

– Я сказал – всех ослепить! Достать кинжалы.

Катон открыл было рот, желая возразить, но от ужаса не смог найти нужных слов. Пока он колебался, командир когорты подскочил к Фигулу, выхватил из ножен опциона кинжал и склонился над ближайшим пленным.

– Это делается вот так...

Раздался вопль такой боли и ужаса, какого Катон отродясь не слышал. От страха и отвращения его чуть не вырвало. Командир когорты вырвал оружие из глаза несчастного, выпрямился и с горькой усмешкой на лице повернулся к остальным. Его правая рука крепко сжимала рукоять окровавленного кинжала, а позади вопил и корчился, пятая траву хлещущей из глазниц кровью, ослепленный бритт.

– Вот, – промолвил Максимий, возвращая кинжал Фигулу. – Это делается так. Выполнять!

Растерянный, насмерть перепуганный Фигул умоляюще посмотрел на Катона.

– Ты почему не... – гневно взревел Максимий, глядя на колеблющегося опциона.
– Опцион, – строго сказал Катон. – Ты получил приказ. Исполни!
– Есть... – пробормотал Фигул. – Будет исполнено, командир. – Он повернулся к солдатам. – Слышали, что сказал центурион? Кинжалы наголо!

Легионеры принялись за кровавую работу, и округа наполнилась истошными воплями. Максимий удовлетворенно кивнул:

– Ну вот, с одним делом мы успешно справились. Как только твои ребята закончат, когорта выступит к броду.

– Так точно, командир, – сказал Катон. – Лучше бы нам поспешить.

– Да. Это точно.

Неожиданно на лице Максимия отразилось беспокойство: он резко повернулся и широким шагом поспешил на командный фланг. Тем временем бойцы Шестой центурии, исполнив приказ, очистили клинки, выбрали с земли щиты и копья и построились, заняв свое место в хвосте римской колонны. Как оказалось, в ходе стычки когорта потеряла всего семь человек и еще несколько бойцов получили ранения. Их перевязали и за отсутствием лучшего убежища отправили в форт. Остальная когорта по приказу Максимия двинулась вдоль берега реки к броду.

Чем дальше они удалялись от места расправы, тем тише слышались крики и стоны ослепленных пленников, зато все громче каркали вороны, слетавшиеся отовсюду к побережью, где на зеленой траве их ждала щедрая пожива – погибшие и умирающие люди.

Глава 10

Брод располагался там, где русло Тамесиса сужалось вполовину обычной ширины. Посреди реки был островок, поросший ивами. Кончики длинных ветвей касались воды и отбрасывали на нее зеленые тени.

Глядя на тенистое прибежище с нескрываемой тоской, центурион Макрон волосатым запястьем утирал пот, обильно покрывший лоб. На какой-то миг он вообразил, как мирно растягивается там, под ивой, сняв сапоги и опустив натруженные ноги в прохладную воду Тамесиса. Это было соблазнительно... невероятно соблазнительно.

Нахмурившись и отбросив посторонние мысли, центурион двинулся прямо сквозь островок к северному берегу реки. Между островком и берегом тянулась галечная отмель, едва покрытая поблескивающей на солнце водой.

Как только Третья когорта прибыла к броду, Макрон лично перебрался через реку, чтобы оценить глубину на всех участках переправы. В самом глубоком месте вода доходила ему до пояса. Центурион держался на ногах твердо, однако течение было довольно сильным и запросто могло сбить с ног любого, кто зазевадается при переправе. Установив на дальнем берегу наблюдательный пост на случай появления противника, Макрон незамедлительно начал готовиться к обороне. От берега до берега было, наверное, шагов сто, а ширина брода составляла не более десяти шагов; по обе стороны от узкой отмели глубина резко увеличивалась, дно реки становилось илистым, и длинные водоросли шевелились в воде, словно спутанные волосы.

Макрон отрядил половину центурии утыкать дно брода заостренными колышками. Для этого приходилось рубить прибрежные деревья, распиливать стволы, расщеплять, обтесывать и затачивать, а потом, преодолевая течение, нести в воду и забивать в дно, под углом к вражескому берегу. Конечно, если бритты решат воспользоваться этим бродом, подобное препятствие их не остановит, но, по крайней мере, замедлит, не говоря уж о том, что многие получат раны и увечья.

Вторую линию обороны Макрон расположил непосредственно на острове. Усилиями двадцати человек у самой кромки воды было возведено примитивное укрепление из поваленных

стволов и тесно переплетенных ветвей утесника, которые доставили с южного берега и набросали так, чтобы перегородить отмель на всю ширину. Тяжелые, вбитые в землю бревна придавали конструкции дополнительную прочность, а некоторые ветви и сучья, обращенные наружу, были вдобавок заострены, чтобы причинить атакующим дополнительный ущерб. По мнению Макрона, это укрепление никак нельзя было назвать неприступным, но лучшего он не мог соорудить с помощью имеющихся инструментов и из подручных материалов.

К сожалению, годного инструмента в крепости нашлось не так уж много: бритты не только перебили гарнизон, но и постарались уничтожить или привести в негодность все вражеское имущество, которое не могли унести с собой. На холме дымились кострища из щитов, пращей, копий и прочего военного снаряжения, которое варвары обнаружили на захваченном аванпосту. Правда, у некоторых предметов обгорели лишь рукояти, и их вполне можно было починить. Кроме того, обшарив развалины бревенчатых казарм, легионеры сумели обнаружить несколько кирок и лопат. Однако этого едва хватило, чтобы оснастить половину Макроновой центурии, что уж говорить об остальной когорте. Впрочем, Макрон очень надеялся на то, что командир когорты быстро удовлетворит жажду мщения и приведет подразделение к броду. Возвести укрепления Третья центурия худо-бедно смогла, но о том, чтобы отстоять брод в одиночку, не приходилось и мечтать, тем более если силы врага окажутся значительными.

Кроме того, Макрона вообще бесило решение Максимия отправиться в погоню за небольшим вражеским отрядом. Этот поступок противоречил ранее полученному приказу, ведь главной задачей когорты было перекрыть брод. Когорта должна была занять позицию у переправы сразу после полудня, а в результате даже сейчас, через три часа после назначенного времени, здесь находился только Макрон со своей центурией. Между тем враг мог объявиться в любой момент, и, если это случится до того, как здесь будет остальная когорта, брод неизбежно окажется в руках варваров.

Макрон огляделся, пытаясь высмотреть на южном берегу хоть какие-то признаки Максимия и его легионеров.

– Ну давай же, ублюдок, пошевеливайся... – Макрон нетерпеливо хлопнул себя по бедру. – Куда ты, на хрен, запропастился?

И тут с северного берега донесся слабый вскрик, заставивший Макрона обернуться. Один из легионеров, несший охапку только что отесанных колышков, махал рукой, желая привлечь его внимание.

– Что такое?

– Там, командир! Вон там! – Солдат указывал назад, туда, где дорога, ведущая от брода на другой стороне реки, исчезала за холмом. На вершине холма маячила фигура караульного, который размахивал копьем. То был условный сигнал, свидетельствующий о появлении противника.

Макрон мигмом проскочил в узкий проход, оставленный в оборонительной конструкции, и припустил по мелководью, держась правее того места, где были забиты колья: эту тропу специально оставили, чтобы у защитников брода была свобода маневра. Преодолевая течение, он устремился к дальнему берегу и, подняв фонтан брызг, выбрался на сушу, туда, где встревоженные легионеры прервали работу, ожидая новых распоряжений.

– Продолжайте делать, что велено! – рявкнул Макрон. – Не прекращать работы до моего приказа.

Сам он не мешкая поспешил к возвышенности, откуда открывалась панорама северной долины. Когда он, тяжело дыша, наконец добрался до наблюдательного поста, караульный указал ему копьем, куда смотреть.

– Там, командир.

Макрон прищурился. В нескольких милях за холмом дорога скрывалась в зеленом лесу, и именно там появился разъезд конных разведчиков в сопровождении нескольких боевых колес-

ниц. Развертываясь на ходу веером, чтобы охватить как можно более широкое пространство, всадники и колесничие просматривали местность на предмет возможной опасности. А спустя несколько мгновений из леса выступила голова длинной и плотной пехотной колонны.

– Это ведь Каратак, командир?

Макрон взглянул на задавшего вопрос легионера, припомнив, что это совсем зеленый новобранец, лишь недавно зачисленный в легион. Вид у него был напряженный и взволнованный. «Пожалуй, он слишком нервничает», – подумалось центуриону.

– Ну об этом пока судить рановато, сынок.

– Мы, наверное, вернемся сейчас к остальным, да?

– Тебя ведь Лентуллом звать, так?

– Да, командир.

Новобранец был удивлен, что центурион помнит его имя, и это, несомненно, ему польстило.

– Сохраняй хладнокровие, Лентулл. Твоя задача – наблюдать за дорогой, а не переживать по поводу происходящего. Наблюдатель обязан сохранять спокойствие. Потому-то я и доверил тебе этот пост.

Конечно, это была суцая ложь: Макрон мог назначить наблюдателем кого угодно, и в данном случае его выбор был совершенно случаен, однако неопытному пареньку толика лести пойдет только на пользу. Это добавит ему уверенности в себе и поможет совладать с волнением, что в нынешней обстановке жизненно важно.

– Да, командир. Спасибо за доверие, командир.

– Просто неси караул, парень. Делай свое дело.

Лентулл кивнул, повернулся к дороге и сосредоточился на неприятельской колонне. Некоторое время они стояли в молчании. Прикрыв глаза от солнца рукой, Макрон наблюдал, как из леса вытекала целая река врагов. Судя по ее нескончаемой длине, это были главные силы неприятеля.

– Похоже, ты был прав, паренек, – спокойно промолвил Макрон. – Сдается мне, Каратак собственной персоной пожаловал именно к нашему броду.

– Ох, дерьмо!

– А мы тут как тут, чтобы подставить ему наши шеи, – продолжил центурион, похлопывая новобранца по плечу. – Бьюсь об заклад, ты и думать не думал, что столкнешься с таким волнующим приключением.

– Так точно, командир... не думал.

– Ну и ладно. Так вот: ты останешься здесь и будешь вести наблюдение до тех пор, пока это не станет слишком опасно. Я полагаю, неприятель без особых затей двинется прямо по дороге, по направлению к нам. Однако если я ошибаюсь и он свернет в другом направлении, мне нужно незамедлительно об этом узнать. И вот еще что – постарайся углядеть какие-либо признаки следующих за ним сил командующего Плавта. Все понятно?

– Так точно, командир.

– Отлично. Итак, продолжай вести наблюдение. Да пригнись ты, не торчи как столб. Привлекать внимание варваров тебе совершенно без надобности. – Макрон ткнул новобранца пальцем в грудь. – И геройствовать тебе тоже без нужды. Как только увидишь, что они совсем близко, бросай пост и возвращайся к центурии.

Лентулл кивнул и присел на корточки, не сводя глаз с приближающегося противника. Центурион повернулся, отступил на несколько шагов назад, к броду, и остановился, всматриваясь в южный берег Тамесиса. Ни на дороге, ни у воды не наблюдалось никакого движения. Затем его взгляд поймал отдаленные вспышки света, и Макрон напряг зрение, смотря в том направлении. Да, он не ошибся: над буро-зеленой равниной хоть и с трудом, но можно было уловить блики, – скорее всего, это металл отражает солнечный свет. Если это действительно

Третья когорта, то она находится в добрых трех милях от брода. А значит, Каратак доберется до переправы первым.

Лентулл был еще на расстоянии оклика, и Макрон стиснул зубы, чтобы случайным возгласом или проклятием не выдать ему своих истинных чувств. Поблескивающая полоска когорты находилась слишком – слишком! – далеко и, как ему казалось, едва ползла по жаркой долине к броду. Макрон бросил в ее сторону последний тоскливый взгляд и припустил к Тамесису.

Уже возле брода центурион сбавил темп, чтобы перевести дыхание: он решил, что не стоит волновать солдат раньше времени. Чем дольше они сохраняют спокойствие и уверенность, тем лучше для дела.

– Так, с этой работой все! – объявил он команде, продолжавшей вбивать в дно колышки. – Теперь на остров, одеваемся, вооружаемся. Похоже, у нас гости.

Легионеры побросали оставшиеся колья и поспешили к укреплениям по безопасному проходу, оставленному на мелководе.

– Не торопиться! – сердито проревел центурион. – Сдуру недолго и на кол напороться, а мы их расставили для бриттов.

Усилием воли легионеры заставили себя двигаться медленно и осторожно: нервное возбуждение их подгоняло, но сердить центуриона не хотелось никому.

Макрон следовал за бойцами неторопливо, осторожно, высматривая под поверхностью воды острия кольев. Бросив взгляд вперед, он увидел, что многие его подчиненные уже собрались позади укреплений и торопливо разбирают оружие, сложенное в стороне от ухабистой дорожки, пересекавшей островок. Бойцы делили между собой шлемы, щиты, метательные копья. Выбравшись из воды, промокший Макрон огляделся, и взгляд его упал на рослого жилистого легионера.

– Фабий!

– Да, командир.

Макрон шагнул к нему, и солдат встал навытяжку.

– Снимай доспехи. Тебе придется побегать.

– Есть, командир.

Пока Фабий торопливо расстегивал пряжки и снимал пластинчатый панцирь, Макрон не теряя времени объяснил ему задачу.

– Центурион Максимий направляется сюда вдоль южного берега. Сейчас до него отсюда примерно три мили. Ты побежишь к нему со всех ног, сколько хватит сил. Доложишь, что Каратак приближается к этому броду. Скажешь, чтобы он непременно послал гонца к легату и известил о происходящем... Нет, погоди...

Макрон представил себе, как воспримет командир когорты подобную рекомендацию, и решил изменить формулировку.

– Скажешь так: я почтительно предполагаю, что командир сочтет разумным направить гонца к легату. Ну и сообщишь наконец, что Каратак ближе к броду, чем он, и, чтобы спасти положение, необходимо двигаться настолько быстро, насколько это возможно. И даже быстрее. Все понятно?

– Так точно, командир.

Фабий с ухмылкой стянул панцирь и положил на землю.

– Ну и какого хрена ты тогда дожидаясь? – буркнул Макрон. – Шевелись!

Фабий повернулся, устремился к реке и помчался через брод. Макрон проводил его взглядом и повернулся к остальным бойцам. Те в основном уже оделись, вооружились и стояли в ожидании приказов. Центурион дождался, пока последний из солдат закончит возиться с амуницией, что было не так-то просто под нетерпеливыми взглядами товарищей и командира.

Наконец, когда последний легионер, виновато глядя на остальных, покончил с приготовлениями, Макрон гаркнул:

– Становись!

Легионеры, держа в руках щиты и копья, сформировали заградительный строй и перекрыли дорогу.

– Менее чем через час Каратак с войском нагрянет сюда и попытается прорваться к броду и переправиться. Но сразу за ними, чуть ли не тыча мечом им в задницы, следует наша армия во главе с самим командующим Плавтом.

Несколько солдат рассмеялись, оценив шутку. Макрон выдержал паузу и продолжил:

– Остальные силы нашей когорты тоже направляются сюда, я видел это с того холма и уже послал Фабия поторопить их, чтобы они успели сюда до того, как враг доставит нам неприятности. Но это, конечно, не значит, что нам без помощи не обойтись. Ничего подобного! Третья центурия способна выполнить поставленную задачу. Да, наше подразделение сформировано недавно, и мы служим вместе всего несколько недель, но я прослужил под сенью Орлов достаточно долго, чтобы с первого взгляда распознать настоящих бойцов. И я вижу, что вы именно такие. Так что этим жалким ублюдкам по ту сторону реки можно только посочувствовать. Им остается лишь атаковать нас по узкому фронту, натыкаясь на колья, а потом они упрутся в наши заграждения! На их счастье, я человек великодушный и во избежание излишнего кровопролития приму капитуляцию Каратака, уж так и быть.

Макрон широко ухмыльнулся, и многие воины, к его облегчению, тоже заулыбались.

– Однако, ребята, не стоит забывать и о том, что бритты – народ неразумный и страшно упрямый. Если уж им приспичит переправиться через реку, они попрут напролом. И, честно говоря, в таком случае мы сможем лишь задержать их на некоторое время. Устраивать из нашей центурии подразделение жертв мне никто не приказывал, и, если они навалятся всей ордой и возникнет угроза прорыва, я дам приказ отступить.

Так вот, услышав такой приказ, вам следует исполнять его буквально, не пытаясь проявить идиотский героизм. Вы как можно быстрее переберетесь на нашу сторону брода и двинетесь вниз по течению, чтобы соединиться с когортой. Все ясно?

Некоторые легионеры ответили кивками.

– Ни хрена не слышу ответа! – взревел Макрон. – Все ясно?

– Так точно, командир!

– Так-то лучше. А теперь перестраиваемся лицом к реке.

Бойцы центурии развернулись, прошли вперед и сформировали заслон за временными оборонительными сооружениями, лицом к северному берегу Тамесиса. Макрон осмотрел свой небольшой отряд в потускневших доспехах и перепачканных, запыленных красных туниках. Бойцы стояли в три шеренги, перегораживая островок. Восемьдесят легионеров против двадцати, а может, и тридцати тысяч варваров. Как и большинство вояк, Макрон был по натуре игроком, но сейчас отчетливо понимал, что шансов на победу у него нет и в помине. Несмотря на напускное спокойствие и желание внушить мужество и уверенность подчиненным, опытный командир знал, что все они, по сути, обречены. Правда, если Максимий успеет к броду вовремя, останется возможность его защитить, и все еще может перемениться.

Солнце повернуло к западу. Время тянулось медленно. Чтобы солдаты не утомились раньше времени, Макрон разрешил им сесть на землю. Никакого движения поблизости от брода больше не наблюдалось, и картина окрестностей выглядела идиллически.

Макрон улыбнулся и подумал, что Катону это бы наверняка понравилось. Живописные пейзажи и идиллическое спокойствие всегда трогали поэтическую натуру юноши. Макрон же просто отметил для себя тот факт, что солнце давно миновало зенит, и лучи его, падая под углом, еще ярче расцвечивали ландшафт, сверкая на водной глади.

Все, казалось, дышало покоем, но, несмотря на это, в воздухе чувствовалось нарастающее напряжение, словно кто-то натягивал тросы спускового механизма катапульты. В напряжении пребывал и сам Макрон, стремившийся не упустить ни малейших признаков, свидетельствующих о приближении врага.

Примерно через полчаса вдалеке, на дороге, нарисовалась мчавшаяся по направлению к броду крохотная фигурка. Лентулл еще не успел добежать до кромки воды, когда на гребень холма вылетел отряд всадников и тут же поскакал вниз по склону. Лентулл, оглянувшись, со всех ног припустил по мелководью.

– Держись левее! – закричал ему Макрон. – Левее!

Слышал его Лентулл или нет, но он вбежал в реку, промчался, взметая кучу брызг, некоторое расстояние, а потом вдруг с криком повалился вперед. Бойцы на острове охнули. Лентулл выпрямился, и все увидели кровь, хлеставшую из раны на его бедре. Легионеры в ужасе смотрели на раненого товарища, которого уже настигали вражеские всадники. Лентулл оглянулся и из последних сил заковылял к острову. Бритгты двигались осторожно, стараясь не наткнуться на колья, однако Лентулл терял слишком много крови и стремительно слабел. Еще несколько шагов, и колени его подогнулись, так что над водой оказался лишь торс, а голова упала на грудь. Вражеские всадники придержали коней, глядя на римлянина, а потом, видимо решив, что их вмешательство уже не требуется, вернулись на свой берег.

Некоторое время и те и другие молча смотрели на Лентуллу, голова которого бессильно болталась из стороны в сторону. От того места, где он находился, вниз по течению тянулась тонкая красная полоса. Наконец он медленно завалился набок и пропал из виду: тяжесть доспехов увлекла тело под воду.

– Бедолага, – пробормотал кто-то.

– Разговорчики! – тут же рявкнул Макрон. – Всем молчать.

В напряженном молчании легионеры стали ждать появления главных сил неприятеля. Ждать пришлось недолго. Поначалу до их слуха донеслись приглушенное громохание и топот, но с каждым мгновением шум становился все громче и отчетливее. Затем над вершиной холма, за который уходила дорога, словно сгустилась тень. Она дробилась и распадалась на отдельные силуэты – знамена, копья, шлемы, – и вот наконец стали различимы фигуры людей, усеявших гребень холма. Глядя на авангард Каратакова войска, уже переваливший за гребень, Макрон увидел, что вниз по склону к броду спускаются тысячи воинов. Он перевел взгляд на другой берег, пытаясь высмотреть хоть какие-то признаки когорты Максимия, но тщетно. По ту сторону спокойного русла Тамесиса никого не было видно.

Глава 11

– Ты уверен, что Макрон действительно говорил о главных силах врага?

– Так точно, командир, – ответил гонец.

– Ладно, отправляйся к декуриону. – Максимий указал на отряд всадников, прикрывавший левый фланг. – Скажи ему, чтобы немедленно сообщил о вражеской колонне Веспасиану. Исполняй!

Гонец, отдав честь, поспешил к конным разведчикам, а Максимий созвал центурионов. Они припустили вдоль остановившейся колонны, и когда все, включая Катона, которому бежать было дальше всех, собрались, командир когорты сообщил им новость.

– Каратак движется именно к нашему броду. И у него преимущество во времени. Посмотрите туда.

Командир когорты указал за реку. Вдоль дальнего берега Тамесиса тянулась туманная полоса, на которую Катон до этого момента не обращал внимания.

– А где Макрон? – спросил Туллий.

– У брода, ставит оборонительные сооружения.

– Сооружения? Да он, похоже, собирается принять бой, – воскликнул Туллий, изумленно подняв брови.

– Ну что ж, именно такой приказ и был отдан когорте.

– Да, командир, но ведь это самоубийство.

– Будем надеяться, что нет, если мы успеем с ним соединиться.

Катон выступил вперед:

– Лучше бы нам поторопиться, командир.

– Это само собой, Катон. Центурионам разойтись по своим подразделениям. Выступаем форсированным маршем, с удвоенной скоростью. И ни в коем случае не отставать.

Центурионы бегом поспешили к центуриям, после чего Максимий громовым голосом приказал когорте выступать в ускоренном темпе. Под ритмичный дробный топот сапог колонна двинулась вперед. Краешком глаза Максимий приметил Макронова гонца, бегом возвращавшегося после разговора с разведчиками: один из них, припав к конской гриве и взметая пыль из-под копыт, уже пустился вскачь, чтобы известить легата. Когда гонец подбежал к Максимию и замер в ожидании дальнейших приказаний, командир когорты оглядел бойца, оценивая его состояние, после чего спросил:

– Ты готов бежать обратно к Макрону?

– Так точно, командир, – не колеблясь ответил боец, хотя не успел еще отдышаться после недавнего бега.

Командир когорты понизил голос:

– Если он все еще там, у брода, скажи ему, что мы маршируем с максимальной скоростью и постараемся прибыть как можно скорее. Но если его там не окажется, тут же возвращайся и извести меня. Понял?

– Не окажется?.. – растерянно повторил легионер. – Командир, ты имеешь в виду...

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, – рявкнул Максимий. – Вперед!

Гонец отдал честь и припустил по дороге в сторону брода. Максимий оглянулся и убедился, что все пять центурий движутся равномерно, быстрым шагом. Тогда, набрав полные легкие воздуха, он выкрикнул приказ перейти на медленный бег. На тренировках бойцам приходилось бегать в полном вооружении, и считалось, что подразделение способно поддерживать такой темп в течение часа. За это время легионеры должны добраться до Макрона. Будет ли у бойцов возможность перевести дух, или им придется броситься в бой, даже не отдышавшись, прямо с марша, это уже другой вопрос. Хотя и немаловажный.

Замыкавшая колонну центурия Катона не отставая следовала за теми, кто бежал впереди. Над дорогой разносился шум: быстрый топот сапог, ритмичное звяканье металла и хриплое дыхание отягощенных оружием и доспехами солдат.

Кое-где люди сбивались с шага, а потому то здесь, то там вдоль колонны раздавались громкие оклики центурионов и оптионов, которые требовали восстановить порядок и не скупилась на брань, грозя отстающим самыми страшными наказаниями. Катон двигался чуть в стороне от своей центурии, держась примерно середины колонны.

– Шевелитесь, парни! – подбадривал он бойцов. – Жизнь Макрона зависит от нас. Не сбавлять темп!

На бегу Катон то и дело бросал взгляды на противоположный берег реки. Тучи пыли четко обозначали путь продвижения войска Каратака, и хотя основная масса варваров оставалась вне поля зрения, он по косвенным признакам понимал, что соотношение сил составит, пожалуй, пятьдесят к одному в пользу бриттов. Если Макрону придется отстаивать переправу в одиночку, на каждого его легионера придется по три сотни варваров – эти подсчеты не оставляли Макрону никакой надежды.

Катон крепился как мог, но в такую жару бег в кольчуге, шлеме, со щитом и оружием выматывал очень быстро. Довольно скоро кровь застучала в ушах, дыхание сделалось частым и прерывистым. Легкие горели: он чувствовал себя так, словно грудь обмотана железными ремнями, которые стягиваются все туже и туже. Каждый мускул, каждое сухожилие пронизывала боль. Накатила нестерпимая тошнота, почти невозможно было сопротивляться желанию остановиться, опорожнить желудок и хоть чуточку отдышаться. Катону помогала держаться на ногах лишь боязнь опозориться перед солдатами да тот факт, что его другу Макрону грозила смертельная опасность. А потому, хотя каждый шаг давался ему с мукой, юноша преодолевал боль и усталость с той железной готовностью бороться до конца, которую успел впитать и усвоить за время службы в легионе.

Итак, он бежал, не сбавляя шага, ухитряясь не только сам выдерживать темп, но и приободрять хриплыми возгласами своих солдат. Неожиданно бежавший впереди него Фигул вдруг замедлился и поравнялся со своим центурионом.

– Ты почему... место покинул? – хрипло выдохнул Катон.

– А ты слышал, командир?

– Слышал что?

– Вроде бы звучали рога. Боевые рога бриттов. Только что.

Катон попытался что-то припомнить, но нет: он определенно не слышал ничего, кроме звуков движущейся колонны.

– Ты уверен?

Фигул тоже заколебался, и на лице его появилось смущенное выражение: стыдно ведь, если он обратился к центуриону с докладом о том, что ему померещилось. Но в следующий миг лицо оптика просветлело.

– Ну вот, снова. Теперь слышишь, командир?

– Тихо!

Катон остановился и прислушался. Сначала он слышал только пульсацию крови в ушах да собственное тяжелое дыхание, но потом... да, далекий, но различимый отголосок. Резкая тягучая нота, одна из нестройного, сумбурного хора кельтских боевых рогов.

– Да, теперь слышу. Возвращайся на свое место.

Фигул припустил вперед, в голову центурии, а Катон продолжил бежать рядом с колонной. Сейчас они должны быть не так уж далеко от брода, не более чем в миле оттуда. Катон посмотрел вперед. Река, обрамленная по обе стороны кустами и купами деревьев, изгибалась на север, благодаря чему был немного виден северный берег. И там, между двумя небольшими возвышенностями, на расстоянии примерно в полмили параллельно когорте двигалась плотная масса пехоты.

– Держать шаг! – крикнул Катон солдатам. – Уже близко. Держать шаг!

Он внутренне собрался, выбросив из головы все мысли, кроме одной – достичь брода прежде, чем войско Каратака успеет прорваться, и спасти Макрона с его центурией от полного уничтожения.

Когда снова зазвучал резкий, нестройный хор боевых рогов, Макрон обернулся к северному берегу. Бритты с диким ревом неслись по дороге к броду, их первые ряды уже вбегали на отмель, растревожив спокойно поблескивающую воду, вздымая бурлящую пену и фонтаны брызг.

– Сомкнуть ряды! – проревел Макрон, перебивая шум. – Поднять щиты!

Легионеры по обе стороны от него сдвинулись плотнее и подняли щиты, образовав сплошную оборонительную линию. Римляне перехватили древки метательных копий в ожидании приказа смертоносным градом обрушить их на преодолевающего реку противника.

– Не напрягайтесь, – крикнул своим Макрон. – Сейчас эти ублюдки доберутся до наших кольев...

Первые ряды бриттов были уже шагах в восьмидесяти, они рвались по мелководью вперед, подбадриваемые неистовым ревом товарищей, заполонивших весь берег реки позади них. Неожиданно некоторые из бежавших впереди резко остановились, кто-то упал, сложившись пополам. Тех, кто бежал следом, это не остановило: они стремительно обогнули пострадавших соратников и в результате наткнулись на следующий ряд кольев. Сзади толпа продолжала идти прямо на раненых, образовав на переправе спутанный клубок барахтающихся тел. Пострадавшие вопили от боли и ужаса, навалившиеся на них сзади воины ревели от ярости и злобы, поскольку просто не понимали, что за причина замедлила их стремительный натиск. Задние ряды напирали на передние, буквально насаживая их на колья, и чем больше варваров устремлялось с берега к переправе, тем сильнее становились хаос и неразбериха.

– Славная получилась западня! – радостно воскликнул Макрон. – Лучше не придумаешь!

Легионеры по обе стороны от него всю гоготали, осыпая насмешками беспорядочно барахтавшихся в воде бриттов. Ликование нарушило целостность римского строя, но Макрон решил повременить со строгими приказами, чтобы дать солдатам насладиться мимолетным триумфом. Это способствует поднятию боевого духа, а уж он-то знал, что очень скоро его бойцам потребуется все их мужество и выдержка. Ибо следующий вражеский приступ неминуем.

Через некоторое время шум и крики на переправе перекрыли звуки боевых рогов. Прозвучали три низкие ноты, и бритты, услышав этот сигнал, начали медленно отходить, толпами скапливаясь на берегу, по обе стороны от дороги. Последними, ковыляя, возвращались на берег те бойцы из первых рядов атакующих, которым посчастливилось отделаться легкими ранами, но немало тел, проткнутых кольями или просто задавленных навалившейся сзади массой, так и осталось в реке. Иные, споткнувшись, уже не смогли подняться и утонули, погребенные под телами своих же соратников. Почти все, оставшиеся там, были уже мертвы, и лишь немногие раненые еще пытались барахтаться в потоке, ниже по течению окрасившемся кровью.

– Первая схватка в нашу пользу! – крикнул Макрон своим бойцам, и те ответили ему радостными выкриками.

Когда возгласы стихли, Макрон оглянулся, и губы его сжались в тонкую линию, поскольку никаких признаков приближения когорты он, увы, не увидел. Если посланный им гонец не добрался до Максимиана вовремя, чтобы тот успел прийти на помощь Третьей центурии, то очень скоро ему, Макрону, придется выбирать: бежать или сражаться до последнего. Но даже если он предпочтет сразиться и вся центурия ляжет у брода, он выиграет не так уж много времени для преследующей Каратака римской армии. Макрон не был склонен обманывать себя и прекрасно понимал, что оборонительные заграждения на острове не задержат врага надолго, так чтобы с тыла его успела настигнуть армия Плавта. А если он решит спасти центурию и прикажет солдатам отступить с переправы, ему могут предъявить обвинение в том, что именно он позволил врагу избежать ловушки. Наказание за такое пренебрежение воинским долгом могло быть только одно – смерть. По всему получалось, что как ни поверни, а он, Макрон, уже, по сути, покойник.

Он пожал плечами, губ коснулась легкая, горестная улыбка. В конце концов, в армейской жизни такое случается. Как же часто ему приходилось оказываться перед дилеммой, когда благоприятного исхода просто не было! Макрон искренне надеялся, что хотя бы в загробной жизни, в отличие от нынешней, ему не придется иметь дело с такой безысходностью.

Противник на том берегу вновь пошел в атаку, и Макрон мигом выкинул из головы все мысли о будущем.

– Становись! – приказал он.

Небольшая группа вражеских воинов приблизилась к броду. На сей раз они не орали, не ревели и не валили валом к острову, где укрепились римляне. Нет, они продвигались медленно,

осторожно, прощупывая дорогу перед собой. Это было ожидаемо, и Макрон был совсем не против, чтобы бритты потратили как можно больше времени на обнаружение препятствий, размещенных его бойцами по всему броду. Кроме того, у него в запасе имелись и еще кое-какие хитрости.

– Пращи к бою!

Пращников Макрон расставил по флангам своей центурии, причем возле каждого, под рукой, лежала кучка собранной заранее у реки гальки. Легионеры положили щиты и копья на землю, расступились, освобождая пространство для раскручивания, и проверили кожаные мешочки на концах длинных ремней. В эти мешочки легли камни, и воздух загудел, когда бойцы принялись раскручивать пращи над головами в ожидании приказа.

– Заряд... мечи!

Один за одним последовали щелчки, и навстречу двигавшемуся по мелководью противнику со свистом полетел сокрушительный град камней. Некоторые со стуком ударились о неприятельские щиты или просто попадали в воду, не причинив никому вреда, но немало зарядов достигло цели, проломив черепа и сокрушив кости.

– Отлично! – воскликнул Макрон. – Вольная стрельба!

Теперь пращники заряжали оружие, раскручивали его и выпускали камни каждый сам по себе, без приказа. Пращи жужжали беспрестанно, камни градом сыпались на неприятеля. Но хотя вражеские воины и несли потери, обстрел, в силу малочисленности пращников, мог лишь замедлить их продвижение и работу по очистке речного дна от установленных римлянами препятствий. Каждого бойца, пораженного камнем из пращи, тут же заменял другой, благо на берегу реки их уже собралось великое множество. И собиралось все больше: в свете вечернего солнца к берегу молча подтягивались все новые отряды пехоты, кавалерии, подкатывали боевые колесницы. Вся эта громада с нетерпением ждала, когда переправа будет расчищена.

Макрон, разумеется, внимательно следил за продвижением варваров, и когда они приблизились на расстояние броска копья, уже хотел обрушить на них смертоносный дождь отточенной стали. Однако наибольшего эффекта такой маневр достигал, если бросать копья в плотную массу людей, а солдаты, расчищавшие речное дно, двигались порознь, на некотором расстоянии один от другого. Обдумав ситуацию, Макрон решил побережь метательные копья, чтобы отразить атаку, которая непременно последует после того, как бритты расчищают дно. Кроме того, по мере приближения противника эффективность стрельбы пращников неуклонно возрастала: к вящему удовлетворению центуриона, камни поражали варваров все чаще и чаще. По его оценкам, бойцы Третьей центурии уже вывели из строя более сотни врагов, в то время как потери римлян ограничивались несчастным Лентуллом.

Однако, несмотря на потери, бритты неуклонно продвигались вперед, методично, по одному, обнаруживая и удаляя вбитые в дно колья. Было очевидно: чтобы полностью очистить переправу от препятствий, им потребуется меньше времени, чем ушло у бойцов Макрона на то, чтобы установить препоны. Где-то через четверть часа они уже почти добрались до завала из переплетенных, заостренных ветвей и сучьев, сооруженного вдоль берега островка. Некоторые римляне, выступив вперед, указывали на приближающихся врагов остриями своих копий.

– Всем назад, в строй! – скомандовал Макрон. – И чтоб никто не пускал копья в ход без моей команды.

Закончив расчищать переправу, бритты стали медленно отходить назад, пригибаясь и прикрываясь щитами от камней, которые по-прежнему падали в воду вокруг них. А позади, на берегу, вожди уже собирали отряды для атаки. Макрон отметил, что в первую шеренгу атакующих ставят особенно хорошо вооруженных воинов, почти все из них – в шлемах и кольчугах. Должно быть, Каратак очень торопится, иначе предпочел бы побережь лучших воинов, а не бросать их на приступ первыми. В передовой штурмовой отряд, собравшийся на берегу, входило более трехсот бойцов, их прикрывали плотные ряды пращников и лучников. Впрочем,

последние Макрона мало беспокоили: в небольших стычках короткие луки бриттов были действенным оружием, но пробить щит легионера такая стрела не могла. Другое дело пращники, они могли нанести весьма серьезный урон.

– Схватка обещает быть горячей, ребята. Держите щиты поднятыми, пока я не отменю приказ. Метать копья будет только задняя шеренга, а передней они, возможно, пригодятся в рукопашной. Все строго по приказу, быстро, без задержки. Бросок – и тут же полная готовность. Будем забрасывать их копьями, пока они не доберутся до заграждения. – Он оглядел бойцов. – Все понятно?

Ближайший к нему солдат кивнул, еще несколько пробормотали что-то маловразумительное.

– Дерьмо! Не слышу ответа. Вы меня поняли, ублюдки?

– Так точно, командир! – дружно ответила центурия.

Макрон улыбнулся:

– Вот и хорошо. Надеюсь, когда начнется рукопашный бой, вы надерете им задницы, чтобы навек запомнили, чего стоит Третья центурия в деле!

– Они идут! – выкрикнул кто-то, и все взгляды обратились к дальнему берегу. Вражеские воины зашагали вперед по дороге и с плеском вступили на мелководье. Как только войско пришло в движение, поднялся страшный шум: бритты издавали боевые кличи, подкрепляя их звонкими ударами оружия о металлические ободы щитов. Рога на сей раз молчали, шума было столько, что их все равно бы не услышали.

Враги были недалеко, и можно было различить под шлемами их глаза, полные холодной решимости. Это не обычный набег дикарей с разрисованными лицами и выбеленными извесью волосами. В бой шли настоящие, знающие свое дело воины, каждый из которых был грозным противником.

Макрон взгляделся дальше, за спины уже вошедших в воду врагов, и увидел, что в тылу пращники уже раскручивают над головами ремни.

– Пригнись!

Римляне пригнулись и укрылись щитами за миг до того, как воздух вокруг наполнился свистом множества камней. Вражеские пращники целились хорошо, и лишь немногие снаряды пролетали над головами и падали на землю: камни градом барабанили по римским щитам. Обстрел был непрерывным и жестоким, так что Макрону приходилось не на шутку рисковать всякий раз, когда он выглядывал из-за края щита, чтобы оценить, насколько успел продвигаться атакующий отряд Каратака. Враг безостановочно шел вперед по мелководью, подводные препятствия его больше не задерживали. Варвары не валили нестройной, дикой ордой, а продвигались навстречу тонкому строю римлян со смертоносной решимостью – они не нуждались в том, чтобы поддерживать боевой дух воплями и бранью, по дикарскому обычаю.

Град камней поредел, и вскоре обстрел из пращей прекратился вовсе. Тогда Макрон позволил себе осторожно выглянуть из-за обода щита. Как оказалось, неприятель был уже шагах в двадцати от островка, воды воинам было где-то по бедра, и пращники больше не рисковали метать камни, опасаясь заодно с римлянами поразить и своих.

– Отбросить их! – скомандовал Макрон. – Метательные копья к бою! Пращи к бою!

Конечно, все вышло не так красиво и слаженно, как на тренировочном плацу, однако задняя шеренга римлян с единым возгласом поднялась, бойцы резко отвели правые руки назад и, нацелившись на врагов, подступавших плотной группой, метнули в них копья. Одновременно стоявшие на флангах римские пращники вновь принялись забрасывать камнями неприкрытые бока колонны противника. Некоторые варвары попадали в воду и больше не выплыли на поверхность, но остальные быстро восстановили разорванный броском метательных копий строй и продолжили наступать на укрепления прямо по телам своих товарищей, павших и раненных.

Макрон надеялся, что они устремятся к заграждению в присущем дикарям беспорядочном, яростном порыве, однако эти воины отличались выучкой и выдержкой. Одни из них, подняв щиты, прикрывали себя и своих товарищей от римского метательного оружия, другие под их защитой рубили, ломали и растаскивали нагромождение древесных стволов, ветвей и сучьев.

– Рази! – вскричал Макрон.

Выхватив копье из рук ближайшего легионера, он перехватил древко верхним хватом и, прикрываясь щитом, подскочил к самому завалу, совсем близко к противнику. Резко выбросив вперед руку, он нанес колющий удар в просвет между ветвями.

Наконечник копья вонзился в плоть вражеского воина чуть ниже локтя, и тот заорал от боли. Макрон вырвал острие из раны, и в этот момент его щит громыхнул и содрогнулся от сильного удара. Оглядевшись, он увидел множество врагов: вооруженные длинными тяжелыми копьями, они наседали, стараясь отбросить римлян от заграждений.

– Следи за копьями! – проорал Макрон, одновременно высматривая новую мишень.

Его внимание привлек злобный горящий взгляд воина, прикрывавшегося плетеным щитом. Центурион сделал ложный выпад, а когда враг вскинул щит, закрываясь от удара, вдруг резко изменил направление и поразил острием копья незащищенное бедро. К сожалению, воин был недостаточно близко, чтобы достать его коротким римским копьем, так что наконечник лишь разорвал узорчатые штаны и оставил неглубокую царапину на коже. Центурион раздраженно хмыкнул и осторожно попятился от заграждения, кивком приказав легионеру из заднего ряда занять его место.

Отступив, Макрон оглядел центурию, оценивая состояние бойцов. Они держались. Пращники, стоявшие дальше всего от укреплений, сами стали мишенью для врагов, однако продолжали вести неравный бой: противники по-прежнему без устали осыпали друг друга камнями. Римляне применяли хитрую тактику: они раскручивали пращи, присев на корточки за укреплениями, а потом, резко выпрямившись, выпускали камни и тут же пригибались, избегая вражеских зарядов. У противников укрытия не имелось, и Макрон с удовлетворением отметил, что окрашенное кровью течение уносило с собой немало человеческих тел. Однако, решил он, перестрелка между пращниками сейчас не главное: они нужны были для другой цели.

Набрав полную грудь воздуха, он, перекрывая шум, крики и стоны, выкрикнул новый приказ:

– Пращники! Цельте по пехоте. По пехоте!

Бойцы на флангах глянули на него с пониманием. Один бедолага вскочил, чтобы выпустить последний камень в неприятельского пращника, но сам получил заряд прямо в лицо. Его голова откинулась назад, а стоявших рядом товарищей забрызгало кровью. Безжизненное тело солдата осело на землю, и Макрон заскрежетал зубами в бессильном гневе. В его распоряжении было слишком мало бойцов, чтобы позволить им растрачивать жизни попусту. Солдат воюет не сам по себе: его первейший долг – поддерживать своих товарищей, а для этого необходимо оставаться в живых и сражаться с ними бок о бок. Безрассудное геройство в сражении, на взгляд центуриона, было не более чем преступным эгоизмом, так что Макрон мысленно выругался на этого храброго идиота. Однако тот оказался не единственной жертвой. Уже трое римлян расстались с жизнью: один распростерся на земле под заграждением, двое других застряли среди ветвей. Кровь из ран стекала на глинистый речной берег.

– Посмотри туда! – воскликнул находившийся рядом легионер, и Макрон, проследив за его взглядом, увидел, что происходит на другом берегу.

Римские пращники не прекращали обстреливать незащищенные фланги неприятельской колонны, но тут какой-то немолодой воин громко выкрикнул приказ, и атакующие плотно сомкнулись вокруг него: те, кто был с краю, прикрывали щитами фланги, а воины в центре поднимали щиты над головами, полностью закрыв колонну от обстрела. Макрон был поражен

этим маневром, явно позаимствованным варварами у легионеров: до сих пор такой строй, именуемый «черепашей», умели образовать только римляне. Обстреливать врагов стало бессмысленно, камни впустую барабанили по щитам, надежно укрывшим воинов.

– Чтоб мне сдохнуть, – пробормотал Макрон. – Эти бритты умеют учиться.

Неожиданно тревожный возглас вернул его внимание к схватке у заграждения. В самом центре враги добрались до одного из скрепляющих сооружение столбов и теперь, одновременно ухватившись за него, пытались вывернуть столб и разрушить конструкцию. Ствол уже начал поддаваться, увлекая за собой часть заградительного вала.

– Дерьмо! – выругался центурион и, расталкивая людей, устремился к опасному месту.

– Остановите их! – кричал он. – Отгоните этих ублюдков!

Легионеры обрушились на тех, кто пытался вывернуть столб, нанося отчаянные удары по незащищенным рукам. Однако и варвары не менее рьяно стремились помочь своим товарищам: они атаковали укрепления, нанося защитникам колющие удары широкими железными наконечниками длинных тяжелых копий. Схватка была такой напряженной, что сил не хватало даже на возгласы: и те и другие дрались молча, стиснув зубы, всячески пытаясь отбросить неприятеля назад. Послышался громкий треск ломающегося дерева, и столб вывалился из гнезда, а с полдюжины воинов полетели прямо в воду. Бритты торжествующе взревели и ринулись в образовавшийся пролом.

– Отбросить их! – воскликнул Макрон, метнув копьё прямо в гущу атакующих. – Отбросить!

Он выхватил из ножен меч, низко пригнулся и, вложив в бросок всю свою силу и вес, ринулся навстречу врагу, прикрываясь щитом. Бойцы сомкнулись по обе стороны от него и тоже побежали. Противники столкнулись щит к щиту, вплотную, так что можно было слышать хриплое, надсадное дыхание врага. Укрывшись за щитом, Макрон правой рукой наносил постоянные колющие удары, пытаясь поразить каждого, до кого мог дотянуться. Копья и длинные мечи варваров оказались бесполезны в тесной схватке, где не было возможности для замаха, в то время как короткие клинки легионеров, предназначенные для ближнего боя, быстро показали свое преимущество. Все больше и больше врагов попадало под удар. А поскольку сзади их подпирали новые атакующие, не было возможности отступить. Некоторые воины, зажатые в толпе, так и умирали на ногах, истекая кровью среди товарищей.

Преимущество позиции, которую римляне заняли на высоком берегу, и более основательная опора пока позволяли им выдерживать и с успехом отражать натиск неприятеля, хотя войско врага значительно превосходило их силы. Макрон понятия не имел, сколько времени длилось противостояние. Он утратил представление о времени, полностью сосредоточившись на том, чтобы поражать врагов и не сдавать позиции. Вокруг лязгала сталь, звучали надсадные крики, стоны и вопли, плескалась окрашенная кровью вода. Лучи клонившегося к западу солнца все еще отражались от клинков и полированных шлемов, пусть даже теперь доспехи были вымазаны в грязи и заляпаны кровью.

Макрон не слышал даже хриплого рева вражеских боевых рогов и осознал, что бритты отхлынули назад, лишь когда неожиданно на его щит перестали напирать и очередной удар мечом пришелся в пустоту.

– Они отступают! – выкрикнул кто-то, словно не веря самому себе, и эти слова тут же подхватил нестройный радостный хор римлян.

Макрон воздержался от проявления эмоций. Неожиданной передышкой он воспользовался для того, чтобы быстро оглядеться и оценить обстановку. Один из легионеров проскочил мимо, прыгнул в воду и устремился вдогонку за отступающим врагом.

– Эй ты! – заорал Макрон так, что солдат испуганно оглянулся. – Тебе кто, на хрен, разрешил покидать строй? Живо назад!

Легионер попятился и выбрался на берег прямо перед разъяренным центурионом.

– Ты каким местом думаешь, болван? Может, решил собственноручно, в одиночку разбить все проклятое Каратаково войско?

– Виноват, командир. Я...

– Вот именно, на хрен, что виноват. Так виноват, что хуже не придумаешь. Только попробуй отмочить что-то подобное еще раз, и тогда, слово даю, я загоню этот меч прямо тебе в задницу. Дошло до тебя?

– Так точно, командир.

– Тогда возвращайся в строй.

Боец попятился и вернулся в ряды товарищей, которые принялись поддразнивать его, покачивая головами и отпуская шуточки.

На это Макрон внимания не обращал: он смотрел за реку, стараясь понять намерения врага. Скорее всего, бритты решили перегруппироваться и предпринять вторую, может быть, более упорядоченную попытку штурмовать пролом в укреплениях.

Потом внимание центуриона привлекло какое-то шевеление под ногами, и, опустив взгляд, он увидел на берегу вражеского воина, который пытался подняться на ноги. По всему краю брода, на глинистом берегу и галечных отмелях, громоздились мертвые тела, стонали и шевелились раненые. Без размышлений, повинаясь инстинкту, Макрон наклонился и вонзил меч варвару в шею. Бритт охнул и снова упал туда, где лежали тела товарищей. Из раны хлынула кровь. Безумный, злобный взгляд варвара встретился на миг со взглядом центуриона, но почти сразу глаза бритта остекленели. Он умер. Макрон покачал головой и поднял взгляд. Одним врагом меньше – это, конечно, хорошо. Плохо то, что, по его подсчетам, их оставалось еще примерно двадцать девять тысяч.

На той стороне брода вождь, возглавлявший потрепанный штурмовой отряд, формировал из своих людей подобие «черепахи», передние ряды которой щетинились длинными копьями. Сочтя построение удовлетворительным, вождь выкрикнул приказ, и его воины снова вступили в воду.

– Я-то думал, мы преподали ублюдкам достаточный урок, – пробормотал солдат, стоявший поблизости от Макрона.

Центурион криво усмехнулся:

– То-то и оно, мы преподали им урок, и они его усвоили.

На этот раз у врага была возможность беспрепятственно добраться до защитников укреплений. «Черепаха» выйдет из воды, ворвется в пролом и неизбежно отбросит римлян назад.

Макрон понял, что наступил решающий момент. Отступив назад, он поднялся на небольшой бугорок и всмотрелся в южный берег реки, пытаясь углядеть хоть какие-то признаки приближения Максимиана. Увы, ничего. Затем он приметил отблеск, потом еще один примерно в полумиле вниз по течению. Макрон прищурился и, кажется, сумел разглядеть вдали что-то вроде маленькой серебристой сороконожки, ползущей по направлению к нему. На миг сердце его возликовало, но потом он понял, что когорты слишком далеко и ей не поспеть на помощь вовремя. Решение все равно оставалось за ним.

Он мог слепо повиноваться полученному приказу, стоять и сражаться насмерть, не имея ни малейшей надежды сдержать врага, или же дать приказ к отступлению и попытаться спасти своих бойцов, пусть даже ценой потери собственной репутации.

Макрон повернулся, оглядывая стену вражеских щитов: бритты преодолели уже треть брода, ухитряясь при этом сохранять строй. Сомнений в том, что следует делать, у него не осталось. Другого выхода просто не было, и он поспешил назад к своим измотанным, тяжело опиравшимся на щиты бойцам.

Глава 12

В то время как его бойцы маршировали в клубах пыли, поднятой шедшими впереди воинами, центурион Катон неустанно всматривался в противоположный берег Тамесиса. На подступах к броду собралось множество народу: пехотинцы, всадники и колесничие. Бритты стремились ускользнуть от преследовавшей их римской армии. Второй легион должен был захлопнуть ловушку, и две главные переправы действительно были надежно перекрыты, однако теперь стало ясно, что попытка командующего Плавта зажать бриттов между железными челюстями легионов и блокирующих броды сил Веспасиана не удалась. Каким-то образом Каратак ухитрился проскочить между ними и выйти к третьему броду, прикрытие которого должна была обеспечить одна лишь Третья когорта.

Однако беда была в том, что даже этой когорты на отведенной ей позиции не было. Переправу защищала горстка людей под командованием Макрона. Несмотря на тщательные приготовления и, казалось бы, детально разработанный план, они были близки к провалу. Хотя в распоряжении Плавта имелось тридцать тысяч солдат, командующий решил задействовать в операции только восемь. На этих бойцах лежала ответственность за успех или провал масштабного замысла командующего, который желал окончательно подавить организованное сопротивление варваров. Если бы Каратака удалось разгромить до исхода дня, в долговременной перспективе это означало бы спасение великого множества жизней – во всяком случае, римских.

С болезненным ужасом Катон думал о том, что Макрон тоже это осознаёт, а стало быть, постарается сделать все возможное, чтобы не дать бриттам переправиться через реку, даже если это будет означать гибель и для него самого, и для всех бойцов его центурии.

Возможно, самопожертвование Макрона задержит бриттов настолько, что командующий Плавт успеет подойти к ним с тыла, а Максимий – с другой стороны брода, отрезав врагу путь к спасению.

Ускоренно маршируя рядом со своей центурией, Катон мысленно попытался поставить себя на место Макрона и, быстро взвесив свои возможности, пришел к выводу, что принял бы решение стоять до конца. Ставки были слишком высоки, и иного выбора не предусматривалось.

– Держи шаг! Не терять темп, черт вас дери!

Услышав это совершенно неуместное понукание, легионеры Шестой центурии недоуменно переглянулись, а чей-то голос с горечью откликнулся:

– Мы и так прем вперед так быстро, насколько это, на хрен, возможно.

– Заткните пасти! – немедленно отреагировал Фигул. – Следующему ублюдку, который что-нибудь вякнет, я собственноручно снесу башку. Приберегите ругань для кельтов.

Катон снова обратил взгляд в сторону врага. Противоположный берег был буквально усыпан пехотинцами и всадниками. Должно быть, эта орда уже совсем недалеко от брода. Впереди река делала изгиб, а вслед за изгибом открывалась узкая протока: казалось, будто другой берег чудом приблизился. Катон не сразу сообразил, что на самом деле видит остров как раз посередине переправы. Сердце юноши учащенно забилось, он прищурился, стараясь рассмотреть все в подробностях. На дальней стороне острова можно было различить множество крохотных фигур. Солнце играло на полированных доспехах и сверкало в брызгах, разлетающихся из-под ног.

Деревья, росшие на островке, скрывали легионеров Макрона, и Катон не мог разглядеть, как обстоят дела у защитников. Зато он увидел, как наступавшие на остров варвары вдруг начали отступать и как муравьи побежали назад, к берегу, который заполонили их соратники. Катон возликовал, ибо это могло означать лишь одно: Макрон и его бойцы отбили вражескую

атаку и остались в живых. Теперь всего полмили отделяло когорту от центурии Макрона, и от головы колонны доносился неистовый рев Максимию, всячески побуждавшего легионеров сделать последний, решающий рывок. Теперь панорама реки была открыта взгляду, и Катон видел, как на противоположном берегу враг готовится к новой атаке на остров. Однако на этот раз неприятельский натиск обещал стать более организованным и продуманным. Вопреки обычаю, варвары не собирались бежать на римские шеренги нестройной толпой. Они сформировали плотный строй и, стараясь удержать равнение, размеренным шагом двинулись по мелководью. К тому времени, когда противник приблизился к дальней стороне острова, голова когорты была всего в нескольких сотнях шагов от брода, и Максимий выслал конных разведчиков на помощь центуриону Макрону.

Погоня лошадей, взметая огромный фонтан сверкающих брызг, они влетели в реку и поскакали к острову. Однако, преодолев примерно треть расстояния, вдруг увидели появившихся между ивами бойцов: те отходили с острова, вступая в воду. При виде всадников некоторые из них заколебались, но потом продолжили отходить к южному берегу. Это не было бегством: легионеры не снимали шлемов и продолжали держать в руках громоздкие щиты. Всадники остановились посреди протоки, и Катон увидел, как декурион гневно заспорил с легионерами, указывая рукой в направлении острова. Однако те, не обращая на него внимания, огибали конный отряд, устремляясь к берегу. Наконец с острова сошла в воду небольшая сплоченная группа бойцов со щитами, обращенными в сторону врага. Почти сразу же следом за ними к воде устремился небольшой отряд бриттов, а за ним другой. Варваров становилось все больше, они обрушились на крохотный заслон римлян, прикрывавших отход товарищей.

Максимий резко выбросил руку вперед и выкрикнул приказ наступать. Потные, запыхавшиеся легионеры побежали, тяжело стуча сапогами по растрескавшейся земле. А впереди, посреди брода, тыловое прикрытие Макрона и кавалеристы вели отчаянную схватку, пытаясь остановить и оттеснить многократно превосходившего их числом врага.

Бойцы, уже добравшиеся до берега, перестраивались, формируя перед бродом заградительный строй в две шеренги. Однако было очевидно, что если они и задержат бурный поток кровожадных бриттов, то совсем ненадолго.

Бойцы когорты из всех сил мчались по дороге на помощь товарищам, и вот уже самые быстрые и выносливые присоединились к легионерам Третьей когорты, подкрепив маленький заградительный отряд. Катон был уже достаточно близко к броду, чтобы различать подробности неравной схватки, что велась посредине реки, и он воспрянул духом, увидев, что в гуще сражения виден алый поперечный гребень, венчающий шлем центуриона. Макрон жив, он продолжает сражаться, и для Катона это было огромной радостью, несмотря на то что смертельная опасность еще не миновала.

Стремительно сбегав по склону, центурия Катона присоединилась к передовым подразделениям, уже занявшим позиции у брода. Численное превосходство врага оставалось подавляющим, однако римляне получили тактическое преимущество, заняв позицию, штурмовать которую можно было только по узкому фронту. «Надежда все-таки есть, – сказал сам себе Катон. – Надежда на то, что они не дадут Каратаку прорваться».

– Шестая центурия! – скомандовал он. – Стройся на правом фланге.

Вконец вымотанные, его бойцы, откашливаясь, хрипло дыша, тяжело опираясь на массивные щиты, все же сформировали строй. Другое дело, что после долгого и утомительного марша под палящим солнцем у них почти не осталось сил для настоящего боя. Однако враг был уже совсем рядом, и очень скоро, даже если силы на исходе, им придется сражаться насмерть.

Уцелевшие воины из заградительного отряда Макрона вместе с разведчиками отступали по мелководью в полном порядке, сомкнув щиты, и не только держали строй, но и разили короткими мечами каждого дерзкого варвара, который оказывался в пределах досягаемости в попытке прорвать линию обороны римлян.

Максимий повернулся к бойцам, ждавшим на берегу реки:

– Четвертая когорта, расступись!

В сплошном строю легионеров образовалась брешь, позволявшая пропустить тесным врагами бойцов.

– Разведчики первые! – приказал Макрон декуриону. – Вперед!

Кавалеристы направили лошадей в узкий проход. Один из всадников был нерасторопен, и, пока он разворачивал лошадь, из воды неожиданно выпрыгнул бритт, схватил всадника за руку и выдернул из седла. Оба, и разведчик, и нападавший, упали в воду, и в то же мгновение кавалериста с торжествующими криками окружили другие вражеские воины. Крик перешел в булькающий хрип: множество копий и мечей одновременно пронзили грудь незадачливого разведчика, разом выпустив из его легких остатки воздуха. Однако пока бритты добивали кавалериста, Макрон и его бойцы, насквозь промокшие и измазанные кровью врагов и собственных товарищей, благополучно отступили на берег и заняли освобожденное для них место в сплошном строю когорты.

Максимий, стоявший позади, в центре когорты, посмотрел на Макрона с горьким негодованием и презрительно процедил:

– Ты не удержал брод.

Впрочем, времени на споры, препирательства и оправдания не было, и Макрон снова повернулся к бойцам, готовя их отразить очередную волну варваров, катившуюся через брод навстречу фронту когорты. Они обрушились на линию римских щитов, преграждавшую выход на сушу, неистово разя противника мечами и копьями.

Некоторое время легионеры, хоть и выбившиеся из сил, стойко удерживали позицию. Жестокая муштра не пропала даром, навыки боя были доведены до автоматизма: на счет раз-два – двинуть щитом вперед, тут же отдернуть его и нанести врагу колющий удар мечом. Потом короткая пауза для контрудара и повтор. Это срабатывало, но лишь до тех пор, пока римляне удерживали сплошной строй. Именно сплоченность делала маневр смертоносным, но стоило линии щитов дрогнуть, как все преимущества, которые давали дисциплина и выучка, терялись, в то время как дикари брали силой и неистовой яростью.

По мере того как из-за реки подходило все больше и больше варваров, когорта под давлением все возрастающего численного превосходства врага начала отступать назад. Совсем по чуть-чуть, почти незаметно, но Катон, занимавший позицию на крайнем фланге и пока не участвовавший в сражении, видел, что центр римского строя начал прогибаться назад. Это не укрылось и от Максимиya, который тут же повернулся к декуриону и кучке спасшихся кавалеристов.

– Найдите легата и доложите обстановку. Живо!

Декурион отдал честь и, приказав бойцам следовать за собой, направил коня вниз по реке. Уже отъезжая, он оглянулся и, обращаясь к товарищам по когорте, сказал:

– Удачи вам, ребята.

С этим и отбыл. Очень скоро топот копыт стих, заглушенный звоном оружия и яростными криками воинов, сошедшихся в беспощадной схватке.

– Держать строй! – призывал Максимий, размахивая мечом. – Держать строй, ублюдки! Не отступать ни на дюйм.

Однако ярость его приказов уступала ярости вражеского напора, и римляне, пусть медленно, шаг за шагом, но отходили назад. Хуже того, некоторые легионеры, по большей части новобранцы, не успевшие еще привыкнуть к жестокой реальности сражений, начинали нервно оглядываться. Бросив взгляд на заднюю шеренгу, Катон вдруг увидел бойца, который, отступив на несколько шагов, покинул строй. Правда, командир когорты тоже это заметил и, подбежав к нарушителю дисциплины, плашмя огрел его по голове мечом.

– А ну назад, в строй! – проревел Максимий. – Еще раз так сделаешь, я сам снесу твою чертову башку с плеч!

Легионер бросился вперед – страх перед командиром когорты пересилил ужас перед врагом. Но он был далеко не единственным, кого страшила перспектива пасть жертвой свирепых бриттов.

По мере того как римлян все дальше теснили назад, все больше легионеров начинали задумываться о том, как найти путь к спасению.

Со своей позиции на крайнем фланге Катон увидел, как один солдат из центурии Максимия внезапно бросил на землю щит, повернулся и побежал.

– Вернись на место! – заорал вдогонку беглецу Максимий.

Солдат обернулся на голос, но, вместо того чтобы выполнить приказ, принялся расстегивать ремни, крепившие к голове шлем. Справившись с ними, он сорвал шлем с головы, отбросил в сторону и припустил к ближайшим зарослям чахлого утесника.

Максимий в ярости плашмя ударил мечом по посеребренному наколеннику и заорал вслед бегущему:

– Ну погоди, предатель. Жалкий трус! Бежать с поля боя? Я тебя запомнил и, когда все кончится, лично приведу в исполнение смертный приговор!

Однако Катон понял, что бегство одного породит эффект лавины. Так и произошло – то один, то другой солдат вдруг начинал пятиться, виновато поглядывая на товарищей. Теперь римляне отступали все быстрее, враги же, напротив, наседали все с большей решимостью. По мере того как они теснили римлян дальше от брода, возникало больше возможностей расширить фронт для наступления и одновременно ввести в бой больше воинов. Было очевидно, что скоро они оттеснят от брода не только центр, но и крылья когорты, после чего ее окружат и неминуемо уничтожат.

Максимий прекрасно видел надвигающуюся опасность и понимал, что ради спасения когорты должен действовать быстро: времени на размышления не оставалось. Требовался ловкий маневр, и такая возможность была, ведь стоявшие на крайних флангах Первая и Шестая центурии еще не были задействованы в сражении.

– Первая центурия, покинуть левый фланг!

Когда его собственное подразделение перестроилось, встав под углом к центурии Туллия, Максимий повернулся к другому концу строя и прокричал Катону:

– Шестая центурия, разворот налево!

– В колонну по два становись! – приказал бойцам Катон. – Бегом марш!

Обежав когорту с тыла, они пристроились к центурии Максимия, тоже под прямым углом, параллельно солдатам, продолжавшим сражаться с бриттами. После завершения маневра Максимий в последний раз оценил ситуацию и предпринял решающий шаг.

– Когорта, направо! Выходим из боя!

Шаг за шагом когорта начала смещаться вниз по течению. Подразделения, продолжающие противостоять бриттам, сосредоточились на том, чтобы поддерживать строй, а не биться с врагом. Сейчас главное, чтобы отход был организованным. Отойдя от противника, Пятая центурия совершила круговой маневр и пристроилась к бойцам Катона. Однако теперь когорта сместилась вдоль берега так далеко, что на левом фланге образовался разрыв, чем немедленно воспользовались бритты, вступившие в схватку с бойцами Первой центурии. Непрерывный поток варваров, пересекающих брод, грозил окружить римлян, и Максимий бросил взгляд направо, обеспокоенный тем, что может не успеть завершить перестроение когорты из линии в прямоугольник до того, как варвары окажутся у него в тылу. Наконец Четвертая когорта покинула брод и, совершив обход, заняла свое место, тем самым завершив построение защитного каре. Прикрытый со всех сторон щитами, прямоугольник начал медленно отходить от брода по

дороге, туда, где должны были находиться основные силы легиона. Это была их единственная надежда на спасение.

Все больше и больше варваров беспрепятственно пересекали реку, немедленно обрушиваясь на отступающих римлян. Катон, стоявший в первой шеренге своей центурии, следил за тем, чтобы щиты были сомкнуты сплошной стеной. Как и все его бойцы, он медленно отходил под непрерывно сыпавшимися на выпуклую поверхность щитов ударами, при этом не упуская возможности делать выпады коротким мечом. Не раз и не два его удары достигали цели, свидетельством чему были то крик боли, то рев ярости. Однако и когорта несла потери по мере отступления от брода. То здесь, то там раненый воин выпадал из строя, и его место тут же занимали бойцы из задней шеренги. Раненых, которые могли идти, перемещали в центр каре, остальных, увы, оставляли лежать на земле, обрекая на верную смерть от рук безжалостных варваров.

Когда-то, в начале службы, это казалось Катону ужасным бессердечием, но теперь он воспринимал подобные действия как суровую неизбежность войны. Как ни пугала его вероятность получить тяжелую рану и оказаться брошенным в беспомощном состоянии, Катон понимал, что не вправе требовать, чтобы остальные жертвовали жизнями ради его спасения. Таков был суровый кодекс легионеров.

Слева раздался резкий крик боли. Катон не оглядывался, не рискуя даже на миг отвлечь внимание от врага, однако понял, что еще один боец рухнул на землю, и снова отступил на шаг вместе с товарищами.

– Не бросайте меня! – слышался умоляющий, полный ужаса голос. – Во имя милосердия, не бросайте!

Неожиданно чья-то рука ухватила Катона за лодыжку.

– Командир!

Катон бросил взгляд вниз. Один из его подчиненных, новобранец чуть постарше самого Катона, лежал на земле, приподнявшись на локте. Удар вражеского меча, пришедшийся под колено, рассек мышцы и сухожилия, свалив несчастного наземь и лишив способности двигаться.

– Командир! – с мольбой взывал легионер, цепляясь за него изо всех сил. – Спаси меня!

– Отпусти! – рявкнул Катон. – Отпусти меня немедленно, иначе, клянусь, я тебя сам убью!

Раненый солдат смотрел на него со страхом и мольбой. Между тем Катон заметил, что следующий в ряду воин сделал маленький шажок в сторону и в строю образовалась опасная брешь.

– Отпусти ногу! – заорал Катон.

На миг хватка раненого ослабла, но тут же в порыве паники он снова схватил Катона.

– Спаси меня! – истошно вопил легионер.

Выбора у Катона не было: помедли он хоть мгновение, и какой-нибудь вражеский воин наверняка прорвется в брешь между центурионом и следующим бойцом в шеренге. Взмахнув мечом, Катон рассек раненому предплечье чуть выше запястья. Пальцы разжались, центурион рывком высвободил ногу и, сделав шаг в сторону, восстановил целостность строя. Раненый завопил от боли, а потом разразился проклятиями в адрес покидавших его товарищей по оружию.

– Ублюдки! – орал он им вслед. – Проклятые ублюдки!

Когда Катону снова представилась возможность оглядеться и оценить ситуацию, он увидел, что брод остался позади и когорта шагает по пологому склону, куда поднимается идущая параллельно Тамесису дорога. Враги продолжали роиться вокруг каре в стремлении уничтожить римлян, но ряды атакующих больше не пополнялись варварами, которые по-прежнему во множестве переправлялись с дальнего берега. Большая часть бриттов без промедления направ-

лялась вверх по течению реки, стремясь как можно скорее уйти подальше от армии командующего Плавта, следовавшей за ними по пятам.

По мере того как когорта поднималась по склону, вражеские атаки становились все менее яростными, варвары все чаще останавливались, чтобы, опершись на древки копий, перевести дух. Но вся дорога от брода была усеяна окровавленными и искромсанными телами римлян и бриттов, павших под ударами мечей и копий.

Наконец противник отстал, но Максимий приказал своим бойцам остановиться лишь тогда, когда они поднялись на вершину холма. Всего в трех сотнях шагов от них маршировала, удаляясь от брода и не предпринимая более попыток атаковать когорту, армия Каратака. Возникни у вождя такое желание, он мог бы добить римлян достаточно быстро, но Каратак не собирался тратить на них время.

– Опустить щиты, – скомандовал Максимий.

Изможденные легионеры с облегчением поставили щиты на примятую траву и тяжело оперлись на них, радуясь возможности отдышаться. Ниже по склону бритты, сначала выбившие с переправы Макрона и его центурию, а потом отбросившие от брода остальную когорту, тоже переводили дух, опираясь на оружие. Противники устало смотрели друг на друга, но намерения возобновить схватку ни у одной, ни у другой стороны не было. Никто не желал продолжать бой.

Во время этой передышки Катон пересек центр построения и добрался до Макрона. Центурион-ветеран стоял, вытянув вперед руку, и его опцион осматривал рубленую рану. Мышцы в области предплечья были рассечены, на землю равномерно капала кровь.

– Ничего страшного, – промолвил опцион, потом полез в вещевой мешок, вытащил моток льняной ткани и принялся бинтовать рану. Макрон поднял глаза.

– О, Катон, – промолвил он с широкой ухмылкой. – Похоже, у меня добавился еще один шрам: будет что вспомнить и о чем рассказать после отставки.

– Нашел время думать о старости, – сказал Катон, пожимая другу здоровую руку. – Рад тебя видеть. Я боялся, что они просто сметут вас с переправы.

– Да они и смелі, – проворчал Макрон. – А ведь будь нас числом побольше, мы бы устояли.

Катон огляделся, но Максимий стоял к ним спиной, вне пределов слышимости.

– Тише, – пробормотал он, кивнув в сторону командира когорты.

Макрон подался к нему ближе:

– Это принесет нам кучу неприятностей. Сам увидишь.

– Командиры, ко мне! – громко распорядился Максимий.

Центурионы, слишком усталые, чтобы бежать, поплелись на зов командира. Помимо Макрона, ранены были Туллий и Феликс: последний получил глубокую рану в лицо, кровоточившую так сильно, что недавно наложенная льняная повязка уже насквозь пропиталась. Глядя на лицо командира когорты, Катон заметил, что тот явно нервничает, чему, впрочем, удивляться не приходилось. Он провалил задание, это наглядно доказывали маршировавшие ниже по склону вражеские войска. После случившегося спасти его карьеру могло только чудо.

Максимий откашлялся:

– Пока мы в безопасности. Есть предложения насчет возможных действий?

Голос его звучал хрипло и надсадно.

Воцарилось растерянное молчание, и только Макрон решился встретиться с командиром взглядом.

– Центурион?

– Да, командир?

– Ты хочешь мне что-то сказать?

– Никак нет, командир. – Макрон пожал плечами. – Это может подождать.

– Мы не можем позволить им уйти, командир, – промолвил Катон, глядя вниз, в сторону брода.

Максимий гневно повернулся к нему:

– И что ты предлагаешь? Припустить вниз и налететь на них сзади, так, что ли? Ты не видишь, в каком состоянии когорты? Сколько времени, по-твоему, продлится эта схватка?

– Может быть, достаточно долго, чтобы изменить ситуацию, – твердо заявил Катон.

– Какой ценой? – насмешливо фыркнул Максимий, однако Катон увидел за насмешкой признаки отчаяния.

– Это потом скажут другие, командир.

– Легко тебе сейчас говорить.

На это Катон отвечать не стал. Он смотрел мимо командира когорты – туда, где, преодолевая брод, продолжали шагать воины Каратака. Взгляд его переместился к дальнему берегу, там все еще ждала очереди на переправу темная масса людей. Солнце уже опустилось низко, и искривленные тени придавали врагу еще более пугающий и опасный вид. Вдруг за рекой взревели боевые рога, и все взоры непроизвольно обратились в ту сторону. Воины устремились прочь от брода к находившемуся примерно в трети мили от берега невысокому кряжу, где и заняли позицию, сформировав боевой строй из нескольких тысяч пехотинцев с кавалерией и колесницами на флангах.

– Командир! – воскликнул центурион Антоний, указывая вниз по течению. – Посмотри туда.

Центурионы повернулись в указанном направлении. На том берегу, справа, на расстоянии примерно мили появилась голова походной колонны.

Макрон прищурился:

– Наши?

– А кто же еще? – отозвался Катон. – А по эту сторону реки движется Второй легион.

Взоры центурионов обратились назад, к дороге. Сомнений не было, по направлению к ним маршировала еще одна колонна римской пехоты, правда, сейчас она была плохо видна, заслоненная холмом. Внезапно кровь в жилах Катона вскипела, и он смело обратился к Максимию:

– Командир, у нас еще есть время кое-что сделать. Все, что нужно, – это отдать приказ.

– Нет. – Максимий печально покачал головой. – Слишком поздно. Мы остаемся здесь.

Катон открыл было рот, чтобы возразить, но командир когорты поднял руку, не дав ему заговорить.

– Это мое решение, центурион. Обсуждать больше нечего.

И Катон понял: спорить действительно бесполезно. Третья когорты полностью провалила задание, а стало быть, все ее бойцы и командиры покрыли себя позором. Еще повезет, если они отделаются только этим.

Силы командующего Плавта подошли к броду тремя колоннами, мгновенно развернулись и атаковали врага. С другого берега реки бойцы Третьей когорты наблюдали за тем, как бритты устремились вниз с кряжа навстречу римлянам и пропали из вида. Схватка развернулась ниже по склону, и до слуха доносились лишь отдаленные звуки боя, хриплый рев рогов и сигналы римских труб. Но через некоторое время на гребне снова появились человеческие фигуры, беспорядочно бегущие по направлению к броду. Скоро они покрыли весь склон: было очевидно, что выставленный бриттами заслон разгромлен наголову.

А потом Катон заметил на гребне, в теплом оранжевом свете клонящегося к западу солнца, блеск доспехов. Римская кавалерия преследовала разбитого противника, безжалостно разя бегущих к реке варваров. Ширина брода позволяла пройти не более чем пятидесяти бойцам в ряд, и очень скоро на берегу образовалось настоящее столпотворение: пехотинцы, всад-

ники и колесничие, тесня и толкая друг друга, пытались прорваться к переправе и уйти за реку, спасаясь от римской кавалерии.

Некоторые бритты побросали оружие и, прыгнув в воду за пределами брода, пустились вплавь: над поверхностью Тамесиса видны были головы плывущих людей. Доплывали не все: тяжесть доспехов и снаряжения увлекала на дно ослабевших, раненых и уставших.

Тем временем первые шеренги римских легионеров поднялись на гребень и, сохраняя безупречный строй, двинулись вниз по склону. В свете заходящего солнца бойцы Третьей когорты видели, в какую панику впала толпа у брода при виде легионеров. Стон отчаяния донесся до противоположного берега. Правда, некоторым варварам хватило самообладания, чтобы, понимая безвыходность положения, попытаться прихватить с собой в иной мир побольше римлян, а заодно и выиграть время для своих переправляющихся через реку товарищей, дать им дополнительный шанс на спасение. Но таких оказалось сравнительно немного, и они не могли ничего изменить. Как только красные шеренги легионеров подступили к броду, варвары полегли под ударами римских мечей.

Солнце закатилось за горизонт, сгущались сумерки, и различить среди сражающихся на том берегу своих и чужих было невозможно. Лишь громкие вопли, исторгаемые тысячами глоток, и истошные мольбы о пощаде говорили о том, что у брода разразилась настоящая бойня. Катон, надо признаться, чувствовал некоторое облегчение от того, что хотя бы не видит безжалостной резни.

Между тем по эту сторону реки, ниже по склону, множество бриттов разбегалось в разных направлениях, рассеиваясь по окрестностям в надежде, что их укроет быстро сгущающаяся тьма. Со стороны брода уже слышались выкрики на латыни, а позади Третьей когорты из сумрака доносился топот копыт.

– Когорта, смирно! – прокричал Максимий, и легионеры, все еще стоявшие в каре, торопливо подняли щиты и сомкнули ряды.

Центурионы бегом устремились к подразделениям. Из сумрака появилась колонна всадников. Невдалеке они остановились. Кони всхрапывали и били копытами, всадники сидели в седлах молча.

– Кто идет? – громовым голосом спросил Максимий. – Назови пароль.

– Поллукс.

– Путь свободен, друзья.

Прозвучал приказ, и большой кавалерийский отряд проехал мимо когорты, направляясь вниз, к броду, в погоню за оставшимися врагами. Немногочисленная группа всадников, выехав из тени, направилась прямо к строю Третьей когорты.

– Никак самого легата нелегкая принесла, – пробормотал кто-то рядом с Катоном.

– Молчать! – рявкнул молодой центурион.

Остановив лошадей недалеко от строя легионеров, всадники спешили. Веспасиан двинулся вперед, и бойцы расступились, давая ему пройти. Когда легат поравнялся с Катоном, молодой центурион отметил его мрачный взгляд и с трудом сдерживаемую ярость.

Максимий отдал честь легату. Несколько мгновений Веспасиан молча смотрел на него.

– Центурион, – произнес он наконец холодным тоном, хотя контролировать голос ему, видимо, было непросто. – Я пока не имею точных сведений насчет того, что здесь сегодня случилось, но если это плохо отразится на мне и остальных бойцах Второго легиона, то клянусь – и тебе, и всей твоей когорте не поздоровится.

Глава 13

Дуновение холодного утреннего ветра не ощущалось внутри шатра командующего. Почувствовав выступивший на лбу липкий пот, Веспасиан быстро утер его рукавом туники.

Он не хотел показать командующему, что нервничает, хотя причины для беспокойства у него, разумеется, имелись, и связано это было с провалом плана командующего. Возможно, непосредственная вина за то, что Каратаку и части его войска удалось ускользнуть из столь тщательно подготовленной западни, лежала на подчиненных легата, но для командующего Авла Плавта это особого значения не имело. Армейская служба устроена так, что именно на командире лежит ответственность за все действия легионеров, служащих под его началом, и в случае их оплошности на него возлагается вина за последствия. Командиру отвечать перед вышестоящими, а уж как он потом накажет своих подчиненных – это его дело.

Войдя в шатер, легат был вынужден подождать у входа, пока дежурный писец отправился доложить о его прибытии в отгороженную льняным занавесом секцию, предназначенную для Плавта и его штаба. Внутри горело множество ламп, и на просвечивающей тонкой материи плясали искаженные тени находившихся за занавесой людей. Входная секция освещалась одной-единственной лампой, подвешенной на цепочке, которую прикрепили к одному из поддерживавших шатер столбов, и тусклое желтое пламя колебалось при каждом дуновении проникавшего из-за полога ветерка. Снаружи, сразу за линией охранявших подступы к шатру часовых, начинался спуск к безмятежно поблескивавшей в лунном свете реке. В районе брода, там, где поток перекашивался через галечные отмели и все еще лежавшие на мелководье мертвые тела, вода мерцала и переливалась. На противоположном берегу, в серебристом свете луны ясно виднелись валы, окружавшие лагерь Второго легиона. За их темными контурами ярко горели огни множества костров, словно упавшие на землю звезды.

Веспасиан, получив вызов командующего, покинул свой лагерь и переправился через брод в самую рань. Всю дорогу его коню приходилось выискивать путь между мертвыми телами, до сих пор устилавшими землю. Среди трупов попадались еще живые люди: некоторые уже впали в беспамятство и лишь невнятно стонали, но были и такие, что в агонии кричали, нервируя и пугая коня. Запах крови пропитал воздух, из-за чего он казался теплее, чем был на самом деле. Когда легат добрался через брод до маленького острова посреди Тамесиса, мертвых тел стало попадаться еще больше. Особенно много их громоздилось перед остатками примитивного заграждения центуриона Макрона. Но худшее случилось напоследок, тогда, когда конь Веспасиана уже преодолел брод и поднимался по склону на невысокий кряж, где разбил свой лагерь командующий.

Дорогу, ведущую к броду, очистили от трупов, и теперь по обе ее стороны громоздилось ужасающее переплетение торсов, рук и ног, успевших за ночь окоченеть и потому торчащих в разные стороны. Да и дальше, за этими придорожными завалами, земля была усеяна тысячами освещенных луной мертвых тел. Веспасиана передернуло при мысли о том, что воздух вокруг него наполнен духами умерших, ожидающих отбытия в мрачное царство теней, где им предстоит провести унылую вечность. Он хорошо знал, что варвары представляют себе загробный мир как непрерывную череду пьяных пиршеств, но угрюмая суровость смерти не позволяла ему принять подобную точку зрения. Легат многое повидал на своем веку, но на сей раз смерть предстала перед ним в столь чудовищном обличье, что это было едва ли не самым гнетущим зрелищем в его жизни. «Безусловно, – подумал он, – если и есть что-то ужаснее проигранной битвы, то это битва выигранная».

– Командующий примет тебя сейчас, командир.

Веспасиан повернулся к писцу, торопливо отгоняя мысли о смерти, которая, словно черное покрывало, окутывала окружающий мир за пределами шатра. Он проворно нырнул в проем, открывшийся, когда писец услужливо отдернул перед ним льняную завесу. В следующем отсеке он обнаружил еще нескольких писцов, усердно трудившихся, несмотря на позднюю ночь. Они даже не подняли глаз от столов, когда сопровождающий провел Веспасиана к следующему отсеку в дальней части шатра. Легату подумалось, что эти всеведущие чиновники знают, какая участь ему уготована. Правда, он сам тут же внутренне посмеялся над соб-

ственными беспочвенными фантазиями: эти люди просто по горло заняты, вот и все. Дежурный писец отдернул еще одну завесу, и Веспасиан ступил в очередную, меньшую по размеру секцию шатра. В дальнем, тускло освещенном углу были видны походная кровать и несколько сундуков. В центре стоял большой стол с изукрашенной лампой посередине: ее желтое пламя трепетало и колебалось. Огромный раб-нубиец мерно обмахивал опахалом двоих сидевших за столом мужчин.

– Веспасиан! – промолвил Нарцисс с приветливой улыбкой. – Рад видеть тебя снова, мой дорогой легат.

Правда, в том, как прозвучало в устах грека последнее слово, Веспасиану послышалось пренебрежение – привычная попытка Нарцисса утвердить свое превосходство. Веспасиан, легат по должности, происходил из сенаторской фамилии, в то время как Нарцисс, простой вольноотпущенник, имел социальный статус ниже, чем любой захудалый бедняк, родившийся римским гражданином. Однако этот вольноотпущенник стал правой рукой самого императора Клавдия и обладал реальной властью, с которой, несмотря на всю его заносчивость и высокомерие, представителям сенаторского сословия приходилось считаться.

– Привет, Нарцисс, – промолвил Веспасиан с вежливым кивком, как приветствуют равных, после чего повернулся к Плавту и отдал ему честь по-военному.

– Ты звал меня, командир?

– Звал. Присаживайся. Я уже послал за вином.

– Спасибо, командир.

Веспасиан опустился на стул напротив собеседников и испытал приятное облегчение от легкого ветерка, навеванного опахалом.

После непродолжительного молчания снова заговорил Нарцисс:

– Насколько мне, как простому чиновнику, вообще возможно понять военные реалии, наша проблема в том, что кампания отнюдь не завершена. – Грек повернулся к командующему. – Полагаю, я имею право на такое суждение теперь, когда Каратак ускользнул из западни... в очередной раз.

Командующий Плавт кивнул:

– Насколько нам известно, это именно так. Несколько тысяч человек успели переправиться через реку прежде, чем мы навязали Каратаку сражение.

Брови Веспасиана на миг удивленно приподнялись: это было не сражение, а безжалостная резня. Но потом он понял, что комментарии командующего предназначены для императорского секретаря, который по прибытии в Рим наверняка представит соответствующий доклад самому императору. И безусловно, лучше доложить о победоносном сражении, чем о простой бойне.

– Конечно, – продолжил Плавт, – Каратак вполне мог оказаться среди тех, кто успел преодолеть брод. Правда, это не имеет особого значения. Что он сможет, имея под рукой всего лишь горстку людей?

Нарцисс нахмурился:

– Терпеть не могу казуистики, командующий, но, по моему скромному разумению, «горстка людей» – это все же малость поменьше, чем несколько тысяч.

– Может быть, – согласился Плавт, пожав плечами, – но при масштабах наших операций это не доставит нам особых забот.

– Значит, я могу доложить императору, что кампания завершена?

Плавт не ответил, бросив на легата быстрый предостерегающий взгляд. Прежде чем беседа возобновилась, вернулся посланный за вином раб. Он аккуратно поставил на стол бронзовый поднос, взял изящный графин и разлил жидкость медового цвета в три серебряных кубка, потом поставил графин на место, повернулся и вышел.

Веспасиан подождал, пока собеседники возьмут кубки, и потянулся за оставшимся. Серебро было прохладным на ощупь, а когда он поднес кубок к губам, его ноздри наполнил насыщенный аромат.

– Вино охладили в реке, – пояснил Плавт. – Я подумал, что, уж коли выдалась такая жаркая битва, мы заслужили право освежиться. Ну а теперь тост. – Он поднял кубок. – За победу!

– За победу, – повторил Веспасиан.

– За победу... когда она настанет.

Командующий и легат смотрели на императорского секретаря, который неторопливо пригубил вино и аккуратно поставил кубок обратно на стол.

– Да, действительно, превосходно освежает. Перед возвращением в Рим обязательно узнаю, откуда это вино.

– А когда ты возвращаешься? – напрямик спросил Плавт.

– Сразу же по окончании кампании. Как только смогу доложить императору, что на территории острова покончено с организованным сопротивлением Риму. Достигнув этой цели, император сможет заткнуть рты всем своим недоброжелателям в сенате. Мы не можем допустить, чтобы повсюду болтали о том, будто война в Британии далека от завершения. Не только у меня здесь, в легионах, есть свои шпионы, но и у противников императора. И ваша задача – сделать так, чтобы они не могли доложить своим хозяевам ничего, что можно было бы использовать во вред Клавдию.

Нарцисс произнес все это, глядя прямо на командующего, который кивнул и сказал:

– Понимаю.

– Вот и хорошо. Давай на сей раз будем честны друг с другом. Скажи мне, как на самом деле обстоят наши дела после нынешней... битвы? Если предположить, что Каратак жив.

– Если он спасся, ему потребуется восстановить силы и зализать раны. Думаю, он укроется в тайной крепости, о местоположении которой мы пока не знаем, даст своим людям отдохнуть, подлечит раненых бойцов и перевооружит войско. Кроме того, он попытается пополнить численность бойцов и разошлет посланников ко всем местным вождям, чтобы обзавестись новыми союзниками.

– Понятно.

На доньшке кубка собрались капли жидкости, и Нарцисс задумчиво водил по нему кончиком пальца, словно рисуя узор.

– И насколько вероятно, что Каратак найдет себе новых союзников?

– Я в этом сомневаюсь. Спору нет, он большой мастер договариваться и обзаводиться друзьями, но обстоятельства складываются не в его пользу. Мы бьем его раз за разом, и всем это известно. Варварские воины нам не соперники.

– Ну и что же он будет делать сейчас?

– Каратаку придется приспособливать свою стратегию к реальным обстоятельствам. Он будет вынужден ограничиться мелкими стычками, нападениями на небольшие гарнизоны, фуражные отряды, патрули и тому подобное.

– И все это, я полагаю, будет постоянно держать в напряжении твое войско, а кампания в таком виде может затянуться до бесконечности.

– Такая возможность существует.

– Это не радует, дорогой командующий.

– Не радует.

Плавт потянулся за графином и долил вина в кубок Нарцисса.

– Вопрос в том, как вы вообще дали ему уйти? Не ты ли убеждал меня в том, что эта битва положит всему конец, что к концу дня Каратак будет или покойником, или пленником?

Но похоже, вместо этого он продолжит портить нам жизнь. Ничего не изменилось. Император будет недоволен, и это еще мягко сказано. У вас обоих ведь в Риме семьи?

На самом деле это был не вопрос, а утверждение, и оба командира уставились на Нарцисса, не скрывая ненависти и ужаса.

– Что ты предлагаешь? – тихо спросил Веспасиан.

Нарцисс откинулся на стуле и сцепил длинные, изящные пальцы.

– Сегодня вы оба потерпели неудачу. Все имеет свою цену, и эта цена должна быть уплачена. Император ожидает этого, и я должен доложить ему, что вами предприняты соответствующие шаги. В противном случае плата будет взыскана в Риме. Так что на самом деле особо выбирать не приходится. Итак, почтеннейшие, на кого у нас ляжет позор? Кто виновен в том, что Каратак спасся?

Секретарь императора переводил взгляд с одного военачальника на другого и с бесстрастным лицом терпеливо дожидался ответа.

Наконец командующий пожал плечами:

– Это очевидно. Он бежал через брод, который должны были охранять. От этого зависел успех моего плана. – Плавт бросил взгляд на своего подчиненного. – Вина за случившееся лежит на Втором легионе.

Веспасиан поджал губы и выдержал недобрый взгляд начальника, но мысли его в это время металась в поисках подходящего ответа. Он понимал, что в сложившейся ситуации его репутация, карьера, а может быть, даже его жизнь и жизнь его близких находятся под угрозой. То же самое, разумеется, относилось и к командующему, однако Веспасиан был достаточно мудр и опытен, чтобы понимать: в данных обстоятельствах тот, кому принадлежит власть в Риме, предпочтет возложить вину на менее значимую фигуру. На роль виновника больше всего подходит человек, который, с одной стороны, занимает достаточно высокое положение, чтобы послужить примером для других, но при этом не слишком могуществен и влиятелен, чтобы с ним можно было расправиться без нежелательных политических последствий. Нужен кто-то вроде самого Веспасиана.

На какой-то миг он даже подумал о том, чтобы принять вину на себя, показав тем самым, что в чувстве гордости и собственного достоинства превосходит командующего, хоть у того и длинная родословная. Это доставило бы ему определенное удовлетворение. «Впрочем, – тут же подумал он, – весьма эгоистичное удовлетворение». В любом случае единственный результат такого самопожертвования – спасение репутации Плавта. Между тем Веспасиан считал, что в конечном итоге он сам может предложить Риму больше, чем престарелый, растерявший силы командующий. А потом легата осенило: какие бы соображения формально ни выдвигали на первый план, главное – это самосохранение. Так было всегда. И будь он проклят, если позволит кому-то из этих самодовольных аристократов затравить его псами ради собственного спасения. Веспасиан откашлялся, стараясь, чтобы ничто в голосе не выдало горечи или страха:

– Замечу, никто не предполагал, что неприятель вообще выйдет к этому броду. Этот план – план командующего, насколько я понимаю, – состоял в том, чтобы три легиона вместе со вспомогательными когортами неотступно преследовали Каратака и вынудили его приблизиться к одной из главных переправ, где мне предстояло дожидаться его с основными силами легиона. Третий брод никто серьезно не принимал в расчет, и предполагалось, что охранять его потребуется лишь для того, чтобы не дать уйти за реку немногочисленным беглецам, сумевшим ускользнуть после схватки у первых двух бродов. Никому и в голову не приходило, что Каратак ударит туда всеми своими силами.

– Незначительную вероятность тоже нельзя сбрасывать со счетов, – вставил Плавт. – Приказы были достаточно ясны. Твоим людям было предписано защитить переправы при любых обстоятельствах.

– Таковы были полученные приказы?

Веспасиан поднял брови.

– Уверен, там еще не то будет, – пробормотал Нарцисс. – Легат, правильно я понимаю, что, по твоему мнению, армия командующего двигалась недостаточно быстро для того, чтобы захлопнуть ловушку?

– Да.

Плавт сердито подался вперед:

– Проклятье, мы двигались со всей быстротой, на какую были способны. Нельзя же все-речь рассчитывать, что тяжелая пехота превзойдет по скорости ополчение варваров. И вообще, скорость наших войск тут не главное. Мы загнали противника в западню, и, если бы Второй легион исполнил свой долг надлежащим образом, наша ловушка сработала бы превосходно. Веспасиану следовало позаботиться о том, чтобы брод был должным образом защищен. Одной когорты для этого недостаточно, – по-моему, это каждому дураку ясно.

– Для выполнения задачи, которая на самом деле перед нами стояла, одной когорты было более чем достаточно, – отрезал Веспасиан.

На миг оба военачальника встретились взглядами: глаза сверкали в колеблющемся пламени ламп. Затем командующий откинулся на стуле и обратил взор на Нарцисса.

– Я не желаю, чтобы этот человек продолжал служить под моим началом. Он некомпетентен как командир легиона, а подобное пренебрежение субординацией и вовсе недопустимо. – Он снова повернулся к легату. – Веспасиан, я хочу, чтобы ты подал в отставку и убрался отсюда на первом же корабле, отплывающем в Галлию.

– Я не сомневаюсь, что именно этого ты хочешь, – холодно произнес Веспасиан, – ты ведь заинтересован в том, чтобы я убрался подальше и не имел возможности ответить на все те обвинения, которые ты на меня возводишь. Но ничего у тебя не выйдет. Я отказываюсь подавать в отставку и не собираюсь покидать вверенный мне легион, а все свои соображения изложу в рапорте.

Прежде чем Плавт успел ответить на эту дерзость, вмешался Нарцисс:

– Почтеннейшие, прошу вас, прекратите. Достаточно. Я уверен, вину нельзя полностью возложить ни на ту ни на другую сторону.

Оба военачальника гневно уставились на него, намереваясь возражать, но секретарь императора быстро поднял руку и, не дав себя прервать, продолжил:

– Каждый из вас настойчиво утверждает, что вина лежит на другом, и я опасаясь, что такое упрямство при даче показаний в сенате может лишь повредить вам обоим. Однако мне кажется, есть лучшее решение: провести незамедлительное расследование и найти подходящего виновного, конечно, из числа командного состава, но не военачальника высокого ранга. Если вы оба без промедления установите виновного и подвергнете его суровой каре, то я уверен, что это удовлетворит всех, кто потребует наказать вас за вашу неудачу.

Последние слова заставили Плавта заметно вздрогнуть, но это не помешало командующему моментально уцепиться за брошенный ему и легату спасательный линь.

– Очень хорошо, – кивнул Плавт. – Соберем военный трибунал. Председательствовать будем мы с легатом. Надеюсь, Веспасиан, на это ты согласен?

– Так точно, командир.

– В таком случае к рассвету я подготовлю приказы. У всех, кто имеет отношение к делу, будут взяты показания. Если мы станем действовать быстро, все может разрешиться в течение нескольких дней. Это устроит императора?

– Устроит, – с улыбкой ответил Нарцисс. – Прошу мне поверить. Думаю, что теперь все получится к общему удовлетворению. Пусть никто из вас больше не портит себе сон, переживая из-за этой истории: вина за случившееся ляжет на другие плечи, туда, где раньше были головы виновных. – Грек издал саркастический смешок. – Проведите собственное расследование. Найдите подходящих людей, на которых можно будет возложить вину, и как только им

предъявят обвинение, я смогу вернуться в Рим с докладом. Надеюсь, господа, мы пришли к соглашению?

Плавт кивнул, хотя чувствовал теперь горечь и досаду, причем на себя он злился даже больше, чем на собеседника. Веспасиан опустил голову, уставившись на стоящий на подносе графин, а потом тоже медленно кивнул.

Глава 14

Солдаты Второго легиона, укрывшись плащами, провели ночь под открытым небом. Спали беспробудно, ибо все смертельно вымотались, когда были вынуждены совершить форсированный марш, а потом еще и соорудить походный лагерь. Поскольку весь шанцевый инструмент остался в обозе, бойцам пришлось копать ров мечами и насыпать внутренний вал вручную. Снаружи лагерь обнесли грубым частоколом и с каждой стороны вала выставили часовых.

Легионеры Третьей когорты устали больше всех прочих, ибо на их долю, помимо нелегкой работы, выпало еще и жестокое сражение. Некоторые никак не могли заснуть и беспокойно ворочались, лежа на примятой траве. Одним не давали покоя засевшие в памяти страшные картины битвы, другие скорбели о друзьях, сраженных врагами у них на глазах. Катону же мешали спать не впечатления прошедшего дня, а опасения перед грядущим.

Бегство большей части противников фактически означало, что изнурительная военная кампания будет продолжена. Даже если Каратака не было среди спасшихся, кто-нибудь из его соратников непременно подвигнет уцелевших и дальше сопротивляться Риму, мстя за погибших товарищей. Не приходилось сомневаться, что крови прольется немало, и оставалось лишь гадать, сколько еще сможет впитать в себя земля, прежде чем сама превратится в кровавое месиво.

Этот пугающий образ заставил юношу грустно улыбнуться, повернуться на другой бок и поплотнее закутаться в плащ, пристроив голову на поножи.

Плохо, что некоторому числу врагов удалось бежать, но еще хуже, что когорта не справилась с порученным заданием. И произошло это по вине центуриона Максимия. Он не имел права отвлекать основные силы когорты и пускаться в погоню за маленькой шайкой дикарей, пусть даже они и разорили аванпост, зверски перебив гарнизон. Начальник обязан был вести когарту сразу к броду.

Сам Максимий прекрасно понимал, кому поставят в вину эту роковую ошибку, и перед отбоем, накануне неизбежного расследования созвал командиров, отвел подальше от солдат, чтобы те ничего не слышали, и начал совещание.

– Нам наверняка будут задавать вопросы о сегодняшних событиях, – начал он, пристально глядя на освещенные луной лица центурионов. – Я призываю всех вас держаться вместе, заодно. Я сам буду отвечать за всех и приму любую вину, которую легат захочет возложить на Третью когарту.

Выражение его лица было вполне искренним. Катон одновременно испытал облегчение от того, что обвинение минует лично его, и устыдился этого, сочувствуя командиру когорты, которого, очевидно, ожидало суровое наказание. С карьерой Максимия было покончено. Ему еще повезет, если он отделается разжалованием в рядовые легионеры. Но и в этом случае придется нелегко: он потеряет командирское жалованье и накопления и сможет рассчитывать лишь на солдатскую пенсию. Да и служить в новом качестве будет очень непросто. Максимий был суровым командиром, и все те, кто терпел от него наказания и затаил обиду, захотят жестоко посчитаться с ним теперь, когда он сравняется с ними в статусе.

– Мне очень жаль, что я довел вас до такого положения, – продолжил Максимий. – Вы хорошие командиры, и под началом у вас хорошие солдаты. Вы заслужили лучшего.

Повисло тягостное молчание. Наконец Феликс подался вперед и пожал командиру когорты руку.

– Для нас было честью служить под твоим началом, командир.

– Спасибо, дружище. Я знал, что могу рассчитывать на твою верность. Надеюсь, и на верность всех остальных, а?

Центурионы в один голос выразили согласие – все, кроме Макрона, который стоял с напряженным выражением лица и не издал ни звука. Однако если Максимий и заметил это, то не подал виду. Он пожал всем центурионам руки и пожелал спокойной ночи, не преминув напомнить:

– Не забудьте, я буду говорить от вашего имени.

Перед рассветом трубы заиграли подъем, и походный лагерь проснулся. Солдаты вставали, разминая затекшие мышцы. Раненые морщились от боли, вздрагивая при каждом движении. Катон, заснувший всего пару часов назад, сигнала не услышал и продолжал спать, а подчиненные не будили командира – отчасти по доброте душевной, но в основном потому, что, пока он спит, к ним никто не цепляется с приказами. Так и вышло, что уже после рассвета Макрон обнаружил его спящим. Юноша лежал с открытым ртом и закинутыми за голову руками, а на лбу слиплись темные курчавые волосы. Старший друг бесцеремонно перевернул его, толкнув сапогом в бок:

– Ну-ка просыпайся, приятель. Живее, а то солнышко тебе глаза выжжет.

Катон застонал, потягиваясь и щурясь на ясное небо, потом его взгляд скользнул по сидящей шевелюре друга, и он с виноватым видом приподнялся и сел.

– Дерьмо...

– Ты как, совсем проснулся? – тихо спросил Макрон, озираясь по сторонам.

Катон кивнул, расправляя плечи:

– А что?

– Много чего. Прошел слух, что командующий приказал провести расследование по поводу вчерашнего провала.

– Расследование?

– Тсс! Не так громко. Поговаривают, что они хотят взвалить на кого-нибудь всю вину и устроить показательную кару.

Катон глянул на друга:

– Где ты все это слышал?

– Мне рассказал один из писцов легата. А сам он узнал от кого-то из штаба командующего.

– А, ну тогда это, несомненно, правда, – пробормотал Катон.

– На мой взгляд, действительно звучит правдоподобно, – заявил Макрон, проигнорировав иронию в голосе младшего товарища. – Им нужен кто-то, на кого можно свалить вину за поражение, и его будут искать в нашей когорте. Так что будь крайне осторожен.

– Но Максимий еще вчера вечером сказал, что возьмет всю вину на себя.

– Это он нам сказал...

– Ты ему не веришь?

Макрон пожал плечами:

– Я ему не доверяю.

– А есть разница?

– В настоящий момент – да. Давай же вставай, наконец.

– А что, легион снова выступает в поход?

Катону очень хотелось верить, что этого не будет: все мышцы ныли от усталости, и сама мысль о том, чтобы опять маршировать день напролет под палящим солнцем, казалась почти невыносимой.

– Нет. Вдогонку за врагом командующий послал несколько конных когорт. Мы останемся здесь, будем ждать, когда подтянутся обозы.

– Отлично.

Катон сбросил накидку, поднялся на ноги и принялся растирать затекшую шею.

Макрон кивком указал через плечо:

– Смотри, раб Максимиа готовит завтрак. У него, оказывается, есть при себе запас провизии. Ну и дела.

Центурионы Третьей когорты расселись вокруг маленького костра, где раб жарил на оливковом масле несколько толстых колбасок. Рядом стоял кувшин подогретого вина с медом, распространяя вокруг костра густой аромат, который смешивался с восхитительным запахом шкворчавшего на сковородке мяса. Раб, видно, поднялся ни свет ни заря и всюду трудился, желая угодить своему господину.

Находившиеся поблизости легионеры тоскливо поглядывали на костер, жадно вдыхая манящие запахи, но зная, что им еще несколько часов придется дожидаться прибытия обоза с провиантом.

– Клянусь яйцами Юпитера, – проревел центурион Туллий, – нельзя ли управиться с этими колбасами поскорее? Боюсь, еще чуть-чуть, и я начну с голоду жевать кожу собственного сапога.

– Они почти готовы, господин, – тихо ответил раб, привычный к нетерпеливому нраву центурионов.

Пока все ждали, Катон стал смотреть за реку. Противоположный берег, очерченный розоватыми лучами рассвета, усеяли трупы, над которыми тучами вилось воронье, привлеченное зловонием разлагающейся плоти. Птицы расселись на трупах, клювами вырывая куски мяса из мертвых тел. Но даже это зрелище не могло лишить аппетита проголодавшегося Катона, и когда раб вручил ему походный котелок с дымящейся нарезанной колбасой и несколькими ломтями хлеба, он тут же набросился на еду. Точно так же поступили все остальные центурионы. Ощущение тепла и сытости быстро подняло им настроение, и многие тут же принялись с набитыми ртами обсуждать вчерашнее сражение.

– Как было там, на острове, Макрон? – поинтересовался Феликс. – Надолго тебе удалось их задержать?

Макрон задумался, желая ответить как можно точнее.

– На час или около того.

– Ты отбивал их атаки целый час? – У Феликса аж челюсть отвисла от изумления. – Атаки целой долбаной армии?

– Да не целой армии, придурок, – усмехнулся Макрон, указывая пальцем на брод. – То есть их была, конечно, целая прорва, но переправа узкая, и они могли подступать к нам лишь по несколько человек зараз, да и то после того, как расчистили реку от сюрпризов, которые я щедро для них приготовил. Думаю, что мы столкнулись лишь с малой частью их войска. Правда, и этого оказалось больше чем достаточно.

– А почему ты отступил? – спросил Максимиий, слушавший его очень внимательно.

– После того как они пробили брешь в укреплениях, мне ничего другого не оставалось. Но я тебе скажу еще кое-что... – Макрон, подчеркивая важность своих слов, поднял палец. – Эти ублюдки стали перенимать некоторые наши приемы.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Туллий.

– Да то, что перед второй атакой они выстроились «черепахой».

– «Черепахой»? – Туллий в изумлении покачал головой. – Быть того не может!

– Это чистая правда, можешь спросить любого из моих солдат. Вот одна из причин, почему нам пришлось отойти: у нас не было ни малейшей возможности их остановить. Стой мы на месте, они очень быстро разорвали бы нас в клочья.

– Точно так же, как и всех нас на берегу реки, – задумчиво промолвил Максимий. – Оставалось или отступить, или сложить головы. Им потребовалось бы не так много времени, чтобы всех нас вырезать.

Остальные центурионы осторожно переглянулись и продолжили есть в молчании. Нарушил тишину Антоний:

– Эй, раб!

– Да, господин.

– Есть еще колбаса?

– Да, господин. Вот, одна осталась... – Он взглянул на Максимия, ожидая указаний. – Господин Максимий?

– Что? – раздраженно буркнул Максимий, повернувшись к нему. – Чего тебе надо?

– Э-э-э... колбаса, господин.

Раб кивнул в направлении центуриона Антония, державшего наготове котелок.

Максимий улыбнулся и согласно кивнул:

– Конечно, пусть угощается. Он у нас растет, ему нужно хорошо питаться.

– Спасибо, командир, – промолвил повеселевший Антоний, не отводя взгляда от сковороды с колбасой, и подставил свой котелок к ее краю, так чтобы кусок жарившейся на костре колбасы свалился прямо туда. Однако сковорода качнулась, и возжеленная колбаса упала в огонь.

– Проклятье! – заорал Антоний, видя, как обгорает в огне последний кусок.

Все остальные покатались со смеху.

– Будем считать это жертвоприношением, – с усмешкой промолвил Максимий. – Подношением... хм, какое божество нам следует почитать?

– Фортуну? – серьезным тоном предположил Макрон. – Потому что удача прямо сейчас требуется нам, как никогда.

Он кивком указал за плечо Максимия, и, повернувшись в указанном направлении, центурионы увидели команду солдат, маршировавшую мимо сонных бойцов Третьей когорты.

– Дознаватели! – Феликс плюнул в огонь. – Это ж надо, притащиться и испортить такой завтрак!

Когда приблизился патруль, возглавляемый оптием личной стражи легата, все умолкли. Солдаты остановились неподалеку от центурионов, сидевших вокруг костра, и оптий выступил вперед.

– Ты центурион Максимий, командир?

– Да.

– Тебе придется пойти с нами. У командующего есть к тебе вопросы.

– Понятно.

На миг Максимий уныло повесил голову, но тут же собрался с духом, подтянулся и кивнул.

– Ладно... ладно, идем.

Он поставил на землю котелок, поднялся на ноги, отряхивая крошки с перепачканной туники, и даже ухитрился выдавить из себя улыбку.

– Бывайте, ребята. Туллий...

– Да, командир?

– Остаешься пока за меня. Проследи за когортой, чтобы был полный порядок. Вернусь, проверю.

– Есть, командир.

Опцион кивнул в направлении группы палаток, установленных в центре лагеря.

– Иду, иду, – проворчал Максимий, заметно раздраженный такой непочтительностью младшего по званию.

Центурионы молча проводили взглядами командира когорты, удалявшегося под конвоем. Максимий держался прямо и вышагивал, словно по плацу.

– Бедолага, – произнес Катон так тихо, что слышать его мог один Макрон. – На этом конец его карьере, верно?

– Да, – отозвался Макрон. – Если на свете еще есть хоть какая-то справедливость.

Глава 15

Опцион и надсмотрщики привели Максимия назад только час спустя. Туллий выполнил приказ, и легионеры были готовы к смотру. За отпущенное им короткое время солдаты сделали все возможное, чтобы выглядеть как можно лучше. Завидев приближающегося командира когорты, Туллий громко скомандовал «Смирно!», и солдаты дружно вытянулись в струнку, глядя перед собой. Центурионы стояли перед своими подразделениями, а по обе стороны от каждого расположились опцион и знаменосец. Когда Максимий и его сопровождающие подошли ближе, Катон заметил, что вид у командира когорты напряженный и мрачный. Видимо, разговор был нелегкий. Он кивнул Туллию и, даже не взглянув на солдат, тихонько приказал ему распустить строй.

– Когорта, разойдись!

Солдаты покинули строй и разошлись обратно по спальным местам. От Катона не укрылось, что многие недовольно ворчали на командиров, мол, они сами не знают, что им надо: то затевают построение, как для смотра, то отменяют. Нет бы дать людям отдохнуть. Молодой центурион уже усвоил, что таков армейский уклад: солдата непременно нужно чем-то занять, ведь безделье – злейший враг дисциплины. Но сейчас случай был особый: люди измотаны, голодны, и их возмущение казалось вполне понятным. Но даже при этом...

Катон пригрозил жезлом паре солдат, чье ворчание достигло его слуха.

– А ну, тихо!

Бойцы – выдавшие виды ветераны – умолкли, но, перед тем как отвернуться, одарили центуриона презрительными взглядами. На миг Катона охватила холодная горькая ярость, и он чуть было не приказал наглецам вернуться, чтобы наказать их за дерзость. Легионер обязан уважать командира, если не как личность, то как старшего по званию и положению. Но пока Катон об этом думал, двое ветеранов уже исчезли в кругу других бойцов центурии, и предпринимать что-либо было поздно. Катон со злости ударил себя тростью по левой ладони и поморщился от боли, которую сам себе причинил будто в наказание за собственную неисправимую нерешительность. Вот Макрон, тот бы мигом обоим яйца открутил.

Повернувшись, Катон увидел, что остальные центурионы направляются к Максимию, за спиной которого так и стоит, дожидаясь неведь чего, конвой. Катон поспешил присоединиться к остальным: презрение к себе, только что так его удручавшее, сменилось тревожным любопытством. Центурионы стали перед командиром когорты тесным полукругом. Максимий по-прежнему был в одной тунике и явно испытывал неловкость, что в таком виде обращается к подчиненным, которые одеты как на парад.

– Легат выслушал мои показания. Сейчас он хочет переговорить с каждым из вас по отдельности. Присутствующий здесь опцион поведет вас на допрос в порядке старшинства. Друг с другом ничего не обсуждать. Все ясно?

– Так точно, командир, – тихо отозвались центурионы.

Потом Туллий поднял руку.

– Да?

– Как насчет солдат, командир?

– А что насчет солдат?

– Кто-то из них тоже потребуется там или как?

– Нет. Пусть остаются здесь. И не стоит их дергать, объяви, что сегодня хозяйственный день.

Туллий хмуро кивнул. «Хозяйственные дни» объявляли редко. Они были, по сути, днями отдыха, когда легионерам формально предписывали приводить в порядок снаряжение, а в действительности предоставляли возможность отдохнуть, поболтать и поиграть в кости. Солдаты, ясное дело, очень любили такие дни, а центурионы, наоборот, относились к этому неодобрительно, считая, что дни отдыха только расслабляют личный состав, нанося ущерб порядку и дисциплине. Правда, командир, отдававший подобный приказ, мог рассчитывать на некую толику популярности.

– Хозяйственный день, – кивнул Туллий. – Будет исполнено. Объявить им прямо сейчас?

– Нет, я объявлю сам. Ты сейчас пойдешь с оптием.

– Есть, командир.

Туллий перевел взгляд на бесстрастные лица конвоиров. Максимий заметил озабоченное выражение его лица и тихо заговорил с командирами:

– Все в порядке. Я сделал то, о чем говорил вам раньше. Вам не о чем беспокоиться. Просто говорите правду.

– Центурион Туллий, – громко сказал оптий и указал рукой на конвой. – Прошу последовать с нами, командир.

– Да, конечно, – отозвался Туллий, нервно сглотнув.

Расстегнув ремни шлема, Туллий шагнул навстречу конвоирам, взял увенчанный гребнем шлем под мышку и зашагал в сторону палаток. Конвой последовал с ним. Когда они оказались вне пределов слышимости, центурион Антоний подступил к командиру когорты поближе:

– Что случилось, командир?

Максимий посмотрел на него безо всякого выражения:

– То, что случилось со мной... не имеет никакого отношения к вам. Понятно?

Антоний опустил глаза:

– Прошу прощения, командир. Просто... просто я беспокоюсь. Никогда раньше ни с чем подобным не сталкивался.

Губы Максимия расплылись в легкой улыбке.

– Так ведь и я тоже. Ты просто отвечай на вопросы, которые будет задавать тебе легат. Отвечай предельно правдиво и помни, что ты не кто-нибудь, а центурион лучшего легиона империи. Если центуриона и может что-то в жизни беспокоить, так это варвары, зараза, нехватка вина да безумная ревность женщин. Ну а расспросы... – Он покачал головой. – От расспросов тебе никакого вреда не будет.

Антоний улыбнулся. Заулыбались и остальные. Даже Катон, проведенный детство в императорском дворце, хорошо знал: неправильный ответ на вопрос может убить человека вернее, чем самый могучий варварский воин.

Все утро и первую половину дня центурионы провели у тлеющих остатков костра, сложенного рабом, чтобы приготовить завтрак. Вернувшись с допроса, Макрон достал из кожаного вещмешка оселок и принялся точить свой и без того острый меч. Он ни с кем не перемолвился ни словом, даже с Катоном, и прятал глаза, чтобы не встречаться взглядами с другими центурионами, словно полностью сосредоточился на точильном камне и сверкающем полированном клинке.

Пока Антоний был на допросе, Туллий с Феликсом играли в кости, причем удача улыбалась Феликсу. Ему так везло, что казалось, это нарушает все законы вероятности. А поскольку

набор костей принадлежал именно Феликсу, у Туллия, обычно весьма доверчивого, стали зарождаться подозрения.

Катон некоторое время с любопытством наблюдал за игроками. Сам он никогда не играл в азартные игры, где все решает случай, и считал их занятием для слабоумных. Правда, живя в Риме, он порой делал ставки на скачках в Большом цирке, когда случалось разжиться деньгами, но только тщательного изучив и сопоставив шансы всех участников.

Максимий сидел чуть в стороне от прочих, спиной к подчиненным, и смотрел в сторону брода и усеянного мертвыми телами дальнего берега. Катон сочувствовал ему, хотя за короткое время совместной службы претерпел от командира когорты немало обид. Однако любой человек, оказавшийся в подобном положении, представлял бы собой плачевное зрелище – и солдат, и тем более старший центурион.

К тому же Максимий уже не молод, и, если расследование разрушит его карьеру, он вряд ли сможет добиться чего-нибудь в жизни. Станет рядовым легионером со скудным содержанием, а выйдя в отставку, будет влачить жалкое существование в какой-нибудь ветеранской колонии, предаваясь пьянству и воспоминаниям. Между тем вышедший в отставку центурион получал возможность поступить на гражданскую службу и даже выдвинуться в магистраты. Но, по-видимому, такое будущее Максимию не светит.

Катон отвел взгляд от командира когорты и посмотрел вниз, на манящую прохладой реку. Антоний все еще был на допросе, а когда он вернется, настанет черед Феликса. Таким образом, Катону хватит времени искупаться. Он снял тунику и повернулся к Макрону.

– Пойдем искупаемся? Ты как?

Макрон оторвался от своего дела и посмотрел на него с удивлением:

– Ты что, плавать собрался?

– Все лучше, чем здесь сидеть.

– Лучше? А толку-то?

Катон нахмурился:

– Так ты идешь или нет?

Макрон аккуратно вложил меч в ножны.

– Пожалуй, пойду. А то как бы тебя в омут не затянуло.

– Ага, на хрен! Ха!

Когда они вместе направились к выходу из лагеря, что был поближе к реке, Максимий крикнул вслед:

– Смотрите слишком долго не задерживайтесь.

Катон кивнул, а когда вновь повернулся к Макрону, тот глянул на него и устало поднял брови.

– Иногда мне хочется, чтобы мы снова оказались с теми местными ребятами в Каллеве. Хорошая была служба, все просто и ясно, и никаких тебе хреновых начальников, которые без конца следят за каждым твоим шагом.

– А мне помнится, ты всю дорогу твердил, что тебе не терпится вернуться на службу в легион.

– Так я ведь представить себе не мог, что вляпаюсь в такое дерьмо. Угораздило же нас оказаться под началом у этого Максимию. Я бы ему и полевую кухню не доверил.

– А мне он кажется толковым командиром. Да, он суров, бывает, что слишком груб, но свое дело, кажется, знает.

– Много ты в этом понимаешь, – буркнул Макрон, качая головой. – За пару месяцев хрен научишься различать, где дерьмо, а где нет. И посмотри на других. Туллий вечно торопится. Не знаю уж, как ему вообще удалось вчера продержаться... Одно могу предположить: он все-таки круче, чем кажется, – признал Макрон. – А Феликс с Антонием вообще слишком молоды и неопытны для командиров.

– Один на пять лет старше меня, а другой и вовсе на десять, – указал Катон.

– Что правда, то правда. И порой это сказывается. Но у тебя, по крайней мере, имеются мозги, да и глаз верный, и ты все на лету схватываешь. Не понеси легион в прошлом году такие большие потери, тут нашлись бы лучшие кандидаты на повышение, чем эти два придурка.

Макрон умолк, когда они проходили ворота, где по обе стороны на солнцепеке стояли навтыжку часовые. Центурионов пропустили без вопросов, и они двинулись по пологому склону вниз к реке. Высокая сухая трава шуршала под ногами. Они направлялись к месту на несколько сотен шагов выше брода по течению, подальше от все еще валявшихся на мелководье трупов. К сожалению, ветерок дул с противоположного направления, и с каждым его порывом, когда листья прибрежных ив начинали трепетать, их обдавало смрадом разлагающейся плоти.

Найдя место, где берег плавно спускался к воде, центурионы сняли туники и расшнуровали сапоги. Макрон с разбегу бросился в воду, подняв фонтан брызг, нырнул и почти сразу вынырнул, стряхивая капли с темных стриженных волос.

– До чего же вода холодная!

Он повернулся и мощными гребками поплыл на середину реки. Катон подождал, пока он отплывет от берега, потом сам спустился и вошел в воду. После изнуряющей жары летнего дня вода в реке казалась просто ледяной. Катон на цыпочках направился к Макрону, поднимая руки и вздрагивая всякий раз, когда его обдавало волной. Макрон, отплывший уже довольно далеко, повернулся и расхохотался.

– Эй, ну что ты как старуха несчастная. Давай сюда.

Катон стиснул зубы и, подогнув колени, полностью погрузился в воду. В первое мгновение юноша испытал шок, от холода перехватило дыхание, но, справившись с собой, он поплыл к другу, неуклюже загребая руками и стараясь держать лицо подальше от воды.

– Хорошо, что я решил пойти с тобой, – с улыбкой промолвил Макрон, когда Катон добрался до него и встал, коснувшись ногами дна. – Тебе явно недостает практики.

– А где мне было набраться умения?

– Давай я тебе сейчас все покажу.

Макрон постарался ознакомить друга с основами плавания, а Катон старательно учился, хотя до смерти боялся, что вода в любой миг сомкнется у него над головой. В конце концов Макрон бросил это занятие, и они уселись на отмели, так что река омывала им бедра, а солнце грело спины.

– Я мог бы к этому привыкнуть, – пробормотал Катон.

– А я нет.

Катон повернулся к старшему другу:

– Почему? Кто-то сказал что-то, о чем я должен знать?

– Нет. Просто легат, кажется, очень спешит. По-моему, он хочет покончить с расследованием как можно скорее и пуститься в погоню за Каратаком. Ему нужно спасти свою репутацию.

– С чего бы это? Разве он виноват в том, что когорты не было на месте, когда Каратак подошел к переправе?

– Да, его личной вины в этом нет, но наша когорта – часть его легиона, так что пятно позора все равно ляжет на легата, будь уверен. Кроме того, у него наверняка есть соперники, которые не упустят возможности облить его грязью.

– Соперники?

– О боги, Катон, ну нельзя же быть таким наивным. Веспасиан метит в преторы, а такого ранга достичь очень непросто. Говорят, что перед этим надо послужить в должности эдила. Имей в виду, с каждым шагом вверх по карьерной лестнице влиятельных постов становится все меньше, а вот соперничающих из-за них сенаторов – все больше. Чем выше пост, тем больше желающих его занять. Причем все это люди, способные собственным детям глаза выколоть,

если это поможет им подняться на ступеньку выше. И если никто из штаба командующего не попытается использовать нынешнюю неудачу, чтобы навредить легату, это будет просто чудо. А значит... – Макрон печально посмотрел на Катона. – Значит, Веспасиан неизбежно будет искать, на кого можно официально возложить всю вину.

– На нашу когорту?

– А на кого же еще?

– Бедный старина Максимий.

– Максимий? – Макрон разразился горестным смехом. – С чего ты взял, что он возьмет вину на себя?

– Да он же сам сказал, – удивленно промолвил Катон. – Сказал, что он в ответе за все.

– И ты ему поверил?

– Да, – серьезно ответил Катон. – Это ведь так и есть. Не отправься он в погоню за теми налетчиками...

– Не о том речь, дурачок. Ты правда поверил, что он примет на себя всю ответственность?

Катон призадумался.

– Он так сказал. И прозвучало это убедительно.

– А почему ты решил, что он не станет действовать в том же духе, что и легат? У Максимия ведь тоже многое стоит на кону, хоть он и не претендует на высокие посты. Он ведь старший центурион, верно?

Катон кивнул.

– Некоторые соображения применимы к нему в той же мере, что и к Веспасиану. Следующий возможный карьерный шаг для Максимия – это назначение в Первую когорту легиона. Пять должностей, на которые имеется девять претендентов. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, какое соперничество развернется между командирами других когорт. И уж если Максимий выйдет из игры, они, поверь мне, слез проливать не станут. Естественно, Максимий, как и легат, будет стараться переложить вину на кого-то другого. И кто, по-твоему, это будет?

– Ты?

– Угадал, – грустно промолвил Макрон. – Беда в том, что на мне цепочка командиров заканчивается, и я, таким образом, уже не могу переложить ответственность на кого-то еще. Ну разве что попытаюсь обвинить во всем хренова Каратака, которого здесь вообще не должно было быть.

– Ты можешь попытаться...

– Заткнись, Катон, так оно лучше будет. – Макрон поднял руку и указал на берег, где лежали их туники. – Давай-ка вернемся в лагерь. Скоро твоя очередь идти на допрос.

– Да, – согласился Катон и последовал за другом на сушу. – Нужно еще подумать, что мне говорить.

– Об одном тебя прошу: только не умничай, ладно? Будь попроще.

– Как тебе угодно, – ответил Катон, пожимая плечами.

Глава 16

– Вольно! – скомандовал Веспасиан, и Катон расставил ноги на ширину плеч и сцепил руки за спиной.

Он находился в личной ставке легата, посреди небольшой группы палаток, где размещался походный штаб Второго легиона. Боковые панели были приподняты, и внутрь проникал ветерок, ерошивший кончики тонких волос Веспасиана. Он сидел, откинувшись на стуле, а рядом на табурете устроился писец, держа на коленях вошьенные таблички.

– На тот случай, если ты не вполне понимаешь ситуацию, – резко заговорил Веспасиан, – да будет тебе известно, что командующий проводит расследование вчерашних событий. Он считает, что его приказы не были выполнены должным образом, в результате чего с поля боя удалось спастись нескольким тысячам вражеских воинов, включая, насколько нам известно, и самого Каратака. Если бы врага остановили возле брода, вся его армия была бы вынуждена сдаться и нам удалось бы обойтись без резни, случившейся, когда он попытался прорваться. В результате этой оплошности кампания против Каратака неоправданно затягивается, а империя лишилась пленников, стоимость которых могла составить миллионы сестерциев. Надеюсь, центурион Квинт Лициний Катон, ты осознаешь всю серьезность положения?

Легат сделал паузу. По невыразительному тону Веспасиана Катон догадался, что те же самые слова он говорил и остальным побывавшим на допросе центурионам. Катон достаточно хорошо понимал серьезность ситуации, однако подобное формальное обращение легата придавало всему происходящему угрожающий, даже зловещий смысл. Он откашлялся, прочищая горло:

– Так точно, командир, я понимаю.

– Хорошо. А теперь, центурион, я требую, чтобы ты описал все вчерашние передвижения и действия Третьей когорты, как ты это видел. Потрудись излагать все так, чтобы писец мог заносить твои показания на таблички. Чрезвычайно важно, чтобы эти записи были максимально точными.

– Да, командир.

Катон сосредоточился и начал подробнейшим образом рассказывать о том, как когорта дошла до аванпоста; о том, что они там обнаружили; о том, как центурия Макрона получила приказ раздобыть в разоренной крепости инструменты, какие найдутся, выступить к броду и соорудить заграждения, чтобы затруднить врагам переправу, после чего занять позиции и ждать прибытия остальной когорты, которая отправилась в погоню за налетчиками, мстя за гибель воинов гарнизона. Не моргнув глазом он поведал о том, как Максимий приказал ослепить пленных, после чего осмелился задать вопрос:

– Командир, был ли кто-то послан на поиски этих пленников?

– Да. Нынче утром туда отправился кавалерийский отряд, чтобы избавить их от страданий.

– О...

– Пожалуйста, продолжай.

Катон рассказал о том, как когорта форсированным маршем направилась к броду и перешла на бег, увидев, что центурия Макрона подверглась вражескому нападению; о том, как бойцы Макрона у них на глазах отступили, соединившись с когортой, выстроившейся на берегу, чтобы попытаться остановить продвижение врага; о том, что это не удалось и под натиском врага когорта вынуждена была с боем отступить в направлении основных сил Второго легиона.

Когда он закончил, Веспасиан кивнул и, взяв у писца табличку, перечитал показания Катона. Несколько раз легат сверял текст с записями предыдущих допросов, потом сам взял чистую табличку и стило, чтобы сделать несколько дополнительных пометок, и лишь после этого снова поднял взгляд на Катона:

– Еще несколько вопросов, центурион, и можешь быть свободен.

– Слушаю, командир.

– В крепости, когда центурион Максимий отдал приказ преследовать налетчиков, указали ли ему – ты или кто-то другой из центурионов, – что такого рода действие будет прямым нарушением приказа, отданного когорте?

– Я промолчал, командир. Будучи младшим центурионом и по возрасту, и по выслуге, я не счел себя вправе обсуждать распоряжения командира когорты. Остальные центурионы

тоже не возражали, за исключением Макрона. Он единственный пытался указать, что когорте предписано прибыть к броду в установленное время и мы уже опаздываем.

Веспасиан поднял бровь:

- Но из походного лагеря когорты выступила вовремя. В чем же причина задержки?
- По моему мнению, отряд маршировал медленнее, чем я привык, командир.
- Кто-нибудь еще это заметил?
- Может быть, кто-то и говорил. Но я не припоминаю.
- А Максимий?
- Не могу знать, командир.
- Хорошо...

Легат сделал еще несколько пометок и, переместив палец к нижней части таблички, задал следующий вопрос:

– Максимий приводил какие-либо доводы в пользу своего решения пуститься в погоню за налетчиками?

– В этом не было надобности, командир. Он командовал когортой.

– Понятно. Скажи, почему, по-твоему, командир когорты проигнорировал предостережение центуриона Макрона и все-таки пустился в погоню?

Катон понимал, что сейчас ступает на весьма зыбкую почву и должен продумать каждое слово, прежде чем отвечать легату.

– Полагаю, он был взбешен из-за расправы, которую варвары учинили над гарнизоном крепости.

– Он солдат и наверняка видел мертвецов и раньше, разве не так?

– Так точно, но... кажется, командир гарнизона был его другом. Хорошим другом.

– То есть, по-твоему, он нарушил приказ, поддавшись эмоциям?

Катон замер. Скажи он «да», и его показания могут стать губительными.

– Не могу знать, командир. Не исключено, что центурион Максимий счел, что этот отряд может быть опасен для когорты, если нападет на нас с тыла, пока мы будем оборонять брод. Возможно, он стремился устранить угрозу.

– Возможно, – повторил за ним Веспасиан. – Но ты этого не знаешь, потому что он об этой угрозе ничего не говорил. Так?

– Так точно, командир.

Веспасиан фыркнул:

– Тогда придержишься того, что ты знаешь точно, а не высказывай догадки.

– Прошу прощения, командир.

– Далее... Когда вы приблизились к броду и увидели, что вражеская армия штурмует остров, можешь ты сказать, что центурия Макрона оказывала врагу ожесточенное сопротивление?

– Ожесточенное сопротивление?

– Ладно, выразимся по-другому. Как долго они пытались защищать переправу после того, как увидели, что остальная когорта на подходе?

Катон мгновенно уразумел значение этого вопроса и впервые за все время разговора испугался за своего друга.

– Мне трудно судить об этом, командир. Я двигался в хвосте колонны.

Веспасиан вздохнул и похлопал стилем по табличке.

– Когда ты подошел достаточно близко, чтобы все видеть, они защищали брод?

– Нет, командир. Они отступали к берегу, а сам Макрон с небольшим отрядом прикрывал отступление. Центурия с боем отходила на соединение с остальной когортой.

– А что, с того места на дальнем берегу, где находился ты, этот бой был виден?

– Не вполне, командир.

– Не вполне?

– Обзор частично закрывали деревья, командир.

– Таким образом, ты не можешь точно сказать, был Макрон отброшен превосходящими вражескими силами или просто покинул занимаемую позицию?

Катон ответил не сразу. Он просто не мог. Впрочем, ответ он отрицательно, это хоть и не обвинило бы друга, но вряд ли смогло бы ему помочь.

– Ты знаешь Макрона, командир. Знаешь, какой он солдат и какой человек. Он никогда не отступит без боя и будет держаться до последнего. И даже тогда...

– Это не имеет отношения к делу, центурион Катон, – прервал его Веспасиан. – Я по-прежнему жду от тебя прямого ответа на заданный мною вопрос.

Некоторое время Катон беспомощно смотрел на легата, после чего пробормотал:

– Нет... битвы на острове я видеть не мог.

Веспасиан сделал еще одну пометку, после чего пристально посмотрел на Катона. «Ну вот, – подумал молодой центурион, – сейчас будет самое главное. Самый опасный вопрос легат наверняка приберег напоследок».

Катон постарался сосредоточиться.

– Ну, осталось прояснить совсем немного, и я тебя отпущу. Как я понимаю, по прибытии к броду Третья когорта предприняла попытку остановить врага?

– Так точно, командир.

– И насколько, по твоему мнению, эффективной была оборона?

Не успел Катон сформулировать объективный ответ на этот вопрос, как перед его мысленным взором возникла картина отчаянной кровопролитной схватки.

– Противник значительно превосходил нас числом, командир. Мы были вынуждены отступить.

– Вынуждены?

– Так точно, командир. После того как они вытеснили нас с брода, возникла угроза, что они зайдут с флангов. Нам пришлось отойти и перестроиться, иначе бы нас перебили.

– А тебе не приходило в голову, что, прояви Третья когорта больше решимости и стойкости, битва могла бы завершиться для нас полным успехом?

– Командир, кто спорит? Сумей мы продержаться, результат был бы иным. Но при всем моем почтении, тебя там не было.

Писец нервно втянул ноздрями воздух и боязливо покосился на легата. Веспасиан был разъярен: где это видано, чтобы самый младший центурион легиона так говорил с легатом? Некоторое время он продолжал буравить Катона взглядом, но потом щелкнул пальцами и велел писцу:

– Эту последнюю фразу сотри, ее в отчете быть не должно.

Писец перевернул стило и использовал плоский конец, чтобы стереть оскорбительные слова, а Веспасиан тихо обратился к центуриону:

– Принимая во внимание твой послужной список и предыдущие заслуги, я оставляю эту твою выходку без последствий. Но имей в виду, в другой раз я не буду столь снисходителен. Предписываю тебе, как и всем остальным, оставаться в лагере. Больше никакого купания – тебя могут вызвать в любой момент, без предварительного уведомления. Свободен!

– Есть, командир.

Катон вытянулся по стойке смирно, отдал честь, четко повернулся кругом и вышел из палатки, после чего побрел в расположение Третьей когорты. Обоз с провиантом подоспел еще раньше днем, и легионеры, наскоро подкрепившись, ставили палатки. Вместо разложенного на земле кучками снаряжения в лагере появились сотни палаток из козьей кожи, тянувшихся ровными рядами по обе стороны Преторианской дороги. Солдаты перетащили снаряжение внутрь и теперь или спали в тени палаток, или, собравшись небольшими группами, тихонько болтали о чем-то своем, греясь на солнышке. Добравшись до расположения своей центурии, Катон убе-

дился, что его бойцы тоже устроили лагерь как положено, поставив палатку и для него. Зайдя внутрь, он начал расстегивать ремни, но тут падавший через открытый полог солнечный свет загородила тень. Катон поднял взгляд и увидел Макрона.

– Вот смотрю, ты вернулся. Как дела?

– Хреново. Похоже, я все время говорил не то, что надо.

– Понимаю, – промолвил Макрон с горькой улыбкой. – Хотя обычно ты в разговоре не теряешься.

– Да я и сейчас вроде как не терялся. Только сдается мне, ничто из того, что я говорил, не имело значения. Похоже, легат уже составил свое мнение о том, что произошло. – Катон прекратил возиться с пряжками и устался в землю. – Думаю, у нас неприятности... большие неприятности.

Глава 17

Незадолго до сумерек Веспасиан направился с докладом на другой берег Тамесиса, в главный лагерь командующего Плавта. Он вез с собой протоколы допросов, которые были сложены в большие переметные корзины, притороченные на спине коня позади седла. Вспомогательные подразделения весь день копали глубокие рвы поблизости от брода, куда оттащили тела бриттов, убитых прошлым вечером. Трупы больше не отравляли воздух, но трава, где они недавно лежали, оставалась темной от запекшейся крови. Этот запах заставлял коня нервно раздувать ноздри, а Веспасиан гнал животное, желая поскорее подняться на кряж и оставить место побоища позади.

В лагере легат спешил перед штаб-квартирой командующего и подал знак одному из караульных, чтобы тот занес в шатер корзины с записями. Как раз когда последний отблеск закатного солнца исчез за горизонтом, дежурный писец сопровождал легата в шатер, где множество других писцов работали, составляя сводный административный отчет о вчерашней битве, который требовалось приукрасить для официальной истории.

Чего там только не было: списки личного состава, перечень потерь, расходные описи оружия и снаряжения. Тут же готовились проекты приказов, касающихся дальнейшего хода кампании. Веспасиан подумал, что скоро сентябрь, и Плавт надеется надежно окопаться на берегах Сабрины до того, как пойдут дожди и осенняя распутица прикует легионы к укрепленному лагерю. Сейчас, когда войско Каратака практически уничтожено, враг будет вынужден ограничиться мелкими вылазками – во всяком случае, до тех пор, пока племена не наберут новое ополчение, вооружат и обучат людей хотя бы основным боевым навыкам. Воинская каста, составлявшая ранее костяк его армии, понесла огромные потери еще в прошлом году, и представителей этого сословия уцелело совсем немного. Правда, среди уцелевших, скорее всего, находится и сам Каратак. А пока он жив, дух сопротивления будет жить в сердцах бриттов, угрожая в любой момент вновь разгореться пожаром войны против римских захватчиков.

Веспасиан нахмурился. Этот проклятый вождь был очень важен. Куда больше, чем тысячи его соплеменников, зарытых во рву рядом с рекой. Когда Веспасиана ввели к командующему, тот изучал большую карту, разложенную на столе. Рядом стояли другие легаты и старшие трибуны. Веспасиан поймал взгляд своего старшего брата Сабина и кивнул ему. Рядом со столом с откровенно скучающим видом сидел Нарцисс, тщательно очищавший грушу богато украшенным ножом.

– Веспасиан, ты присоединился к нам в интересную минуту, – промолвил командующий, вскинув глаза. – Мы только что получили донесения от конных подразделений.

Веспасиан кивнул солдату, принесшему корзины и поставившему их возле кожаной стенки палатки, жестом отпустил его, а сам присоединился к командирам, которые собрались у стола.

Карта представляла собой большой свиток из искусно выделанных кож. В штабе командующего на нее постоянно наносили новые и новые географические объекты, открытые на острове, уточняя и исправляя детали. Диспозицию римской армии обозначали красными деревянными кубиками с вырезанным на верхней грани номером подразделения. Символы вражеских сил на карте отсутствовали.

Командующий слегка кашлянул, прочищая горло:

– Нам известно, что вчера некоторому количеству врагов удалось ускользнуть. Предположительно, их около пяти тысяч. Я приказал кавалерии преследовать их и уничтожать, и командиры конницы докладывают, что порубили по меньшей мере две тысячи варваров, прежде чем те скрылись в обширных болотах... вот здесь. – Плавт подался вперед и похлопал по карте, указывая на территорию, расположенную милях в десяти-пятнадцати к юго-западу от брода. – Тамошные низины переходят в непролазные топи, благодаря чему варварам и удалось ускользнуть от нашей кавалерии. Но только после того, как они развернулись и дали нашей коннице бой. Мы стали нести потери, так что кавалерия отступила и сейчас патрулирует подходы к болотам. Таким образом, уважаемые, нам предстоит решить небольшую задачу. Конечно, в настоящий момент мы можем вообще игнорировать этих беглецов. В конце концов, их осталось не так уж много. Не настолько много, чтобы всерьез угрожать нашим маневрам. Но, с другой стороны, не приходится сомневаться в том, что они очень быстро вновь обретут боевой дух и станут нам досажать. Кроме того, они, конечно же, будут всячески подбивать другие племена противостоять Риму. Таким образом, наша непосредственная задача состоит в том, чтобы завершить дело и покончить с тем, что осталось от армии Каратака, и с ним самим, если он действительно уцелел во вчерашнем сражении. Необходимо воспользоваться тем, что Каратак зализывает раны, и извлечь из сложившейся ситуации все возможные преимущества. Значительных вражеских отрядов уже совсем не осталось, и мы можем наконец позволить себе рассредоточить силы для скорейшего достижения наших целей. Действуя быстро, мы сможем покрыть основную территорию Британии сетью дорог и укреплений. Когда это будет сделано, дикари лишатся возможности передвигаться по стране втайне от нас, а если и попытаются, то потребуются уже не военная кампания, а простая операция по наведению порядка, чтобы покончить с ними. Вот досюда...

Плавт потянулся за одним из кубиков и переставил его далеко на восток, на земли, обозначенные как принадлежащие икенам – племени, которое в прошлом году объявило о союзе с Римом.

Потом командующий повернулся к старшему из командиров, Хосидию Гета, легату Девятого легиона:

– Девятый легион перебазировается сюда, построит укрепленный лагерь и оттуда силами вспомогательных войск начнет постепенное продвижение на север, основывая по пути небольшие крепости, которые станут служить опорными пунктами армии. Тамошные племена в основном настроены к нам дружески. Это хорошо, но я хочу, чтобы мы продемонстрировали свою силу. Понимаешь? Ты должен дать им понять, что Рим пришел навсегда. Никаких походных лагерей – только постоянные укрепленные базы, и выглядеть они должны впечатляюще.

– Будет исполнено, командир! – живо откликнулся Гета и улыбнулся. – Ты уж положишься на меня, командир, я этих дикарей живо призову к порядку.

– А вот этого не надо! – заявил Плавт, подняв палец. – Как раз этого я категорически намерен избегать. Наши силы будут рассредоточены, и чего нам совсем не нужно, так это чтобы у варваров появились поводы для возмущения. После того как твой легион прибудет на место, надо будет принять все меры для установления добрых отношений с местными вождями племен. Бывай у них на пирах, ходи с ними на охоту. Пусть твои строители возводят для них мосты, бани, удобные виллы – делают все, чтобы они поняли, какие преимущества даст им присоединение к империи. Я хочу, чтобы эти варвары, обитатели болот, романизировались – и

чем скорее, тем лучше. Когда это произойдет, мы сможем подумать о расширении провинции на запад и на север.

Он жестом указал на земли, принадлежащие силурийцам и бигантианам, и командирам не удалось скрыть удивления от размаха его амбиций. Плавт, наблюдая за их реакцией, улыбнулся:

– Это работа на будущее, уважаемые. Всему свое время... А пока Двенадцатый продолжит движение к северу от Тамесиса, затем переправится через Сабрину и устроит там базовый лагерь. Я сам отправлюсь туда вместе с Двенадцатым легионом, так что прекрасная коллекция вин легата Сульпиция Пизона окажется под двойной охраной.

Командиры вежливо посмеялись, после чего командующий повернулся к Сабину:

– Ты возглавишь самую сильную колонну, которая выступит прямо на север. Вот сюда. – Плавт передвинул кубик Четырнадцатого легиона по карте так, что он оказался между Девятым и Двенадцатым. – Тебе предстоит построить дорогу, которая соединит все три легиона. Это позволит нам в случае необходимости быстро сосредоточить силы в нужном месте. Уважаемые, завершение кампании не за горами. Рим наконец сможет считать эти земли частью империи. Еще несколько лет, и Британия превратится в полноценную провинцию, которая будет платить налоги в имперскую казну.

– Я склонен думать, что в Риме этот дикий край уже считают частью империи...

Все командиры обернулись к Нарциссу, который, не глядя на них и очищая ножиком вторую грушу, продолжил:

– Ведь в конце прошлого года наш император прошел по улицам столицы в триумфальном шествии. То, чем вы здесь теперь занимаетесь, официально уже не война, а зачистка захваченной территории, и на вашем месте я бы не забывал об этом. Предположить, будто император не смог сокрушить бриттов и завоевать остров, – это уже пахнет предательством и играет на руку врагам государства. – Нарцисс положил нож, отправил сочную дольку груши в рот и улыбнулся. – Это просто добрый совет относительно того, как желательно составлять официальные отчеты. Надеюсь, никто на меня не в обиде. Прошу, дорогой командующий, продолжай.

Плавт резко кивнул и вновь обратился к карте.

– Веспасиан, ты остаешься на юге. Твоей главной задачей будет полный контроль над юго-востоком, и сделано это должно быть как можно скорее. По возможности, к концу этого сезона, пока получается вести военные действия. Остатки армии Каратака следует найти и уничтожить. Если нападешь на след самого Каратака, постарайся захватить его в плен. Желательно сохранить ему жизнь.

– Сохранить жизнь, командир? Я полагал, мы хотим навсегда убрать его с нашего пути.

– Мы его и уберем. Но присутствующий здесь секретарь императора желал бы отправить этого дикаря закованным в цепи в Рим, в подарок Клавдию. В качестве напоминания о проведенной нашим императором блистательной кампании по покорению бриттов.

– Не переусердствуй, командующий, – тихо промолвил Нарцисс.

Плавт предпочел сделать вид, будто не расслышал, и продолжил наставлять Веспасиана:

– По данным нашей разведки, болота занимают огромную территорию, до самой реки Сабрины. Топи пересекает множество троп, некоторые из них относительно сухие и ведут к небольшим поселениям, но значительные пространства просто залиты водой. Есть и довольно глубокие озерца, но они слишком малы для плавания на чем-то большем, нежели плот. Ходят слухи, что где-то на этих низинах Каратак обустроил укрепленный лагерь, но нам до сих пор не удалось захватить пленных, которые могли бы выдать его расположение. Понимаю и признаю, Веспасиан, что это будет непросто, но мне необходимо, чтобы ты нашел спасшихся врагов и уничтожил. Если обнаружишь лагерь, разрушь его до основания. Сможешь захватить Каратака живым – сделай это.

Плавт помедлил и улыбнулся.

– Но если не получится, ничего страшного. Думаю, мы найдем что преподнести императору в память о его путешествии в Британию.

– Мудрые слова, – поддержал его Нарцисс.

Веспасиан присмотрелся к карте. Болотистые низины действительно занимали громадную территорию, и границы их были отмечены лишь приблизительно, на основе сведений, полученных от местных жителей и торговцев. Более или менее подробно на карте была изображена лишь долина, что тянулась вдоль края топей, следуя руслу реки, которая, собственно, и питала болота. На карту было нанесено несколько троп, предположительно пересекающих эту зону, и Веспасиан провел вдоль одной из них пальцем, прослеживая вероятный маршрут. Палец запачкался, – видимо, объект был нанесен на карту совсем недавно. Командующий поморщился, глядя на образовавшуюся кляксу.

– Обещаю, как только мы обновим карту, для тебя будет сделана копия. Итак, легат, врагов осталось немного, а значит, и покончить с ними не составит для тебя особого труда. А как только ты сокрушишь Каратака и остатки его сил, с сопротивлением на юге будет покончено. – Глаза командующего воодушевленно сверкнули. – Вот так, уважаемые. У кого есть вопросы? Нет вопросов? Очень хорошо. Письменные приказы все получают в ближайшее время. Выступить из лагеря вам предстоит послезавтра, так что рекомендую начать подготовку.

– Всего один день на подготовку, командир? – с недовольным видом уточнил Сабин.

– По-моему, я ясно выразился. Мы и так потеряли в этом году уйму времени и теперь должны действовать быстро, чтобы его возместить. А сейчас, если вопросов больше нет, предлагаю всем разойтись по своим легионам и взяться за работу.

Веспасиан дождался, пока легаты и трибуны разошлись, после чего подошел к командующему:

– Командир, я опросил всех центурионов своей Третьей когорты, их показания записаны и доставлены сюда.

Он указал на корзины, стоявшие возле стены палатки.

– Хорошо. Я передам эти документы моему главному писцу, он подготовит все необходимое для официального разбирательства. Если будем действовать быстро, то покончим с этим за несколько дней.

– Нет, – вмешался Нарцисс, – это надо сделать незамедлительно.

Командующий Плавт повернулся к вольноотпущеннику, и Веспасиан отметил, как он сжал челюсти, с трудом сдерживая гнев.

– Прошу прощения, Нарцисс, ты хочешь добавить что-то свое к дисциплинарным процедурам, принятым в моих легионах?

– Ты, очевидно, хотел сказать «в императорских легионах».

– Конечно.

Нарцисс улыбнулся:

– Боюсь, я вынужден тебя поторопить. Ты ведь знаешь, на рассвете я отбываю в Рим, и мне необходимо отправиться туда с докладом.

– Да... постыдная история.

– Вот именно. Мне ведь в любом случае придется упомянуть о том, как вчера была упущена возможность окончательно разделаться с Каратаком.

– Ну естественно.

– Император и сенат должны знать, что виновные в провале выявлены и понесли должное наказание. Поэтому, боюсь, провести настоящее, соответствующее процедуре расследование мы не сможем за неимением времени. Нужно действовать безотлагательно, прямо сейчас.

– Сейчас? – Командующий нахмурился.

– Сегодня вечером, – твердо заявил Нарцисс. – До конца ночи следствие должно быть завершено, а вынести приговор виновным необходимо к утру, до моего отъезда.

– Абсурд! – возмутился Плавт. – Это невозможно!

– Вовсе нет. А насчет того, что возможно, а что нет, я скажу тебе следующее. Вполне вероятно, что в Риме с большим неодобрением отнесутся к провалу твоей попытки уничтожить Каратака и его войско. Если только я не смогу убедить их, что ты одержал решающую победу. Бегство Каратака можно представить как досадную мелочь, тем более что виновные в том, что ему удалось ускользнуть, были незамедлительно изобличены и понесли кару. Ясно, что лучше всего для этого подойдет кто-нибудь из Третьей когорты Веспасиана.

– Но мы же еще не проводили расследование, – указал командующий. – Мы не можем признать кого-либо виновным без соответствующей процедуры.

– И все-таки это придется сделать, мой дорогой командующий, потому что иначе виновным можешь оказаться ты.

Нарцисс выдержал паузу, чтобы угроза дошла до собеседников, и заговорил снова, в своей обычной учливой, невозмутимой манере:

– Итак, могу я предположить, что ты отдашь необходимые приказы?

Командующий Плавт гневно уставился на грека, мечтая подвергнуть этого наглеца и выскочку страшным пыткам, которые рисовались сейчас его воображению. От бесцеремонной дерзости грека перехватывало дыхание, но социальная пропасть, разделявшая сенатора и вольноотпущенника, который всего несколько лет назад был рабом Клавдия, стиралась тем простым фактом, что Нарцисс стал самым близким и доверенным советником императора. И если император управлял Римом, то императором – и Плавт это знал – управлял вольноотпущенник. Только сейчас Нарцисс обрел соперника в лице интриганки Мессалины, юной жены Клавдия, но это сделало коварного грека еще более опасным.

– Приказы будут отданы.

– Большое спасибо, командующий.

Нарцисс вновь сосредоточился на очищенной от кожицы груше, лежавшей на серебряной тарелке, которую он держал на коленях: теперь он старательно разрезал грушу на аккуратные ломтики поблескивающим ножиком.

– Известить меня, когда все будет готово. Я подожду здесь.

Плавт, которого с души воротило от пребывания в одной палатке с вольноотпущенником, подхватил вьючные корзины, хлопнул Веспасиана по плечу и подтолкнул к выходу. Оказавшись в палатке писцов, вне пределов слышимости для Нарцисса, Плавт негромко обратился к подчиненному:

– Тебе лучше вернуться к своему легиону. Третья когорта должна построиться без оружия, в одних туниках, и к ней надо приставить стражу.

– Почему, командир? Зачем подвергать их такому позору?

– Затем, чтобы они почувствовали стыд. Чтобы знали: если опозорилось подразделение, то это распространяется на каждого, вне зависимости от должности и звания. Это послужит хорошим примером для других когорт.

– Но, командир...

Эта немыслимая спешка с расследованием сбивала легата с толку, мешая сосредоточиться.

– Подумай о боевом духе солдат. Такое публичное унижение станет позором для легиона, и все, чего мы добивались в ходе этой кампании, – сплоченность солдат, возможность гордиться своим подразделением – пойдет псу под хвост.

Плавт остановился и повернулся к легату, подняв брови.

– Псу под хвост? Какое вульгарное выражение. Мне кажется, ты проводишь слишком много времени в обществе простолюдинов... Возможно, тебе стоит вернуться в Рим, пока ты не забыл, кто ты таков.

– Я знаю, кто я, – холодно ответил Веспасиан. – А также знаю, что правильно, а что нет. И говорю тебе: то, что мы тут устраиваем вместо настоящего расследования, – это большая ошибка. Ничего хорошего из этого не выйдет... командир.

Плавт уставил на него взгляд:

– Сдается мне, легат, ты забыл, кем являешься. Я отдал тебе приказ. Отправляйся к себе в легион и подготовь все к слушанию. Как только я обговорю этот вопрос со своими писцами, сразу же прибуду в расположение твоего легиона, и мы немедленно приступим к делу. Если же к тому времени необходимые приготовления не будут завершены, я расширю рамки расследования и не ограничусь командирами твоей Третьей когорты. Я ясно выразился?

– Так точно, командир.

– Тогда исполняй.

Глава 18

Старший трибун Плиний набрал побольше воздуха в грудь и выкрикнул приказ:

– Центурионы, ко мне!

Перед штабными палатками Второго легиона ровными шеренгами стояли бойцы когорты Максимия. Уже стемнело, но их строй был хорошо виден благодаря колеблющемуся свету множества факелов, которые горели в поднятых над головами руках легионеров Первой когорты, назначенных в конвой. В отличие от своих товарищей, подчиненные Максимия были без оружия и даже без доспехов, в одних туниках. Весь лагерь уже оповестили о том, что эти бойцы осуждены и скоро их могут изгнать из лагеря в наказание за то, что днем раньше они не смогли удержать брод. Некоторые солдаты были откровенно напуганы. «Не удивительно, – думал Катон, строевым шагом направляясь к старшему трибуну. – Это ведь и вправду страшно – оказаться без укрытия от непогоды и без оружия, чтобы защититься от вражеских шаек, которые запросто могут соблазниться возможностью, ничем не рискуя, раздобыть несколько голов римских захватчиков. И ведь неизвестно, сколько это наказание продлится».

Катон встал рядом с другими центурионами, образовавшими шеренгу перед старшим трибуном. По обе стороны от них выстроился конвой.

– Шагом марш! – скомандовал трибун, и группа направилась ко входу в самый большой шатер.

Полог был отдернут и закреплен, и было видно, что изнутри шатер залит ярким светом укрепленных на стояках масляных ламп. Сквозь проем Катон заметил, что рабочие столы писцов сдвинуты вместе, образуя длинный стол в задней части шатра, перед которым пространство оставалось свободным.

Еще несколько столов стояли сбоку: за ними уже сидели писцы, готовые вести протокол заседания.

По приказу трибуна Плиния конвой провел центурионов в шатер, и Плиний жестом велел всем выстроиться перед пустым столом. Конвоиры, держа руки на рукоятках мечей, сформировали шеренгу за их спинами. Писцы склонились над табличками со стило в руках, готовые вести записи. Все молча замерли в духоте шатра, ожидая появления членов трибунала. Катон, в первый раз оказавшийся в подобном положении, внутренне робел, но твердо решил никак не выдавать своего страха. Вытянувшись в струнку, он смотрел прямо перед собой. Однако невольно взгляд его скользнул по шеренге товарищей, и он заметил, что Феликс беспрерывно сжимает и разжимает кулаки. Неожиданно он повернул голову, и их взгляды встретились. Катон слегка кивнул, указывая глазами на кулаки, и, посмотрев вниз, Феликс явно удивился тому, что сжимает и разжимает пальцы, сам того не замечая. Он тут же прекратил нервные движения, благодарно подмигнул Катону и снова устремил взгляд вперед. Что же до Катона, ему полегчало оттого, что не он один в нынешних обстоятельствах полон тревоги.

Откинулся боковой полог, и в шатер вошел префект лагеря. Он шагнул в сторону и громко приказал:

– К прибытию высших командиров: встать, смирно!

Писцы встали из-за столов и вытянулись в струнку точно так же, как подконвойные центурионы и стража. Легат и командующий, войдя в шатер, быстро направились на свои места. После небольшой паузы появился Нарцисс и уселся по другую сторону от командующего.

Как только он занял свое место, префект выкрикнул:

– Вольно!

Командующий Плавт не мешкая приступил к делу.

– Прежде чем начать слушания, я прошу занести в протокол, что чрезвычайные обстоятельства делают невозможным проведение обычной, оговоренной уставом процедуры, поскольку расследование требуется завершить как можно скорее. В связи с этим я объявляю, что приговор будет вынесен сразу по окончании заседания трибунала и безотлагательно, при первой возможности приведен в исполнение.

Командиры Третьей когорты переглянулись, обеспокоенные столь серьезным нарушением их прав. Если бы слушания происходили в крепости или базовом лагере, они велись бы дольше и тщательнее, и обвиняемые имели бы больше возможностей защититься. В полевых условиях допускалось некоторое упрощение процедуры, однако в данном случае ею фактически пренебрегали, что буквально ошеломило центурионов.

Прежде чем кто-то попытался возразить, командующий продолжил:

– Настоящее расследование имеет своей целью выяснить: соответствует ли исполнение обязанностей бойцами и командирами Третьей когорты высоким требованиям, которые мы предъявляем к тем, кому оказана честь нести службу во имя императора Клавдия, а также сената и народа Рима. Суть рассматриваемого вопроса в том, что на августовские иды сего года командир когорты Гай Норбан Максимий не выполнил полученный приказ. Результатом этого пренебрежения долгом стало бегство пяти тысяч вражеских солдат. Кроме того, отдельным пунктом, согласно показаниям Максимия, центурион Люций Корнелий Макрон обвиняется в том, что не оказал должного отпора врагу, защищая остров посередине реки, и отступил, дав противнику возможность преодолеть переправу. В свою очередь, Третья когорта под началом упомянутого выше Максимия, встретив противника на берегу реки, не проявила должной стойкости и упорства в отражении атаки. После тщательного ознакомления с представленными мне материалами допросов у меня сложилось мнение, что вся Третья когорта, и в первую очередь ее командный состав, разделяет вину за случившееся. Однако прежде, чем будет вынесено решение, я спрашиваю, желает ли кто-то из командиров воспользоваться возможностью ответить на обвинения?

Командующий Плавт поднял взгляд, ожидая, решится ли кто-то из центурионов высказаться в свое оправдание.

Макрон стиснул зубы от горечи и ярости, ведь центурион Максимий фактически обвинил его в предательстве. Однако сам он не мог выступить в свою защиту, у него не было возможности оправдаться, и оставалось лишь гневно смотреть на человека, который был не только истинным виновником произошедшего, но и лгуном. Ведь он обещал командирам признать свою вину, но вместо этого, выгораживая себя, договорился до того, что позорное обвинение пало на его товарищей. И уж совсем непростительно было, что, стараясь расширить круг обвиняемых, он фактически ослабил всех бойцов когорты.

– Командир, могу я высказаться?

Все взоры обратились к Веспасиану.

– Говори, легат. Но кратко и по существу дела.

– Слушаюсь, командир. Итак, прошу занести в протокол, что я возражаю против всех выдвинутых обвинений.

Глаза Плавта расширились от изумления: он никак не ожидал открытого противодействия своему, как он считал, непререкаемому суждению. Командующий нервно сглотнул и лишь потом спросил:

– На каком основании?

Веспасиан заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

– На том основании, что рамки прозвучавших обвинений слишком узки. Не отрицая того, что Третья когорта действительно не проявила должной быстроты и доблести при выполнении поставленной задачи, я не могу обойти вниманием факт, что ей приказано было оборонять брод от возможных беглецов с места основного сражения. Предполагалось, что основное сражение развернется у двух других бродов. Никто не думал, что Максимию и его бойцам придется противостоять всему вражескому войску.

Веспасиан выдержал паузу и глубоко вздохнул, прежде чем перейти к сути.

– Вопрос, который я хотел бы увидеть занесенным в протокол, таков: что же все-таки помешало армии командующего Плавта заставить противника принять бой на наших условиях, у тех двух бродов, где это планировал сам командующий?

Потрясение и изумление всех находившихся в шатре были столь велики, что воцарилась гробовая тишина. Присутствующие лишь переводили взгляды с командующего на легата и обратно, ожидая, как отреагирует Плавт на эту неприкрытую атаку.

Катон чувствовал, как в воздухе шатра повисло напряжение, словно в преддверии яростной бури. Плавт сначала ошеломленно тараторил на Веспасиана, потом перевел взгляд на Нарцисса. Секретарь императора слегка покачал головой. Плавт повернулся к собравшимся в палатке:

– Данный вопрос не относится к предъявленным обвинениям и, следовательно, задан не по существу. – Он глянул на писцов. – А потому внесен в протокол не будет.

– Это неприемлемо, командир.

– Очень даже приемлемо, легат. Я отдаю это распоряжение своей властью.

– Командир, ты не вправе осуждать бойцов за то, что они не смогли устоять перед многократно превосходящими их числом силами противника.

– В истории многих армий имеются примеры героического самопожертвования, – с язвительной улыбкой указал Плавт.

– Имеются, – согласился Веспасиан. – Однако если мы обвиняем Третью когорту в том, что она не выполнила свою задачу и не сдержала противника, но освобождаем от обвинений тех, кто не выполнил свою задачу и не вынудил врага принять бой, по чьей вине когорта оказалась лицом к лицу с целой армией, то не прибегаем ли мы к двойным стандартам? Ты обвиняешь этих командиров и их легионеров в том, что они не справились с заданием. Но при этом ни в чем не обвиняешь тех, кто, действуя под твоим непосредственным командованием, не проявил достаточной оперативности, чтобы захлопнуть тобою же задуманную ловушку. А ведь именно из-за того, что эти люди не преуспели в выполнении полученных приказов, враг сумел избежать западни и обрушиться всей силой удара на Третью когорту.

«Ну, тут легат перегнул палку», – подумал Катон, оглядывая помещение. Потрясение на лицах находившихся в шатре командиров красноречиво говорило о том, как далеко отступил Веспасиан от обычного порядка таких заседаний. Командующий смотрел на своего подчиненного: он был охвачен таким гневом и изумлением, что некоторое время не мог вымолвить ни слова. Наконец, откашлявшись, он обратился к писцам:

– Занесите в протокол: легат предпринял попытку препятствовать проведению слушаний. В будущем мы непременно проведем дополнительное расследование, касающееся его неуместных заявлений, но в настоящий момент вернемся к непосредственному предмету слушаний. Будем рассматривать конкретные обвинения, одно за другим. Центурион Максимий.

– Да, командир.

– Ты отрицаешь обвинение в невыполнении приказа?

– Да, командир.

– Да?

– Мы двигались к броду с максимальной быстротой, командир. Но когда обнаружили, что аванпост захвачен, я счел опасным продолжать путь, зная, что противник может угрожать нашим флангам и тылу. Мы настигли врага, разбили его и продолжили путь к броду в полном соответствии с полученным приказом, командир.

– Было ли твое решение немедленно расправиться с налетчиками продиктовано исключительно тактическими соображениями?

– Разумеется, командир, – ответил Максимий после едва заметной заминки.

– А не пытался ли кто-то из командиров отговорить тебя?

– Припоминаю, некоторое несогласие имело место. Но у меня не было времени разьяснять ситуацию каждому по отдельности. Кроме того, после того как старший центурион отдает приказ, все споры заканчиваются.

– Это верно, – кивнул Плавт и обратил свой взор к Макрону. – Переходим ко второму обвинению. Центурион Макрон, почему брод не был защищен должным образом до прибытия неприятеля?

Макрон оторвал взгляд от Максимия, постарался согнать с лица гневное выражение и шумно прочистил горло.

– Потому что этим занималось меньше людей, чем следовало, командир. И, кроме того, в разоренной крепости мы почти не нашли пригодных для работы инструментов – большую их часть сожгли налетчики. Поэтому мы прибыли к броду, не имея ни инструментов, ни времени для того, чтобы вырыть ров и насыпать вал. Лучшее, что мы могли сделать, – это соорудить из поваленных деревьев, ветвей и сучьев заграждение на острове да забить в речное дно на переправе заостренные колья. У нас и топоров-то, считай, не было, так что рубить деревья пришлось мечами.

– Звучит убедительно. Я согласен с тем, что у вас вряд ли была возможность защитить брод лучше. Но почему вы отступили до того, как к переправе подошла остальная когорта? Твой отряд понес тяжелые потери?

– Никак нет, командир.

– Вас обошли с флангов, угрожая окружить?

– Никак нет, командир.

– Так почему же вы прекратили обороняться и отошли? Очевидно, на то были веские основания.

Макрон выглядел удивленным.

– Да, разумеется, командир.

– Излагай.

– Во время второй атаки противнику удалось разрушить часть нашего заграждения, и они готовились нанести удар по бойцам, оставшимся без прикрытия. При этом, командир, враг собирался использовать тяжелую пехоту, построившуюся «черепашей». Увидев это, я понял, что удержать остров мы не сможем и в такой ситуации разумнее отступить, соединиться с центурионом Максимием и попытаться удержать наш берег реки.

– «Черепашей»? – Плавт насмешливо улыбнулся. – Ты утверждаешь, что они построились «черепашей»?

– Так точно, командир. И сделали это достаточно умело.

– О, уверен, так оно и было, центурион. Настолько умело, что смогли обратить тебя в бегство.

– Я не бежал, командир, – резко возразил Макрон. – Никогда не бегал и не побегу.

– А что же ты в таком случае сделал?

– Кажется, в наставлениях такой маневр именуется «отступлением с боем».

– Хм... мы об этом подумаем... – Командующий Плавт бросил взгляд на свои заметки. – А пока перейдем к последнему пункту. Центурион Максимий, готов ли ты утверждать, что твои бойцы защищали берег реки настолько стойко и доблестно, насколько это предписывал им долг?

– Честно говоря, нет, командир. Легионеры валились с ног от усталости. Последнюю милю перед бродом мы преодолели бегом и прямо с марша бросились в бой, не успев даже отдышаться. Люди были вымотаны до предела, а когда они увидели, какое множество врагов собралось на том берегу, намереваясь напасть на нас...

– Ну?

Максимий опустил глаза, глядя на носки сапог:

– Думаю, командир, они испугались. Не были готовы сразиться с таким множеством варваров. Поэтому мы отступили от берега и стали дожидаться подкрепления. У меня не было выбора. Нет смысла бросать когорту в бой, если она к нему не готова. – Он посмотрел на командующего с вызовом. – В любой другой день...

– Центурион, – прервал его Плавт. – Ни о каком другом дне речи не идет. И одного этого хватит с избытком. Ты и твои бойцы продемонстрировали полное несоответствие высоким требованиям, какие налагает на солдата звание легионера.

Прежде чем вынести заключительное суждение, командующий выдержал паузу. Он сделал это не просто ради дешевого театрального эффекта. Плавту хотелось, чтобы эти люди пережили несколько мгновений настоящего ужаса в ожидании решения, касающегося их участи.

– Третья когорта лишается права на пребывание в лагере на шесть месяцев. Со знамен всех центурий будут удалены награды и знаки отличия, начисление выплат будет приостановлено, рацион ограничат ячменем и водой. Приговор вступает в силу немедленно.

Несмотря на полугодовую перспективу тяжелого полуголодного существования, самым сильным чувством, которое испытал Катон, был стыд. Каждому подразделению в армии станет известно, что он вместе с прочими бойцами и командирами когорты пренебрег своим долгом. Куда бы они ни направились, придется маршировать под оголенными штандартами, знаками бесчестия. Тень этого приговора будет лежать на нем куда дольше оговоренных шести месяцев: память о преступлении всегда превосходит срок наказания.

Командующий сложил свои таблички и уже собирался встать, когда Нарцисс вдруг подался к нему и положил руку на его плечо.

– Один момент, командующий.

– В чем дело?

Нарцисс склонился к Плавту поближе и заговорил так тихо, что слышать его мог только он. В шатре воцарилась неестественная тишина: все затаили дыхание и напрягли слух, пытаясь уловить хотя бы слово. Несколько мгновений Плавт внимательно слушал, потом на его лице появилось выражение ужаса, и он покачал головой. Нарцисс заговорил еще более настойчиво, тыча в направлении командующего пальцем, чтобы подчеркнуть важность сказанного. Спустя некоторое время командующий, по-видимому, уступил и мрачно кивнул, после чего повернулся к Веспасиану и что-то шепнул. Поджав губы, Веспасиан посмотрел на командиров Третьей когорты.

Командующий Плавт откинулся назад, сложил руки на груди и обратился к собравшимся в шатре:

– В силу серьезности вины Третьей когорты, пренебрегшей своим долгом, а также в назидание всей армии, служащей в этой провинции и за ее пределами, приговор дополняется указом о децимации. Жеребьевка по центуриям будет проведена немедленно. Казнь состоится послезавтра на рассвете, на глазах у представителей всех легионов. Трибун! Отведи этих командиров к их подразделениям.

Когда центурионы покидали шатер, Катон непроизвольно отмечал выражение их лиц. Максимий смотрел себе под ноги, не решаясь ни с кем встретиться взглядом. Лицо Туллия сделалось пепельно-бледным. Макрон был в ярости и, проходя мимо Катона, слегка покачал головой в знак горького негодования. Феликс и Антоний выглядели ошеломленными. Наконец дошла очередь и до самого Катона. Он двинулся к выходу за остальными, чувствуя странное онемение, словно жестокая окружающая действительность вдруг сделалась смутной и отдаленной.

Децимация. До сих пор он только слышал об этом наказании – самом страшном, которому мог подвергнуться личный состав легионов в походных условиях. Одного человека из десяти, выбранного по жребию, его же товарищам предстояло забить до смерти. Молодой центурион с трудом боролся с порожденной ужасом тошнотой.

Вернувшись к подразделениям, центурионы встали каждый перед своей центурией и в колеблющемся красном свете факелов молча ждали, пока из штабного шатра не вышли шестеро писцов. Каждый держал в руках простой самнитский глиняный горшок. Они разделились: каждый направился к одной из центурий Третьей когорты. Когда писцы заняли свои места, трибун Плиний выступил вперед:

– Каждому бойцу из каждой центурии предстоит тянуть жребий: он должен будет вслепую вынуть из горшка жетон. Кто вытянет белый жетон, возвращается в строй. Тех, кому достался черный жетон, будут под конвоем отводить в сторону.

Стон отчаяния прокатился по рядам легионеров, понявших, сколь жестокое наказание обрушилось на Третью когорту.

– Молчать! – рявкнул старший трибун. – Ни звука, когда говорит командир!

Он окинул злобным взглядом выстроившихся перед ним напуганных людей и скомандовал:

– Начать жеребьевку!

Легионеры стали по отделениям подходить к штабным писцам и тянуть жребий. Рядом с каждым писцом стояли по двое легионеров Первой когорты: один светил над горшком факелом, чтобы было ясно видно, какой кому выпал жребий, а задачей второго было конвоировать тех, кому не повезло. Катон повернулся к своим солдатам:

– Первое отделение, вперед!

Восемь человек подошли к писцу. Он поднял горшок на уровень глаз, так чтобы невозможно было туда заглянуть, и первый легионер запустил руку внутрь. Слышно было, как стучат по доньшку дрожащие пальцы.

– Тащи быстрее! – рявкнул легионер, державший факел.

Бедняга вынул руку, разжал кулак и показал писцу жребий: деревянный кружок размером с денарий.

– Белый! – провозгласил писец, и солдат, дрожа от облегчения, поспешил вернуться в строй.

– Белый! – объявил писец и второму бойцу.

– Черный!

Третий солдат, оцепенев, уставился на свою ладонь, как будто кружок под его взглядом мог сменить цвет и сделаться белым.

– Пошел, пошел!

Легионер схватил его за руку и толкнул в направлении караула, стоявшего за спиной старшего трибуна.

– Туда. Шевелись.

Спотыкаясь как пьяный, солдат поплелся прочь от своих товарищей, потом оглянулся и встретился взглядом с Катоном. Его глаза были полны отчаяния и молили о помощи, но помочь ему Катон не мог. Он лишь беспомощно покачал головой и отвел взгляд.

Процедура продолжилась. Обреченных отгоняли в сторону, а те, кому повезло, возвращались в строй. Катон видел, как Максимий, когда подошла его очередь, вытащил белый кружок и вернулся на место, унося его с собой как счастливый талисман. Возможно, это был знак и для него самого, подумал Катон и повернулся к своему опциону.

– Ну давай, Фигул. Будем тянуть жребий со следующим отделением.

Двое из восьми солдат перед ними вытащили черные метки, и Катон мигом подсчитал, что в горшке остался только один роковой кружок. Один черный на двадцать шесть белых, совсем неплохое соотношение. При этой мысли он даже воспрянул духом, хотя тут же устыдился этого, ибо его шансы улучшились благодаря тем несчастным, которым не повезло раньше.

Настала очередь Фигула. Громадный галл подошел к горшку, но замешкался.

– Шевелись, – тихо буркнул легионер с факелом. – Нечего показывать другим, что ты трусишь.

– Я не трушу! – возмутился Фигул. – Вовсе не трушу, ублюдок.

Он сделал шаг вперед, запустил руку в горшок и схватил первый попавшийся кружок.

– Белый! – объявил писец и повернулся к Катону.

Сердце юноши колотилось, он чувствовал, как стучит в ушах кровь, и весь похолодел: воздух, соприкасавшийся с кожей, казался ему ледяным, хотя ночь стояла теплая. Писец кивком указал ему на горшок:

– Командир?

– Да, конечно.

Слова сорвались с его губ и прозвучали спокойно, словно их произнес кто-то другой. Сам Катон больше всего на свете хотел оказаться подальше от этого проклятого горшка, но вдруг увидел, что стоит возле него. Рука поднялась над ободом и погрузилась внутрь. Катон заметил тоненькую трещину, сбегавшую вниз от маленького скола на ободке.

«С чего это горшок треснул?» – ни с того ни с сего вдруг подумалось ему. Потом кончики пальцев коснулись маленькой кучки деревянных жетонов, оставшихся на дне, и рука непроизвольно отдернулась. Стиснув зубы, Катон усилием воли заставил пальцы сомкнуться вокруг одного из деревянных кружочков и, глядя в глаза писцу, разжал кулак.

Тот взглянул на ладонь юноши, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на жалость.

– Черный!

Глава 19

Секретарь императора покинул армию на рассвете, отбыв в сопровождении пары телохранителей и четырех полностью укомплектованных отрядов вспомогательной кавалерии. После покушения Нарцисс позаботился о том, чтобы максимально обезопасить путешествие. Побудив командующего к более активным действиям намеками на возможную немилость императора, он собрался исполнить роль благого вестника и отправиться в Рим с новостью о том, что войско Каратака полностью разгромлено. Единственное, что осталось сделать, – провести зачистку и добить немногих уцелевших. Вождь варваров лишился поддержки, которую ранее получал от жителей низин, и теперь в здешних краях вряд ли кто-то решится продолжить бороться. Целое поколение юных воинов уже принесли в жертву на алтаре этой войны, и по всей стране родители проливали слезы, поминая сыновей, павших и погребенных вдалеке от дома.

Нарцисс успокаивал себя тем, что пленение или смерть Каратака – это только вопрос времени. А потом останется лишь избавиться от вечно сеющих смуту друидов с их причудливыми верованиями, и завоеванный край можно будет считать полноценной провинцией. На какое-то время это заткнет рты тем, кто критикует императора.

Растревожив спокойную поверхность реки, конная колонна пересекла брод. Над рекой и над обоими ее берегами висел густой как молоко туман.

Всадники переправились через реку, выехали на берег и поскакали по дороге, ведущей к Каллеве. Ныне столица атребатанов входила в состав царства, которым управлял покорный Риму Когидубн, и могла считаться безопасным местом для ночлега. Нарцисс улыбнулся. Уж от кого, от кого, а от Когидубна неприятностей ждать не приходится. Этот варвар куплен с потрохами и с редкостным энтузиазмом пытается подражать своим хозяевам-римлянам. Все, что для этого потребовалось, – это пообещать ему построить дворец на римский манер, как только найдутся свободные деньги.

Проезжая мимо походного лагеря Второго легиона, Нарцисс заметил в стороне сотни людей, сооружающих частокол. «Должно быть, это Третья когорта, – подумал он с легкой довольной улыбкой. – Строгое наказание, выпавшее на долю этих солдат, послужит хорошим примером для всех их соратников в собравшихся у переправы легионах. И что еще важнее, там, в Риме, удовлетворит кабинетных военачальников из сената, которым будет приятно сознавать, что в легионах чтят древние суровые традиции, позволившие создать империю, простирающуюся почти до пределов известного мира».

В стороне под присмотром караула сидела небольшая группа солдат со связанными за спиной руками. Когда они подняли глаза на проезжавших мимо всадников, Нарцисс понял, что это обреченные, которым предстоит на следующий день быть забитыми насмерть их же товарищами. Глаза у большинства были пустыми, безжизненными, у некоторых угрюмыми, и Нарцисс вздрогнул, вдруг обнаружив, что смотрит прямо в лицо, некогда хорошо знакомое ему по коридорам императорского дворца. Он натянул поводья и съехал с дороги, дав знак эскорту следовать за ним. Телохранители молча ехали по обе стороны от грека, чуть позади.

– Катон... – Нарцисс чуть было не улыбнулся, но, встретив полный горькой ярости взгляд молодого центуриона, оставил это намерение. – Тебя должны казнить?

Катон отреагировал не сразу и ограничился одним кивком. Нарцисс, привыкший распоряжаться судьбами людей, которых просто не видел за именами и цифрами на табличках, почувствовал себя неловко, видя обреченного на смерть человека, которого знал с детства и отца которого когда-то называл своим другом. Катон должен был умереть ради поддержания веры легионов в бескомпромиссную дисциплину. «Ну что ж, – попытался успокоить себя Нарцисс, – паренек примет мученическую смерть ради большого дела. Это печально, но необходимо».

Грек чувствовал, что должен на прощание сказать молодому человеку что-нибудь, чтобы утешить его, так чтобы тот понял. Но на ум приходили одни бессмысленные, никому не нужные банальности.

– Мне очень жаль, Катон. Но это необходимо.

– Почему? – процедил Катон сквозь стиснутые зубы. – Мы выполняли свой долг. Ты должен сказать это командующему. Сказать, чтобы он отменил расправу.

Нарцисс покачал головой:

– Увы, это невозможно. Прости, но у меня связаны руки.

Катон молча посмотрел на него, а потом с горестным смешком поднял свои руки, показав связывающие запястья веревки. Нарцисс покраснел, он просто не знал, что еще сказать. У него не находилось слов ни чтобы утешить юношу, ни чтобы оправдать и объяснить необходимость его смерти. Что поделать, в жертву случалось приносить и куда более значительные фигуры, и пусть когда-то Нарцисс испытывал добрые чувства к этому мальчику, никакие чувства не должны вступать между секретарем императора и его обязанностью защищать и продвигать императорские интересы. Поэтому Катону придется умереть. Нарцисс щелкнул языком и резко натянул поводья. Лошадь фыркнула и свернула к дороге.

Катон проводил его взглядом, кривя губы в гримасе отвращения. Ему было противно просить об отмене казни на глазах у других обреченных, но юноша убеждал себя, что эта попытка была сделана и ради них. Обращение к Нарциссу – последний шанс на то, что командующий пересмотрит приказ. Сейчас этот шанс пропал вместе с колонной всадников, рысивших, взметая пыль из-под копыт, по дороге, ведущей к Каллеве.

Когда они растворились в тумане, Катон осел на землю, уставившись на траву между своими босыми ногами. Завтра в это самое время его в числе других сорока солдат, вытащивших смертельный жребий, поставят в центр широкого круга их недавних товарищей и друзей по Третьей когорте. С тяжелыми дубинками в руках они по команде обрушатся на приговоренных и одного за другим забьют их до смерти. Сейчас живое воображение, которым был наделен Катон, стало его проклятием: эта ужасающая сцена представляла перед его мысленным взором как наяву, со всеми жуткими подробностями – взмахами дубинок, тяжелыми, глухими звуками ударов, треском ломающихся костей, криками и стонами искалеченных, умирающих людей, корчащихся на окровавленной траве. Некоторые на потеху своим палачам наверняка обделаются, и когда придет черед Катона, ему придется встать на колени среди их крови, мочи и экскрементов, чтобы принять свою смерть.

Это было постыдно, унижительно, и Катону оставалось лишь надеяться, что у него хватит силы духа умереть без хныканья и нытья, молча, с вызовом взирая на своих убийц. Но он знал, что на самом деле все будет совсем не так. Дрожащего, грязного его отволокут на площадку для расправы. Возможно, он и не станет умолять о пощаде, но закричит при первом же ударе и будет вопить, когда удары посыплются один за одним. Катон молился о том, чтобы плохо нацеленный удар как можно раньше проломил ему голову и чтобы он в бессознательном состоянии встретил тот момент, когда дух покинет искалеченное тело.

«Размечтался», – мысленно фыркнул юноша. Те, кому предстоит его бить, получают строжайшие наставления относительно того, чтобы сначала переломать ему руки и ноги, потом сокрушить ребра, и лишь в завершение казни им будет позволено обрушить дубинку на череп. Его тошнило, в желудке закипала желчь, и он был рад тому, что ничего не ел с прошлого утра.

При воспоминании о еде, приготовленной рабом Максимия, Катона мутило, и он поднес связанные руки ко рту, чтобы подавить рвотный импульс.

Чья-то рука мягко легла на его плечо.

– Ты в порядке, парень?

Катон торопливо сглотнул горькую желчь, оглянулся и увидел Макрона, возвышавшего над ним с потерянной улыбкой на обветренном лице. Быстро оглядевшись и убедившись, что остальные приговоренные слишком погружены в себя, чтобы обращать на него внимание, юноша резко покачал головой.

– Не удивительно, – промолвил Макрон, сжав пальцами плечо Катона и присаживаясь на корточки рядом с ним. – То, как с нами обошлись, – вообще сплошная мерзость. А уж то, что этот жребий выпал тебе... Послушай, Катон, я даже не знаю, как об этом говорить. Сплошное дерьмо! Хотелось бы мне что-нибудь для тебя сделать. Очень бы хотелось. Но...

– Но ничего тут не поделаешь. Я знаю. – Катон заставил себя улыбнуться. – Мы здесь, потому что мы здесь. Так, кажется, говорят бывалые солдаты?

Макрон кивнул:

– Все правильно. Но эти слова относятся к обстоятельствам, которые нельзя контролировать. А все это можно было предотвратить, следовало предотвратить! Проклятый командующий напортил сам и стал искать тех, на кого можно свалить вину. Ублюдок.

– Ну да, – тихо отозвался Катон. – Ублюдок он и есть, это уж точно... А ты когда-нибудь раньше видел децимацию?

– Дважды, – припомнил Макрон. – Но в обоих случаях те подразделения это заслужили. Бежали с поля боя, оставив нас в дерьме. Совсем не то, что сейчас.

– Не думаю, чтобы децимацию когда-нибудь отменяли. – Катон поднял взгляд, стараясь, чтобы его лицо оставалось спокойным. – Я имею в виду, ты слышал, чтобы такой приказ когда-нибудь пересмотрели?

Макрона так и подмывало солгать, дать Катону хоть крупицу надежды, чтобы ему легче было пережить оставшиеся часы. Но центурион знал, что вун из него никудышный, не был он мастером по части измышлений. Кроме того, он чувствовал себя обязанным сказать Катону правду, это обязательство налагала на него дружба.

– Нет. Никогда.

– Понятно. – Катон опустил глаза. – А ведь ты мог бы и соврать.

Макрон хмыкнул и похлопал Катона по спине.

– Только не тебе, Катон. Не тебе. Попроси меня о чем угодно, но не об этом.

– Хорошо, если так. Забери меня отсюда.

– Не могу, – пробормотал Макрон, отведя глаза в сторону реки. – Прости. Может, тебе чего-нибудь поесть принести? Или вина?

– Я не голоден.

– Лучше поешь. Желудок успокоится...

– Ни черта я не голоден! – рявкнул Катон и тут же пожалел об этом, понимая, что Макрон хотел только хорошего.

Никакой вины Макрона в случившемся не было, а в момент интуитивного озарения Катон вдруг почувствовал: для того чтобы прийти сюда поговорить с обреченным другом, Макрону потребовалось немалое мужество, ведь этот разговор никак не обещал стать легким.

– Впрочем, фляжка хорошего вина, может, и не помешает.

– Отличная идея! – Макрон похлопал юношу по спине и устало поднялся на ноги. – Пойду посмотрю, что удастся раздобыть.

С этими словами центурион зашагал прочь от приговоренных, но Катон вдруг окликнул его. Ветеран оглянулся.

Катон, чей разум был истерзан мучительными страхами, бросил на него быстрый взгляд и сказал:

– Спасибо.

Макрон нахмурился, потом кивнул, повернулся и продолжил путь. Некоторое время Катон смотрел ему вслед, затем огляделся по сторонам, отметив, что у входа в лагерь Второго легиона сменился караул. Армейская жизнь, как всегда, шла заведенным порядком, тем самым, в жесткие клещи которого он попал почти два года назад и благодаря которому стал мужчиной. И вот теперь эта самая армия отвергла его и завтра утром собиралась убить.

Прошла смена часовых, табличка со списком караульных была передана дежурному центуриону. Катон отчаянно завидовал тем, кого нескончаемые рутинные дела держали занятыми весь день напролет, тогда как ему приходилось сидеть на земле, в плену у своих мыслей, в ожидании конца.

Неожиданно караульные у ворот вытянулись по стойке смирно, приветствуя выезжавшего из лагеря всадника. Золотистые лучи восходящего солнца осветили его, и Катон узнал легата – он ехал вдоль края лагеря, мимо солдат Третьей когорты, трудившихся над возведением вала и рытьем рва. Веспасиан скользнул по ним взглядом, а потом, поравнявшись с кучкой приговоренных, сидевших под охраной двух легионеров, уставился прямо перед собой и заставил коня перейти на рысь. Лишь немногие из приговоренных встали по приближении командира: легион отвергнул их, а стало быть, они уже не были связаны воинской дисциплиной. Еще вчера они вскочили бы на ноги и вытянулись в струнку, но сейчас эти солдаты считались преступниками и, можно сказать, были уже покойниками, поэтому демонстрацию почтения к легату можно было бы счесть издевательством с их стороны. «Вот ведь как все может изменить один день, – угрюмо подумал Катон. – Во всяком случае, для обреченного на смерть». Веспасиан

был волен до конца дней пользоваться привилегиями своего высокого положения, и не приходилось сомневаться, что через несколько дней он вообще забудет, что Катон и его товарищи когда-то существовали на свете.

На Катона накатил волна горестного презрения к Веспасиану – человеку, которому он верно служил и которым до недавней поры восхищался. Ну что ж, его по достоинству вознаградили за верную службу. Похоже, Веспасиан не слишком-то отличается от прочих эгоистичных аристократов, которые командуют другими легионами. Для виду он попытался поспорить с командующим, но при малейшем намеке на неприятности для себя самого смиренно согласился отдать на расправу своих людей. В крайнем раздражении Катон сплюнул и проводил хмурым взглядом всадника, ехавшего по дороге к переправе через Тамесис, держа путь в лагерь командующего.

– Итак, легат, чем могу быть тебе полезен? – спросил Плавт, отрывая взгляд от табличек на своем столе и приветствуя Веспасиана улыбкой.

Теперь, когда Нарцисс больше не маячил рядом, словно тень, у командующего будто гора с плеч свалилась. Он получил возможность продолжить кампанию и был уверен, что через несколько месяцев все эти земли и населяющие их неуправляемые племена окажутся под полным его контролем. Затем армия сможет заняться объединением земель, вырванных из рук Каратака и его союзников, изрядно уменьшившихся числом. Зимой легионы смогут отдохнуть, привести в порядок и обновить снаряжение, с тем чтобы подготовиться к новой, куда более легкой сезонной кампании по расширению новой провинции. Впервые за последние недели будущее рисовалось ему яркими, светлыми красками, а тут еще и денек выдался на славу – солнечный, но со свежим ветерком. Чего еще человеку желать? В результате командующий пребывал в добром расположении ко всему миру, и улыбка не сходила с его лица, пока Веспасиан, отдав честь и заняв предложенное ему место по другую сторону стола, не спросил:

– Можем мы поговорить без свидетелей, командир?

Улыбка стаяла, Плавт поджал губы:

– Это важно?

– Думаю, да.

– Хорошо.

Плавт щелкнул пальцами, привлекая внимание писцов, работавших за боковыми столами, и, когда они подняли глаза, кивком указал на выход.

– Оставьте нас. Когда мы с легатом поговорим, я за вами пошлю.

Как только последний писец покинул шатер, Плавт откинулся на стуле, оперся подбородком о костяшки пальцев и спросил:

– Ну? Чего ты хочешь?

Веспасиан всю ночь не сомкнул глаз и опасался, что слишком плохо соображает, тогда как разговор предстоял нелегкий. Он потер подбородок, быстро собираясь с мыслями:

– Командир, мы не можем казнить этих людей.

– Почему?

– Это неправильно. Ты знаешь это не хуже меня. Они не единственные, кто не справился с задачей в ходе этой битвы.

– Это твое предположение, не так ли?

– Дело пошло не так, как ты задумывал. Каратак ускользнул и от тебя, и от меня. Нам еще чертовски повезло, что удалось перехватить его до того, как он переправил через реку всю свою армию. Есть мнение, что мы вообще должны быть благодарны моим бойцам, удерживавшим брод достаточно долго для того, чтобы это стало возможным.

– Правда? – холодно откликнулся Плавт. – А кое у кого может сложиться мнение, что я обошелся с ними слишком мягко после того, как они не смогли удержать позицию. Кто-то

может предположить, что защитить такой узкий фронт может и горстка людей, если, конечно, им хватит на это храбрости.

– Мои солдаты не трусы, – тихо промолвил Веспасиан.

– А послушать Максимию – получается по-другому.

Веспасиан помедлил. Тут следовало проявить осмотрительность, ведь Максимий был старшим центурионом, имел длинный послужной список, большая часть которого приходилась на службу в Преторианской гвардии. Такие люди, как правило, сохраняют связи с могущественными друзьями и патронами в Риме, и за них есть кому заступиться. Однако, несмотря на угрозу собственной карьере, Веспасиан чувствовал, что не может поступиться принципами.

– Говоря, что им не хватает стойкости, Максимий допустил преувеличение.

– Почему? Зачем ему это понадобилось?

– Да по той же причине, по которой мы проявили готовность принять его версию событий.

– И что же это за причина?

– Самосохранение.

Веспасиан внутренне подготовился услышать резкую отповедь, но командующий молчал, ожидая от легата продолжения.

– Максимий виноват в том, что когорта не оказалась у переправы вовремя, чтобы защитить ее как следует. Мы с тобой оба прекрасно это знаем, командир.

– Да. Поэтому он и разделяет с ними наказание. И мог быть выбран для децимации так же запросто, как и любой из его подчиненных.

– Это правда, – согласился Веспасиан. – Но почему они должны разделять с ним вину за его ошибку? Если уж надо кого-то наказать, то как раз его одного. Нельзя наказывать подчиненных за ошибки командира. Кому и каким примером это послужит?

– Это послужит всем напоминанием о том, что в легионах, находящихся под моим командованием, небрежение долгом не будут терпеть, – спокойно, но решительно промолвил Плавт. – Где бы и когда бы это ни случилось, я буду действовать быстро и безжалостно. Не зря ведь говорят: пусть ненавидят, лишь бы боялись. Ты не находишь, что в некотором смысле тот факт, что невиновные приговорены к смерти, даже усиливает дисциплинарный эффект?

Глядя на командующего, Веспасиан с трудом сдерживал переполнявшее его негодование. Подобный подход был ему отвратителен. Что случилось с Плавтом? Еще год назад призывы Веспасиана взглянуть на происходящее с позиции морали возымели бы эффект. По отношению к своим бойцам и командирам Плавт всегда был хоть и суров, но справедлив. А теперь...

– Ты сам прекрасно знаешь, что это недопустимо, – твердо заявил Веспасиан. – Этих людей решили сделать козлами отпущения.

– Ну, помимо всего прочего, да.

– И ты готов использовать их таким образом? Позволить им умереть ради сохранения твоей репутации?

Неожиданно Веспасиану пришли на ум аргументы другого рода.

– Одним из тех, на кого выпал жребий, стал центурион Катон. Ты это знаешь?

– Знаю, – кивнул командующий. – Прекрасно знаю. Но это ничего не меняет.

– Ничего не меняет?

Веспасиан не смог скрыть ни изумления, ни гнева.

– Ты прекрасно знаешь его послужной список. Мы не имеем права разбрасываться людьми такого масштаба!

– Ну и что ты мне предлагаешь? – спросил Плавт, вскинув глаза. – Помиловать его? Подумай, что будет, если я сохраню ему жизнь, а остальных отправлю на казнь? Как это будет выглядеть в глазах других людей, в глазах всех солдат? Что получится: для них одни правила, а для центурионов другие? Эта армия уже пережила один мятеж. Сколько командиров расста-

лось тогда с жизнью? Ты правда считаешь, что мы переживем и второй? Нет, если умирают рядовые, Катон должен умереть с ними вместе.

– Ну так помилуй их всех.

– То есть ты предлагаешь мне показать себя безвольным слабаком? – Плавт покачал головой. – Нет, Веспасиан, ты сам должен понимать, что этого делать нельзя. Если я сегодня вынесу приговор, а завтра отменю, это будет первым шагом на пути к полной утрате авторитета у солдат. И не только у них, а и у плебса. Страх – вот что удерживает их под контролем, и лучший способ побудить их безоговорочно повиноваться – это держать в постоянном страхе перед суровым наказанием, даже если они ни в чем не виноваты. Это работает именно так, Веспасиан. И работало так всегда. Вот почему наше сословие правит Римом...

– О, я совсем забыл. – Плавт улыбнулся. – Ты ведь у нас новый человек. Ты и твой брат. Ничего, к тому времени, как вы дорастете до тоги с широкой каймой, оба поймете, что я имею в виду.

– Я прекрасно понимаю уже сейчас, – ответил Веспасиан, – и мне это отвратительно.

– Это приходит с чинами. Ты привыкнешь.

– С чинами? – Веспасиан издал горестный смешок. – Ну да, конечно. С чинами.

На него навалилась страшная усталость, причем не столько телесная, хотя и она имела место, сколько душевная. Его вырастил отец, для которого Рим и все, на чем он зиждился, представлялось самым лучшим из возможного. Для обоих сыновей преданность долгу и служение Риму были наследием, полученным от отца. Правда, когда Веспасиан занялся политической карьерой, эта вера мало-помалу истончалась, как истончается камень, лишаясь всего ненужного под резцом скульптора. Только вот в результате остался не горделивый монумент, а некий саркофаг, вместилище эгоизма, запятнанное кровью тех, кто был принесен в жертву, причем не высшему благу, а узким, эгоистичным интересам избранного круга хладнокровных, циничных аристократов.

– Довольно! – Плавт хлопнул ладонью по столу так, что таблички подскочили и задрезжали. – Ты забыл, кто ты такой, легат. Так послушай меня.

Несколько мгновений сидевшие по обе стороны стола мужчины с холодным отчуждением смотрели друг на друга, и Веспасиан чувствовал, что проиграл. Причем он не только не смог спасти своих подчиненных, но, похоже, лишил себя надежды в будущем достичь высоких постов в Риме. Ему не хватало необходимой для этого беспощадной жестокости.

Брови командующего изогнулись от ярости, когда он произносил свой монолог.

– Слушай меня. Никакой пощады никому не будет. Эти люди умрут, и их смерть послужит назиданием для товарищей. Этот вопрос закрыт, и я более не потерплю никаких попыток снова его поднять. Никогда больше не упоминай об этом в моем присутствии. Я ясно выразился?

– Так точно, командир.

– Казнь состоится завтра на рассвете, перед строем Первых когорт всех четырех легионов. Выясни, кто из твоих солдат состоял в дружеских или приятельских отношениях с приговоренными – именно они и станут палачами. Если кто-то откажется или вздумает протестовать, он будет распят сразу по завершении казни. – Плавт откинулся назад и глубоко втянул носом воздух. – Все, легат, приказы ты получил. Можешь быть свободен.

Веспасиан с трудом поднялся на ноги и отдал честь командующему. Прежде чем он повернулся, у него возник было порыв в последний раз попытаться воззвать к справедливости. Но в глазах Плавта он увидел стальной отблеск холодной решимости и понял, что высказываться по этому поводу не только бесполезно, но и опасно.

Поэтому он повернулся и вышел из шатра на свежий воздух настолько быстро, насколько это позволяло достоинство его ранга.

Глава 20

С треском пробравшись сквозь густой ивняк, покрывавший берег реки, Макрон тяжело опустился на прохладную зеленую траву в тени деревьев. Он поручил своему опциону Публию Сентию присмотреть за тем, как бойцы его центурии ставят палатки. Центурион Феликс предложил командирам сходить искупаться в реке, но, несмотря на изнуряющую дневную жару, ни Макрон, ни кто-либо еще из центурионов не счел возможным делать это на глазах у обреченных товарищей.

Максимий был полностью поглощен устройством для когорты отдельного лагеря: он делал все возможное, чтобы произвести впечатление профессионала, продолжающего стойчески исполнять свой долг при любых обстоятельствах. Но как он ни подгонял солдат, те двигались словно в тяжелой летаргии, выдававшей состояние их духа. Третья когорта была погружена в печаль и молчаливое уныние, усугубляемое тем, что рядом, на виду, были их товарищи, обреченные на смерть. Особенно подавленное настроение было у тех, кого назначили проводить казнь: двадцать человек во главе с центурионом Макроном.

Когда легат отдал приказ, Макрон немедленно отказался, его ужаснула сама мысль о возможности забить дубинкой до смерти Катона, его друга.

– Это приказ, центурион, – сурово заявил легат. – И не вздумай отказываться, выбора у тебя нет.

– Но почему я, командир?

– Таков приказ, – с печалью в голосе ответил Веспасиан. – Ты уж постарайся, чтобы он не очень мучился... ладно?

Макрон кивнул. Сильный удар по голове лишит Катона сознания и избавит от мучительной боли, когда ему будут ломать кости и ребра. Но стоило Макрону об этом подумать, как у него скрутило желудок.

– А как с остальными ребятами?

– Нет. Только Катон. Если мы попытаемся облегчить смерть для всех, командующий просто остановит казнь и назначит для завершения новую команду.

– Понятно, – кивнул Макрон. Будь у него хоть малейшая возможность проявить милосердие ко всем приговоренным, он воспользовался бы ею не задумавшись. Но легат был прав: они могут лишь попытаться облегчить страдания друга.

– Все это очень скверно, центурион. Для всех нас. Но таким образом Катон, по крайней мере, избегнет худшего.

– Да, командир.

– А теперь отправляйся и отбери команду для исполнения казни.

Быстро отдав честь, Макрон вышел из палатки, радуясь возможности оказаться снаружи и вдохнуть полную грудь чистого воздуха. Никогда в жизни от него не требовали делать то, что настолько не соответствовало его представлениям о добре и зле. Перед мысленным взором центуриона предстал образ Катона – связанного, стоящего на коленях у его ног. Паренек поднимает глаза, чтобы встретиться взглядом с другом, а он, Макрон, заносит дубинку...

При этой мысли кровь застыла в его жилах. Он стукнул себя кулаком по бедру и зашагал обратно к лагерю Третьей когорты.

Для исполнения казни он отобрал бойцов преимущественно из центурии Катона – закаленных ветеранов, насчет которых можно было не сомневаться: они, и глазом не моргнув, исполнят любой, даже самый ужасный приказ. Сейчас они были заняты подбором орудий казни: лучше всего для этого подходила рукоятка от кирки. Дубинки следовало подобрать по весу и длине так, чтобы можно было наносить сокрушительные, смертоносные удары. Солдаты подошли к полученному заданию с сугубым прагматизмом, и Макрон, вроде бы и сам

такой же ветеран, не мог не дивиться тому, что они, похоже, воспринимали этот приказ так же, как и любой другой. «Должно быть, – подумал центурион с хмурой усмешкой, – я слишком сблизился с Катоном». До знакомства с этим пареньком Макрон никогда не ставил под вопрос аспекты армейской жизни, воспринимая их как должное. Но сейчас он начал видеть все в другом свете и чувствовал себя не в своей тарелке. Возможно, после того как Катон умрет и будет кремирован, ему удастся забыть все и вернуться к прежнему мироощущению – принимать жизнь такой, какая она есть, рутинно исполнять свои обязанности и, главное, поменьше задумываться над сложными жизненными вопросами.

Умрет и будет кремирован.

И это о Катоне – таком сообразительном, таком живом? Нет, это просто невозможно! Недопустимо! Должно быть, легат спятил, раз отдает такие распоряжения. Во-первых, спятил, а во-вторых, возможно, еще и трусил до такой степени, что решил возложить самую грязную работу на Макрона. Чего Макрон ему в жизни не простит.

– Проклятье! – пробормотал центурион. Он был зол на легата и на себя самого, прежде всего за то, что вообще сдружился с Катоном.

Отломив ивовую ветку, Макрон принялся методично очищать ее от листьев. По ту сторону Тамесиса группа солдат из других легионов, сняв туники, входила в воду. Темный загар их лиц и рук резко контрастировал с белизной торсов и чресел. Над рекой разносились их крики: сначала охи и ахи по поводу того, какая холодная вода, а потом смех и гогот, когда они принялись забавляться и обрызгивать друг друга. Это разозлило Макрона еще больше, и он устремил взгляд дальше, на берег, туда, где бойцы вспомогательных подразделений заполняли последний из погребальных рвов полуразложившимися на жаре трупами. Смерть существовала бок о бок с живой, беззаботной молодостью. Макрон отломил еще одну ивовую ветку и стал яростно обрывать с нее листья.

Потом он заметил, что шагах в пятидесяти выше по течению к берегу спускается Фигул. Громадный галл присел на корточки в траве и уставился на реку, держа во рту соломинку.

Потом Фигул медленно огляделся, заметил сидевшего под ивой центуриона, поднялся на ноги и, немного помедлив, направился к Макрону.

– Дерьмо! – буркнул центурион себе под нос.

Макрона так и подмывало послать Фигула куда подальше: он отправился к реке специально для того, чтобы побыть одному и попробовать разобраться в своих мыслях, а не отягощать сердце ненужным разговором с оптионом. Но потом, подумав, что Фигул наверняка тоже расстроен участью Катона, Макрон смягчился и по приближении Фигула даже ухитрился вымучить улыбку.

Оптион вытянулся и отдал честь.

– Да ладно, парень, мы сейчас не на службе. Брось ты, на хрен, эти церемонии.

– Есть, командир.

Фигул чуть отступил и переминался с ноги на ногу в нескольких шагах от лиственной завесы.

Макрон вздохнул:

– Ты что-то хотел мне сказать, да?

Оптион слегка опустил голову и кивнул.

– Ну так выкладывай.

– Есть, командир.

– И присядь в теничке, а то на этой жарнице твои и без того-то крохотные мозги совсем спекутся.

– Есть, командир.

Могучей мускулистой рукой Фигул сдвинул в сторону загораживающие солнце ветки, на миг возвысился над Макроном, словно башня, а потом присел на корточки неподалеку, но все же на почтительном расстоянии от старшего по званию.

– Ну?

Фигул настороженно огляделся, его соломенные брови угрюмо сдвинулись.

– Я насчет центуриона Катона, командир. Они не имеют права так с ним поступать. Ни хрена это не справедливо... прошу прощения, ежели не так выразился, командир.

Макрон посмотрел на него искоса:

– Ага, тебя забыли спросить. Не по чину тебе обсуждать такие вещи.

– Виноват, командир, – с серьезным видом кивнул Фигул. – Больше не повторится.

– Смотри у меня, на хрен, чтоб не повторилось.

Видя испуганное лицо Фигула, Макрон расслабился, согнал с лица суровое выражение и усмехнулся.

– Смотри не обмочись, парень.

– Ну да...

Улыбка Макрона стаяла.

– Что же касается Катона, то, боюсь, мы с тобой тут ничего не можем поделать. Решительно ничего. Приказ есть приказ. Так что, приятель, привыкай к тому, что ты теперь исполняешь обязанности центуриона. Как, кстати, дела?

Фигул без воодушевления пожал плечами, машинально потянулся к ивовой ветке и только потом заметил, что Макрон тоже лениво обдирает листья. Рука его замерла и опустилась: судя по всему, он подумал, что, если начнет вот так, ни с того ни с сего делать то же самое, что и Макрон, тот решит, будто опцион передразнивает старшего по званию. Вместо ветки он подобрал с рыхлой прибрежной земли камушек, подбросил несколько раз на ладони, а потом швырнул в медленно текущую воду. Послышался плеск, по гладкой поверхности от места падения разбежались круги. Он дождался, пока рябь уляжется, и лишь тогда, не поворачиваясь к Макрону, упрямо сказал:

– А все-таки мы могли бы что-нибудь сделать, командир.

– Например?

– Ну, пойти поговорить с легатом.

Макрон покачал головой:

– Бесполезно. Я с ним уже говорил. Поверь мне, он своего мнения не изменит.

– Ну тогда с командующим.

– А уж он, определенно, и слушать нас не станет. А если все же услышит, что мы собираемся протестовать, то попросту отправит нас на расправу заодно со всей компанией. И вообще, – Макрон пожал плечами, – что мы можем им сказать? Что это несправедливо? Не сработает, тут и думать нечего. Наше подразделение провалило задание, и со стороны очень смахивает на то, что нам не хватило храбрости. Никто не позволит Третьей когорте соскочить с крючка.

– Но мы ведь не бежали, а отступили потому, что получили приказ Максимия. Да начать с того, что и у брода мы вовремя не оказались из-за него. Он и должен нести ответственность, командир, а не Катон и все остальные.

Макрон резко повернулся к опциону:

– Ты что, думаешь, я этого не знаю? Думаешь, я не переживаю по этому поводу? Я тебе так скажу, Фигул, весь хренов легион знает, как все было на самом деле. Удивлюсь, если этого не знает вся долбаная армия. Но кто-то должен был поплатиться за учиненный им бардак, и судьба распорядилась так, что этим несчастным оказался Катон. Ты прав, справедливостью тут и не пахнет. Это просто невезение. И мне от этого так же тошно, как и тебе.

Оба умолкли, глядя на купальщиков у другого берега. Макрон, задумавшись, машинально чертил что-то на земле ободранной веткой, но потом вдруг прочистил горло и добавил:

– Но ты прав. Кое-что можно было бы сделать.

Когда над землей сгустились холодные сумерки, Катон вдруг почувствовал, что дрожит. Вдобавок у него отчаянно болела голова и жгло обгоревшую кожу на всех открытых частях тела, ведь ему, как и остальным приговоренным, пришлось просидеть весь день под палящим солнцем. А как только солнце зашло, небо затянуло тучами и воздух сгустился, что явно указывало на приближение дождя. Катон воспринял это как еще один знак того, что боги окончательно отвернулись от него – мало им предстоящей мучительной казни, так его еще подвергают пыткам: днем – изнуряющим зноем, а ночью – холодом.

Один из лагерных рабов притащил из реки несколько фляжек воды, и каждому из арестованных позволили увлажнить пересохшее горло, выпив несколько пригоршней. Но еды не давали: в походных условиях избытка припасов не было и расходовать провизию на завтрашних мертвецов никто не собирался. Катон сказал себе, что в этом есть смысл. То есть логически это вполне оправданно. Вряд ли что-нибудь может быть правильнее в сложившихся обстоятельствах. Куда больше всех других соображений его терзала мысль о том, что он решительно ничем не заслужил завтрашнюю кару. Он сражался с врагом лицом к лицу, еще не имея никакого опыта, когда малейшая оплошность грозила смертью. Он принял участие в опаснейших поисках, позволивших найти угодивших в плен родных самого командующего и освободить их, вырвав из рук жестоких друидов. Около двух лет назад он рисковал быть сожженным заживо, спасая Макрона в одном германском селении. Каждая из этих акций была сопряжена с огромным смертельным риском, но он шел на это с готовностью, осознавая опасность. Гибель в ходе любой из них была бы естественной, ибо он заранее знал, что подвергает себя опасности. Такова цена, которую приходится платить тому, кто избрал воинскую профессию.

Но это? Хладнокровная расправа, призванная послужить примером для устрашения других легионеров? Хотелось бы знать, примером чего? Того, что случается с трусами? Но он не трус. Нет, на самом деле он испытывал страх чаще, чем готов был признать, да что там страх – ужас. Однако всякий раз ему удавалось преодолеть это чувство, и он продолжал сражаться, несмотря ни на что. Разве это не храбрость? Конечно храбрость.

Битва у брода не была исключением. Он сражался с тем же энтузиазмом, движимый тем же желанием, чтобы его видели в первой шеренге, ведущим бой бок о бок со своими подчиненными. Он не прятался позади строя, побуждал солдат противостоять врагу и личным примером, а не пустыми призывами и жестокими угрозами в адрес тех, чья трусость не защищена чином.

То, что он осужден на казнь за преступление, в котором не было и толики его вины, причем не по чьей-то злой воле, а в силу нелепой слепой случайности, казалось ему худшим, что можно вообразить.

Первые капли дождя начали покалывать его обожженную солнцем кожу, холодный ветер шевелил высокую траву и шелестел в листве росших вдоль берега деревьев.

Молодой центурион лег на бок и свернулся клубком, чтобы подольше сохранить тепло. Ремни, туго стягивавшие запястья и лодыжки, натерли кожу до крови, так что любое движение отзывалось болью. Он попытался не шевелиться и закрыл глаза, хоть и знал, что это его последняя ночь в этом мире. А ведь раньше Катон думал о том, что надвигающаяся неотвратимая смерть заставит его жадно вбирать в себя окружающую действительность в мельчайших подробностях, чтобы удержать все в сознании и не упустить напоследок ни толики из того, что составляет радость бытия.

– Удержать день, – пробормотал Катон и издал горький смешок. – Проклятье!

Не было у него сейчас ни остроты восприятия мира, ни возбужденного стремления почувствовать каждое оставшееся мгновение жизни – только тлеющий гнев, отклик на несправедливость всего происходящего да ненависть к центуриону Максимию, столь жгучая, что казалось, кровь вот-вот закипит в жилах. Максимий будет жить и получит возможность постепенно искупить позор своего провала у брода, в то время как Катону предстоит переправа через совсем другую реку, из-за которой никому нет возврата. И он никогда не сможет доказать, что неповинен в том, из-за чего был подвергнут казни.

Настала ночь. Все так же продолжал лить дождь, все так же дул ветер, а Катон лежал на земле, дрожа и от холода, и от накатывавших на него волнами гнетущих мыслей и образов. Большинство сидевших или лежавших вокруг приговоренных, как и он сам, молчали, некоторые тихонько, вполголоса переговаривались, а один, не выдержав нервного напряжения и палящего зноя, еще до заката тронулся умом и теперь то и дело начинал громко призывать свою мать, но крики его всякий раз стихали, постепенно переходя в сдавленный бессвязный лепет.

Судя по тому, что из палаток Третьей когорты не доносилось ни звука, недавние сослуживцы осужденных, видимо, тоже пребывали в подавленном состоянии. А вот из-за лагерного вала Второго легиона доносился шум: возгласы игроков в кости, в которых звучала то радость, то разочарование, обрывки песен, что распевали у костров, уставная переключка часовых. Всего сотня шагов – и совсем другой мир.

Над головой, в разрыве между облаками, на черном бархате безлунного неба проступили звезды, напоминая Катону о собственной незначительности в сравнении с грандиозностью окружающего мира, и к первой смене ночной стражи он уже почти смирился с собственной участью. Короткий сигнал трубы, прозвучавший в лагере легиона, обозначил второй час ночи, и двое легионеров, назначенных караулить приговоренных, нетерпеливо ожидали смены. Дождь барабанил по их шлемам, холодный ветер заставлял плотнее укутаться в намокшие плащи.

– Что-то они не торопятся, – проворчал один. – А чья нынче очередь?

– Фабия Афера и Нипия Кессона, оба из недавно прибывших.

– Долбаные новобранцы. – Первый караульный сплюнул на землю. – Я от них прямо ошалел за эти дни. Ублюдки хреновы, у них что башка, что задница – все едино.

– Золотые слова, Васс. И эти их задницы заслуживают хорошего пинка. Когда б не эти педерасты, хренова когорта не вляпалась бы в такое дерьмо.

– Да уж, заслуживают славного пинка. Ага, смотри – никак тащатся.

Из темноты появились две фигуры: даже дождь и ветер не могли заглушить шарканья сапог по траве.

– Какого хрена вы так долго валандались?

– Ни хрена мы не валандались, – прозвучал из темноты голос одного из бойцов, затем короткий смешок его спутника. Оба шагнули вперед, чтобы сменить товарищей.

– Постой-ка, – пробормотал Васс, всматриваясь в сумрачные фигуры. – Никакие это, на хрен, не Кессон с Афером. Кого это сюда принесло?

– Произведена маленькая замена.

– Да кто вы такие?

Увенчанная шлемом голова Васса подалась вперед, чтобы получше разглядеть новоприбывших, и в тот же миг вылетевший из темноты кулак с хрустом врезался ему в челюсть.

Ослепляющая вспышка света внутри черепа – и караульный без чувств рухнул на землю.

– Что за?.. Кто...

Второй караульный мгновенно схватился за рукоять меча, но не успел и на ширину ладони обнажить клинок, как тоже был сбит с ног и грохнулся на землю с такой силой, что из легких вышибло весь воздух.

– Ух ты! – пробормотал Фигул и помахал рукой. – У этого педераста челюсть как валун.

– Зато он и грохнулся, как валун, – промолвил Макрон, поставив на землю большой мешок, звякнувший металлом. – Да, не хотелось бы мне подвернуться под твой кулак.

Фигул издал смешок:

– Похоже, тех козлов, которых мы приложили у интендантского шатра, это тоже не порадовало.

– Ага. Очень смешно. Правда, один из них нас узнал. Ты понимаешь, что это значит?

– Знаю, командир. Но что теперь поделаешь... Мы продолжаем или как?

– Конечно продолжаем... Катон! – тихонько позвал Макрон. – Катон! Где ты тут?

Некоторые из лежавших на земле осужденных зашевелились и приподнялись, почуяв, что происходит что-то необычное. Арестованных охватило нервное возбуждение, зазвучали встревоженные приглушенные голоса.

– Тише! – шепнул Макрон настолько громко, насколько осмелился. – Лучше не шуметь... Катон!

– Здесь я. Здесь.

– Там и оставайся. И не шуми.

Макрон двинулся на голос, шурясь, чтобы разглядеть друга, которого даже в темноте было ни с кем не спутать из-за высокого роста и худобы.

– Хочешь, чтобы все вокруг нас слышали? Смотри, надсмотрщики мигом нагрянут.

– Ты чего здесь делаешь? – удивленно спросил Катон.

– Не догадываешься? Ты сейчас унесешь отсюда ноги вместе со всеми этими ребятами. А заодно и с Фигулом.

– С Фигулом?

– Его видели часовые, так что ему придется уматывать вместе с тобой. Беги отсюда без оглядки. И ты, и все те, кому неохота здесь оставаться.

– Бежать без оглядки? – прошептал Катон. – Ты что, спятил?

– Ага, как мартовский заяц. Так же, как драпали те, из-за кого ты оказался здесь. Будете квиты. – Макрон вытащил кинжал. – Приподними руки так, чтобы видно было. Мне как-то неохота перерезать тебе запястья.

Катон поднял было руки, помедлил и снова опустил.

– Нет.

– Что? – громко проворчал Макрон, вызвав этим раздраженное шиканье Фигула, который, склонившись, избавлял от уз других пленников.

Темные фигуры толклись вокруг опциона, протягивая ему связанные руки.

Катон покачал головой:

– Я сказал, нет. Ты не можешь так поступить, Макрон. А что, если они узнают, что ты помог нам сбежать?

– Помог? А мне-то казалось, что я сделал чуточку больше.

– Это будет висеть на тебе всю жизнь.

– Да подставь ты наконец руки.

– Нет. Ты головой своей подумай. Куда мы направимся? Что будет с тобой, если нас поймут и развяжут кому-нибудь язык? Тебя просто прикончат с нами заодно. Оставь нас, пока еще не поздно.

Макрон покачал головой:

– То-то и оно, что уже слишком поздно. Так что давай подставляй руки.

Катон неохотно выполнил его требование. Макрон взял его запястья, нащупал пальцами стягивающие их путы, осторожно просунул под них острие клинка и начал двигать им туда-сюда. Несколько мгновений, и ремни были разрезаны. Катон принялся растирать запястья.

– Вот так. Возьми нож и займись путами на ногах. Тебе надо убираться отсюда.

– Куда?

– Главное, как можно дальше. Туда, где тебя не найдут.

– А потом?

– А хрен его знает.

– И далеко, по-твоему, может уйти горстка невооруженных людей?

– Почему это невооруженных? – Макрон потряс звякающий мешок. – Я раздобыл для вас кое-какие клинки. Будет с чем скитаться по буеракам.

Катон, разрезавший путы на лодыжках, поднял глаза:

– Такой, значит, у тебя план?

– А у тебя есть лучше? Или ты бежишь, или поутру умираешь – вот и весь выбор.

– Ну все-таки выбор.

Катон покачал головой. Казнь поутру или неизбежная гибель во время скитаний – если не от рук поисковых отрядов, то от рук варваров. Непохоже, чтобы их перспективы улучшились, не говоря уже о том, что теперь и Фигул оказался в списке приговоренных. Да и Макрону придется несладко, если откроется, какую роль он сыграл в этой истории.

Разрезав путы на ногах, Катон принялся энергично растирать лодыжки.

– И куда теперь?

– На запад, к болотам. Это твой единственный шанс.

Глава 21

Макрон велел всем, кому Фигул разрезал путы, не дергаться, чтобы случайно никого не поранить. Дождавшись своей очереди, легионеры растирали запястья и лодыжки, разминали болезненно затекшие руки и ноги. И конечно, все это время беспокойно озирались по сторонам, опасаясь, что попытка к бегству будет обнаружена. Каждый солдат получил от центуриона меч или кинжал: тот раздавал оружие, пока не опустошил принесенный с собой мешок. Лишь один несчастный, потерявший разум, остался лежать на земле даже после того, как разрезали его путы, и отказался от предложенного ему меча.

– А ну бери! – сердито шепнул ему Макрон. – Возьми эту хреновину, она тебе пригодится.

Вместо ответа легионер свернулся в клубок и застонал, причем стоны его делались все громче, переходя в душераздирающие вопли. Макрон бросил через плечо быстрый взгляд на поблескивающую линию палаток. Не заметив там никакого движения, он вновь обернулся к лежавшему на земле человеку и с силой пнул его между лопаток. Тот напрягся и вскрикнул. Макрон опустился рядом с ним на колени, подобрал с размокшей земли валявшийся меч и приставил острие солдату под подбородок.

– Заткнись. Еще раз пикнешь, и это будет последнее, что ты сделаешь в своей жизни.

Голова легионера дернулась назад, глаза панически расширились, руки в попытке вывернуться скребли землю.

– А ну не дергайся! – яростно прошипел центурион. – Не дергайся, кому сказано!

– Оставь его, командир, – прошептал Катон. – Оставь, да и все.

Несколько мгновений Макрон жег легионера свирепым взглядом, но потом отпустил его, встал и повернулся к Катону.

– Нельзя его просто взять да оставить. Он может рассказать о моей причастности к побегу. Тебе нужно забрать его с собой.

Катон кивнул, и Макрон спокойно вложил меч в ножны.

– Давай подними его.

– Командир, я думаю, тебе лучше уйти отсюда.

– Так я и сделаю, как только вы все уберетесь. Давайте двигайте прямиком к частоколу.

– Но ведь тогда мы окажемся прямо напротив главного лагеря.

– Это всяко лучше, чем обходить кругом палатки. Там вас непременно заметят, особенно с этим бесполезным куском дерьма.

Носком сапога центурион пнул солдата, скулившего у его ног. Катон посмотрел на него и, проникнувшись жалостью к ошалевшему от ужаса человеку, наклонился и мягко потряс его за плечо.

– Как тебя зовут, боец?

Легионер повернул голову на его голос, и Катон увидел, как оскалились зубы на его искаженном гримасой лице.

– Прокул... Прокул Секунд.

– Когда ты говоришь со мной, то должен называть меня «командир». Понял, Прокул?

– Т-т-ак точно, командир.

– Поднимайся на ноги, – тихо произнес Катон, делая все возможное, чтобы его голос звучал твердо как сталь. – Мы никого не собираемся оставлять здесь на верную смерть. Вставай.

Он крепко взял Прокула за предплечье, помог ему подняться, а потом вручил меч, за миг до того брошенный Макроном с ним рядом.

– Вот. Держи крепко... так лучше?

– Так точно, командир. Думаю, да.

– Вот и хорошо, – промолвил Катон, похлопав солдата по крепкому мускулистому плечу. – А теперь идем.

Освобожденные солдаты поднялись с земли и последовали за Макроном, который двинулся в направлении лагерного вала. Катон озираясь то налево, то направо, но никого на небольшом валу не заметил.

Макрон указал на подножие вала:

– Думаю, вы сможете перебраться через частокол и ров незамеченными. Во всяком случае, в лагере.

Беглецы вскарабкались по внутреннему склону, а когда они добрались до коротких деревянных кольев, вбитых вдоль гребня земляной насыпи, Макрон повернулся и махнул рукой. Люди замешкались, скучковались, натыкаясь друг на друга, но даже в этой сутолоке ухитрились не поднять шума. Макрон между тем снова повернулся к частоколу, взялся обеими руками за один из кольев и с усилием, так что у него на шее набухли вены, принялся его расшатывать. Наконец с мягким чмокающим звуком он вытащил бревно из утрамбованной почвы. Очень скоро рядом с первым тихонько лег и второй, вывороченный из земли кол. Катон беспокойно озираясь по сторонам, утирая со лба капли дождя, и присматривался к палаткам, с замиранием сердца ожидая тревоги. Однако, судя по всему, легионеры Третьей когорты крепко спали, и предпринятая приговоренными попытка к бегству до сих пор оставалась никем не замеченной.

Наконец проем в частоколе сделался достаточно широким, чтобы в него мог пролезть человек. Катон повернулся и отыскал взглядом могучую фигуру Фигула.

– Опцион, пойдешь первым. Спускайся в ров и двигай к углу лагеря. Пригибайся.

Кивнув, Фигул протиснулся в лаз, лег на живот и соскользнул по крутому склону на дно защитного рва. Затем Катон подтолкнул к пролому следующего солдата, и так, один за другим, все они спустились в ров, распределившись по дну. Когда Катон остался один, он с Макроном обменялись крепкими рукопожатиями. Катон понимал, что, скорее всего, до новой встречи с другом не доживет, и при мысли о том, что дышащего уверенной силой, многоопытного Макрона уже никогда не будет с ним рядом, ему стало не по себе. Однако ему приходилось быть сильным, ведь отныне от него будет зависеть, какое будущее выпадет на долю беглецов. Глядя на старшего друга, в темноте сидевшего на корточках напротив него, молодой центурион заставил себя улыбнуться.

– Спасибо, командир.

Макрон кивнул и подтолкнул Катона к пролому в частоколе.

– Давай двигай. Вам нужно оказаться как можно дальше отсюда, прежде чем они обнаружат побег.

– Ты прав.

Катон соскользнул по глинистому склону, а когда, уже со дна рва, поднял взгляд на проем в частоколе, Макрон уже исчез.

Катон пригнулся и двинулся вдоль вереницы вымазанных в грязи, лежавших вдоль рва людей. Сверху их нещадно поливал дождь, под ними на земле растекались лужи. Добравшись до спустившегося первым Фигула, Катон указал на угол укрепленного лагеря когорты, дал беглецам знак следовать за ним и ползком заскользил вперед. Достигнув угла, он поднял голову и осторожно огляделся, напрягая глаза и пытаясь углядеть часовых на стенах главного лагеря. Несколько расплывчатых теней неторопливо перемещались по гребню вала, но он был уверен, что если беглецы будут двигаться медленно и осторожно, то в такой темноте их с укреплений не заметят. Главная опасность исходила от Прокула: этот малый в любой миг мог снова удаться в панику и выдать товарищей. Оглянувшись, Катон тихо заговорил с Фигулом:

– Мы двинемся тем путем. Трава здесь высокая, она нас прикроет. Передай по цепочке: всем следовать за мной ползком, не поднимаясь.

– Есть, командир.

– И вот еще что: проследи за Прокулом. – Катон понизил голос, чтобы никто, кроме опциона, не мог его услышать. – Если у него начнется истерика, заставь его замолчать.

– Заставить замолчать?

– Сделай, что потребуется. Понял?

– Так точно, командир.

Катон отвернулся, бросил последний взгляд на валы, после чего сосредоточился на большой дубовой роще, которую приметил еще раньше, днем, когда фуражиры собирали там валежник для костров. Выбравшись из рва, он прополз некоторое расстояние в высокой траве, затем медленно приподнялся на четвереньки, напрягая зрение и слух, чтобы уловить любой признак опасности. Остальные легионеры один за другим тоже выбирались из рва и следовали за ним. Беглецы двигались осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, и едва ли не самым громким звуком было неистовое биение их сердец. Фигул переместился в тыл и теперь подталкивал вперед Прокула. Последний пребывал в таком страхе, что при любом случайном звуке, дрожа, припадал к земле и не двигался с места до тех пор, пока Фигул не побуждал его к этому чувствительными уколами острия меча.

Преодолев примерно две трети расстояния до рощи, Катон вдруг замер, поднял голову и обернулся в сторону лагеря Второго легиона. Нет, тревоги не было, и он уже собрался продолжить путь, когда вдруг ощутил вибрацию под упершимися в землю ладонями.

– Стой! – прошипел он. – Лежать!

Приказ передали по цепочке, люди замерли, припав к земле, а Катон напряг слух, стараясь определить источник усиливавшейся вибрации.

Вокруг по-прежнему равномерно сыпал дождь, ветер слегка посвистывал в ушах и шелестел в высокой траве. А потом из-за той самой рощи, к которой они направлялись, появилась высокая тень. К ней присоединилась другая, затем еще одна – они словно выплывали из-за деревьев сплошным потоком. Затаившиеся в траве люди слышали, как над прибрежной равниной раздалось тихое конское ржание. Припав к земле, юноша напрягал зрение, стараясь ничего не проглядеть. Неожиданно ехавший первым всадник повернул лошадь и направил ее, как показалось, прямо на Катона.

– Проклятье! – прошипел он, и его рука непроизвольно потянулась к рукояти меча, заткнутого за пояс.

Потом он сообразил, что в крошечной темноте всадники вряд ли их увидят. Но все равно...

– Лежать! Не высовываться! Пусть проезжают! Лежать, держать мечи наготове, и чтобы никто не двигался, пока не двинусь я.

Приказ торопливым шепотом передали по цепочке назад, и легионеры расprostерлись в траве, стараясь вжаться в землю. Катон снова повернулся к всадникам, находившимся не более чем в двухстах шагах. По его прикидкам получалось, что там как минимум два отряда конных разведчиков. Более чем достаточно, чтобы разделаться с беглецами. «Ехали себе в лагерь, понятия не имея ни о каких беглецах, а сейчас, того и гляди, на нас наткнутся», – с горечью подумал Катон, прижимаясь к земле и чувствуя щекой, как она подрагивает под конскими копытами, стучавшими все ближе.

В это же время сзади Фигул ухватил Прокула за складку туники.

– А ну, на хрен, лежать! Лежать, кому сказано?

– Нет, нет! Надо бежать! Спасаться!

Порываясь встать, Прокул пнул ногой руку, удерживавшую его за тунику.

– Отпусти!

Бросив взгляд на приближающихся кавалеристов, Фигул инстинктивно приподнялся позади Прокула и обрушился на него всей тяжестью, припечатав к земле. В следующее мгновение опцион ударил его рукоятью меча в висок, и Прокул мгновенно обмяк. Предпринять что-либо еще у Фигула не было никакой возможности: он остался лежать поверх бесчувственного тела, приставив меч к его горлу, в то время как всадники с топотом ехали прямо на них.

Но чуть ли не в последний миг конный отряд опять слегка изменил направление движения и проехал мимо не более чем в дюжине локтей от распростертых в траве беглецов. Повернув голову набок и тяжело дыша, Катон проводил взглядом темные тени закутанных в плащи всадников, торопивших коней, чтобы поскорее добраться до места и укрыться от дождя и ветра в теплых палатках.

Колонна с грохотом проезжала мимо, не подозревая о затаившихся легионерах, однако Катону казалось, что всадники будут ехать бесконечно. Это ощущение переросло в почти непреодолимое желание вскочить и броситься на конных разведчиков, но тут последний из них наконец проскакал мимо. Глядя на удаляющуюся спину последнего из всадников, возвращавшихся в лагерь, Катон испустил глубокий вздох и только сейчас почувствовал, что все его мускулы вздулись от напряжения, сделались тугими, как кошель интенданта. Он ждал до тех пор, пока хвост конной колонны не пропал из виду, и лишь после этого передал бойцам приказ продолжить движение к роще.

Только спустя полчаса Фигул присоединился к остальным беглецам, сидевшим на корточках в тени под кронами дубов, откуда на них капала вода. Прокул пришел в сознание, но соображал плохо и не протестовал, когда опцион толчками направил его к остальным. Катон снова оглянулся на крепость и в очередной раз убедился, что тревогу так и не подняли. Он уже прикинул, что под прикрытием темноты им осталось двигаться не более четырех часов, а значит, разрыв между ними и первыми преследователями составит около десяти миль. Между тем до болот, насколько он помнил, было миль пятнадцать. Шанс успеть ускользнуть невелик, но он есть.

Ну а что потом?

Неопределенное, полное опасностей будущее тяготило Катона, словно мешок с камнями. Если их все-таки захватят свои, казнь последует быстро, причем забивание насмерть камнями или дубинками можно считать самой мягкой карой из тех, что пожелает обрушить на них взбешенный командующий Плавт. Вероятнее всего, их ожидает распятие – медленная мучительная смерть на кресте. А попади они в руки варваров, можно не сомневаться в том, что их ожидают самые жестокие пытки: сожжение заживо, сдирание кожи, травля охотничьими псами. Но даже если им удастся ускользнуть и от тех и от других, то чем они смогут прокормиться, скрываясь

в болотах? Может быть, до наступления холодов еще можно будет что-то найти или украсть, но голода все равно не избежать, а с наступлением зимы их ждет неминуемая гибель.

На миг у Катона возник порыв повернуть обратно и принять свою судьбу, может быть наименее ужасную из всех возможных, но он тут же выругался, кляня себя за дурость. Он жив, и на самом деле только это и имеет значение. И он будет цепляться за жизнь во что бы то ни стало, потому что, какой бы она ни была, самая трудная жизнь несравненно лучше бесконечного забвения смерти.

Катон не больно-то верил в то, что после смерти попадет в загробное царство Митры, загадочного восточного бога, у которого в последнее время появилось немало почитателей в легионах. Смерть виделась ему абсолютным и окончательным концом всего, а стало быть, ей следовало противиться, уклоняться от ее холодных объятий до последнего вздоха.

Усилием воли Катон отогнал мрачные мысли и встал, подставив промокнувшее тело пронизывающему ветру.

– Всем встать! За мной! – приказал центурион и, даже не удосужившись проверить, выполнена ли его команда, отвернулся от лагеря и зашагал на запад – туда, где под серым унылым небом раскинулись болота.

Глава 22

Когда прозвучал сигнал тревоги, Макрон бодрствовал. Вернувшись в палатку, он так и не смог сомкнуть глаз. То было нечто совершенно новое для Макрона, который, как и большинство ветеранов, обычно проваливался в глубокий сон в тот самый момент, когда голова его касалась подушки. Но ведь и ситуация была далека от обычной. Катон бежал, но шансы на его спасение оставались ничтожными, да и самому Макрону угрожала нешуточная опасность. В тот самый момент, когда в интендантском шатре обнаружат связанных помощников интенданта с кляпами во ртах, станет очевидно, что беглецам кто-то помог. И если обнаружится его причастность, он сам окажется в числе приговоренных. На сей счет у центуриона сомнений не было. Ни послушной список, ни боевые награды во внимание приняты не будут. Его казнят.

Сквозь щели полога палатки было видно, что по тусклому серому небосклону уже начал разливаться слабый утренний свет. Дождь хотя и лил уже не так сильно, как ночью, но все еще продолжался, упорно стуча по кожаной крыше палатки и мокрой земле вокруг нее. Крик, раздавшийся в отдалении, призвал дежурную центурию к оружию. Поднятое по тревоге отделение пробежало мимо палатки: темные силуэты вырисовывались на фоне разгорающейся зари, сапоги скользили и хлюпали в грязи.

Макрон решил, что ему лучше выбраться наружу, чтобы его видели среди откликнувшихся на сигнал тревоги. Ради собственного спасения следовало делать вид, будто он удивлен так же, как остальные. Центурион встал с походной койки и потянулся за сапогами. Но едва пальцы коснулись потертой кожи, он помедлил, потом оставил сапоги и вынырнул из палатки.

– Эй ты! – остановил он пробегавшего мимо солдата. – Что тут, на хрен, за суматоха?

Легионер остановился и, тяжело дыша, встал навытяжку.

– Э-э-э... осужденные, командир.

– Что «осужденные»?

– Они исчезли, командир. Сбежали!

– Ну ни хрена себе? Как же им удалось?

Легионер, разумеется, лишь пожал плечами. Он понятия не имел, да и трудно было ожидать, что он знает такие подробности.

Макрон кивнул:

– Ну ладно. Действуй!

– Есть, командир!

Легионер отдал честь, повернулся и поспешил туда, где над линией палаточных крыш виднелся штандарт его подразделения, которым медленно поводили из стороны в сторону, обозначая место сбора. Макрон проводил его взглядом и убедился, что как ни торопись, а не получится быстро двигаться по вязкой грязи, окружавшей палатки. Это хорошо, как и все, что способно хоть ненадолго задержать погоню за Катонем и остальными беглецами. Нырнув обратно в палатку, Макрон торопливо натянул и зашнуровал сапоги и накинул тяжелый плащ. Плотная шерстяная ткань, совсем недавно пропитанная жиром, почти не пропускала воду. «А вот Катоновым ребятам приходится туго, дрожат небось в своих промокших туниках», – подумал он, ощутив вдруг укол совести. Но времени на то, чтобы снабдить беглецов чем-то еще, кроме оружия, у них с Фигулом не было, да и оно было добыто с огромным риском. «Вообще, Катону надо радоваться уже тому, что он остался жив», – размышлял Макрон на ходу, размашистым шагом направляясь к легионерам, собиравшимся под штандартом.

Центурион Максимий, схватив под мышку плащ, подбежал к своим командирам.

– Почему поднята тревога?

Туллий, командир дежурной центурии, выпрямился и выступил вперед:

– Осужденные совершили побег, командир.

– Побег? – изумился Максимий. – Это невозможно! Покажи!

Туллий повернулся в сторону открытой площадки, где содержали арестованных, и легионеры расступились, давая дорогу командирам. Те проследовали на площадку и подошли к двум часовым, которых вырубил Фигул. Они сидели на земле и пили из фляжек, которые им дали освободившие их товарищи.

– Это еще что такое? – заорал Максимий. – А ну, на хрен, встать!

Оба солдата кое-как поднялись на ноги и смотрели на приближающихся командиров, вытянувшись по стойке смирно. Поначалу командир когорты оставил их без внимания: он изумленно таращился на примятую траву, обозначающую место, где сидели осужденные. Сделав три быстрых шага, он наклонился, поднял с земли несколько обрезков кожаных ремней, внимательно их осмотрел и показал другим командирам.

– Перерезаны.

Макрон сглотнул и кивнул:

– Надо думать, кто-то им подсобил.

– Да уж, похоже на то, – согласился Максимий и повернулся к двоим караульным. – Васс, что здесь произошло?

Легионер постарше стоял навтыжку и смотрел прямо перед собой, избегая взгляда командира когорты.

– Ну, – тихо произнес Максимий, – выкладывай.

– Командир, меня и моего напарника захватили врасплох. Они выскочили из темноты, неведь откуда взявшись, и набросились на нас.

– Они? Сколько их было?

– Двое, командир, – встрял часовой помоложе. – Ох и здоровенные были оба.

– Ты их узнал?

– Так ведь темно же было, командир, – пробормотал старший часовой. – Тут разве с уверенностью скажешь?

Глаза его мрачного товарища расширились.

– Командир, одного мы точно узнали. Это был Фигул.

– Опцион Фигул? – Командир когорты поскреб подбородок. – Опцион Катона. Ну что ж, это кое-что проясняет. А как насчет второго?

Макрону потребовалось усилие, чтобы скрыть тревогу, охватившую его в ожидании ответа ветерана.

– Его я толком не разглядел. Заметил только, что ростом он поменьше Фигула, ну так ведь это почти про любого сказать можно.

– Понятно. – Максимий оглянулся на Макрона. – Объявляю общее построение когорты. Надо выяснить, кого еще мы хватимся. Действуй!

Макрон повернулся и стал высматривать трубача когорты. Как он и ожидал, солдат стоял под штандартом дежурной центурии, держа наготове изогнутый дугой бронзовый инструмент. Макрон шагнул к нему:

– Труби общий сбор!

Громкие звуки прокатились над рядами палаток. Все остававшиеся там солдаты повывали на дневной свет и, хлюпая по грязи, заторопились к месту построения у внутренней стороны вала. Центурионы стали перед своими подразделениями, в то время как оптионы проводили быструю переключку, проверяя личный состав. Центурию Катона, лишившуюся и командира, и исполняющего его обязанности, Макрон взял на себя.

В скором времени командиры доложили о результатах проверки Максимию.

– Что, отсутствует один Фигул? Но часовые говорят, их было двое.

– Может, у них в глазах двоилось? – с улыбкой предположил Макрон. – Перебрали или еще что.

– Мне они пьяными не показались, – пробормотал центурион Туллий.

– Нет, – согласился с ним Максимий. – Они не пили. Похоже, один из тех, кто помогал осужденным бежать, остался в лагере. Он здесь, среди нас.

– А может, и нет, командир, – указал Макрон. – Вдруг это был кто-то из рабов?

– Да... ты прав. Пошли кого-нибудь, пусть рабов тоже пересчитают.

Они стояли, ожидая результата, и вдруг Макрон заметил, что на лице его начальника отразилось беспокойство. Посмотрев в сторону главного лагеря, куда был направлен взгляд Максимия, он мигом понял причину.

– Думаю, легата долго ждать не придется.

Максимий фыркнул и издал горький смешок.

– Легата, командующего и первые когорты всех легионов. Нас выставят на всеобщее посмешище.

– Сомневаюсь, чтобы легат стал смеяться, – хмуро заметил Туллий. – Скорее, он зажарит наши яйца себе на завтрак.

Макрон кивнул:

– Это еще если нам повезет.

В это время за рекой запели трубы, возвещавшие утреннюю смену караула и начало нового дня. А спустя миг трубы в расположении Второго легиона грянули еще громче. Максимий и его командиры нервно переглянулись. Солдаты когорта, отобранные, чтобы присутствовать при казни, должно быть, торопливо натягивали туники и доспехи. Учитывая, сколько времени им потребуется, чтобы полностью собраться, пересечь реку и построиться на открытой площадке перед валами лагеря Второго легиона, у Максимия и его легионеров оставалось не более получаса до того, как все узнают о случившемся. После чего гнев высшего командования армии обрушится на них, словно каменная лавина.

– К прибытию легата, на караул! – раздался возглас дежурного оптиона у главных ворот.

Максимий понурился: вот-вот ему предстояло встретиться с Веспасианом, и ничего хорошего эта встреча не сулила. На миг Макрону даже стало его жалко, и он чуточку устыдился того, что устроил побег. Но он тут же вспомнил, что вся полнота ответственности за беды, обрушившиеся на когорты, включая то, что Катон и другие невинные люди были несправедливо осуждены на казнь, лежит именно на командире. Лицо Макрона посуровело, сердце сжалось от горестного презрения к старшему центуриону.

Дежурный опцион выкрикнул приказ открыть ворота и тут же сбежал вниз, чтобы занять место перед строем караула на въезде в лагерь. Заскрипели бревна, створы разошлись, и в открывшийся проем было видно, как по размытой дороге приближается группа всадников – легат и несколько командиров из его штаба.

Максимий нервно пригладил волосы и сморгнул с ресниц дождевые капли.

– Ну и ладно, раз деваться некуда, лучше пройти через все это не откладывая. Вперед.

Центурионы Третьей когорты, буквально придавленные ужасом перед тем, как легат отреагирует на известие о бегстве приговоренных, медленно двинулись к воротам, ему навстречу. И без того унылое настроение усиливал надоедливый, непрекращающийся дождь.

Веспасиан скользнул взглядом по страже у ворот и, оценив бравый вид и экипировку караула, удовлетворенно кивнул. На сапогах, конечно, можно было углядеть пятнышко-другое грязи, но, учитывая погоду, это приемлемо. Он повернулся к опциону:

– Молодец. Можешь их отпустить.

– Есть, командир!

Отдав честь, опцион четко повернулся к своим солдатам и громко, словно не стоял с ними рядом, а командовал парадом на плацу, выкрикнул приказ. Солдаты выслушали его, вытянувшись в струнку, и, как только с формальностями было покончено, поспешили искать укрытие от дождя.

Легат мягко соскочил с седла на землю. Пятеро центурионов подтянулись и расправили плечи.

– Доброе утро. Надеюсь, все необходимые приготовления сделаны?

– Э-э-э... да, командир.

Веспасиан мигом уловил неуверенность в тоне докладчика и нахмурился.

– В чем дело?

Макрон, покосившись, увидел, как центурион Максимий беспомощно опустил голову.

– Командир, я вынужден с сожалением доложить, что осужденные скрылись.

На миг легат остолбенел, наморщил широкий лоб. Лишь когда лошадь мотнула головой, дернув поводья, которые он все еще держал в руке, он выдавил:

– Сбежали? И много их сбежало?

– Все, командир, – с содроганием ответил Максимий.

– Все? Что за бред, центурион? Как это может быть, чтобы все арестованные сбежали?

Они ведь были под стражей, не так ли?

– Разумеется, командир.

– Ну и?..

– У осужденных нашлись пособники, которые напали на караульных. Их вырубili и связали, а осужденных освободили, и они ускользнули за валы.

– Полагаю, ты послал за ними погоню?

Максимий слабо покачал головой:

– Я сам только что узнал об этом, командир. Тревогу подняли на заре.

Легат сжал руку в кулак и на миг зажмурился, чтобы совладать с яростью, которую вызвало признание командира когорты, после чего осведомился:

– Ты не находишь, что будет разумно послать кого-нибудь на их поиски прямо сейчас?

– Да, командир. Я мигом. Туллий, организуй все немедленно.

Центурион бегом помчался исполнять приказ, а Веспасиан щелкнул пальцами, подзывая старшего трибуна. Тот немедленно соскочил с седла и подбежал к легату.

– Плиний, разведывательный патруль не докладывал ни о чем необычном?

Трибун Плиний задумался, потом покачал головой:

– Никак нет, командир. Ничего необычного.

– Ладно. Вот что – возвращайся в лагерь и скажи им, чтобы снова садились в седла. Пусть прочешут местность к югу, западу и востоку от реки. Если наткнутся на кого-то из дезертиров, пусть попробуют захватить живьем его и доставить назад на казнь. Если беглецы будут сопротивляться, я даю разведчикам разрешение убивать их на месте. Все понятно?

– Так точно, командир.

– Тогда исполняй. Вперед.

Трибун поспешил к коню, вскочил на него и, натянув поводья, поскакал к главному лагерю. Грязь из-под копыт полетела и на легата, и на центурионов Третьей когорты. Макрон моргнул, когда комок глины угодил ему в щеку.

– Прошу прощения, командир.

Макрон оглянулся и увидел солдата, которому было поручено сверить личный состав в лагере когорты.

– Ну?

– Из всего состава отсутствует только один человек, опцион Фигул. Все остальные, и легионеры, и рабы, находятся в лагере.

– Ты уверен? – спросил Макрон, подняв темные брови.

– Так точно, командир. Но это еще не все. В складском шатре мы нашли связанных интендантских помощников. Похищено оружие.

– Ладно, можешь идти.

Макрон обменялся беспокойными взглядами с центурионом Максимием.

– Что, центурион Макрон, проблема? Так сказать, еще одна, в добавление к списку?

Макрон кивнул:

– Так точно, командир. По-видимому, дезертировал вместе с приговоренными только один Фигул.

– Но наши часовые докладывают, что на них напали двое. Похоже на то, что второй нападавший до сих пор в лагере.

– Тогда нам лучше бы его найти, – тихо промолвил Веспасиан. – Думаю, командующему Плавту в качестве возмещения потребуются чья-то голова. И лучше, если это будет голова виновного, чем кого-нибудь из вас, не так ли?

Ответа не последовало, да и не требовалось, достаточно было взглянуть на унылые, отчаявшиеся лица командиров. Тем временем позади них Туллий провел отделение легионеров через оставленный беглецами пролом в частоколе. Бойцы в полном вооружении съехали по склону в ров и двинулись по следам, оставленным на дне, к углу лагеря.

Веспасиан покачал головой:

– Плохо дело, центурион Максимий. Мало того, что ты сам провалился в дерьмо по самые яйца, так еще и меня за собой тянешь... Спасибо, удружил.

Сказать на это Максимию было нечего. От извинений толку никакого, они только усугубят бремя позора, лежавшее на его плечах. Поэтому он молча смотрел на легата. Тот отвернулся и взобрался на коня. С высоты седла Веспасиан с презрительной усмешкой уставился на центурионов:

– Я доложу о случившемся командующему, пока он не отправил сюда из-за реки когорты, назначенные присутствовать при казни. У меня почему-то возникли сильные сомнения в том, что Авл Плавт воспримет новости спокойно. Вам лучше привести дела в порядок.

Веспасиан развернул коня, выехал за ворота и поскакал по грязной дороге, направляясь к главному лагерю. Штабной эскорт последовал за ним. Когда они огибали угол легионного лагеря, отряд конных разведчиков галопом промчался в другом направлении. Развернувшись, они поскакали в промежуток между двумя лагерями, туда, где Туллий и его команда прослеживали путь беглецов через покрытую высокой травой равнину к дубовой роще. Потом внимание Макрона привлекло движение на пологой возвышенности, что виднелась за главным

лагерем, и, приглядевшись, он увидел темные фигуры кавалеристов другого отряда. Они галопом скакали вверх по склону, развернувшись веером, чтобы проверить западное направление.

– Будем надеяться, что они быстро найдут Катона, – пробормотал Феликс. – Как думаете, в каком направлении они могли двинуть?

– На запад, – уверенно заявил Антоний. – Или на юго-запад. Это единственное, что имеет смысл.

– Какой смысл в том, чтобы пробираться в самое сердце вражеской территории? Ты в своем уме? – буркнул Феликс, покачивая головой.

– А что им еще остается? Если двинутся на восток, их либо перехватят наши, либо выдадут союзные нам племена. К тому же на западе раскинулись непролазные топи. Лучшее место, чтобы спрятаться.

– Дерьмовое место! Сунуться туда – это все равно что добровольно отдаться в руки Кар-атаку, а ты знаешь, что он и его шайка делают с пленными римлянами.

– А я утверждаю, что для них это лучший выбор, – твердо заявил Антоний и повернулся к Макрону. – А ты как считаешь?

Макрон молча уставился на него, потом как бы между делом проводил взглядом всадников, уже исчезавших за гребнем холма позади главного лагеря. Прочистив горло, чтобы не выдать терзавшего его изнутри страшного беспокойства, центурион промолвил:

– На запад. Согласен с тобой, для них это лучший выбор. Я бы сказал, единственный шанс.

Не согласный с этим Феликс раздраженно хмыкнул и повернулся к Максимию.

– Ну а ты, командир? Что ты думаешь?

– Думаю? – Максимум глянул на него с отсутствующим выражением, потом нахмурился. – Что я думаю? Я думаю, ни хрена это не важно, в какую сторону они направились. Главное, совершилось преступление, и оно затронуло каждого из нас. Случившееся исковеркает послужной список каждого командира этой когорты, словно ужасный шрам. Вот что я думаю.

Он смотрел по очереди на троих центурионов, горестно кривя губы. Последним, на ком остановился его взгляд, был Макрон.

– И вот что еще я думаю. Если сумею выявить того, кто помог им удрать, я с него живьем кожу сдеру. Причем собственноручно.

Глава 23

– Придется оставить его, – тихонько промолвил Катон.

Фигул покачал головой:

– Нельзя. Если они его поймают, то заставят говорить. А потом казнят.

Опцион умолк и оглянулся на легионера, который сидел на камне возле речушки и поглаживал вывихнутую лодыжку. С этого самого камня, мокрого и скользкого из-за дождя, он некоторое время назад и упал. Один неверный, слишком поспешный шаг, и вконец вымотанный солдат полетел на землю, получив тяжелейший вывих, такой, что, попытавшись встать и перенести вес на поврежденную ногу, заорал от боли. Стало ясно, что идти дальше он не сможет. Рассвет застал их, по прикидкам Катона, чуть дальше чем в восьми милях от лагеря, а стало быть, до кромки болот оставалось еще миль шесть. Не приходилось сомневаться, что легат вышлет конницу на их поиски, как только будет достаточно светло, чтобы видеть следы. Чтобы улучшить шансы на спасение, следовало припустить бегом, а раненый и ковылять-то не мог. А понести его означало существенно замедлить движение и подвергнуть дополнительному риску жизни всех остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.